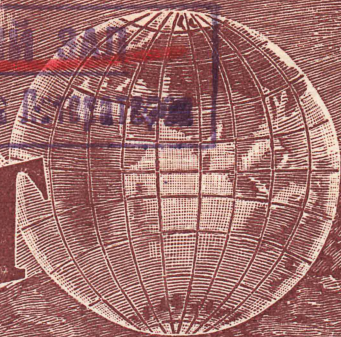

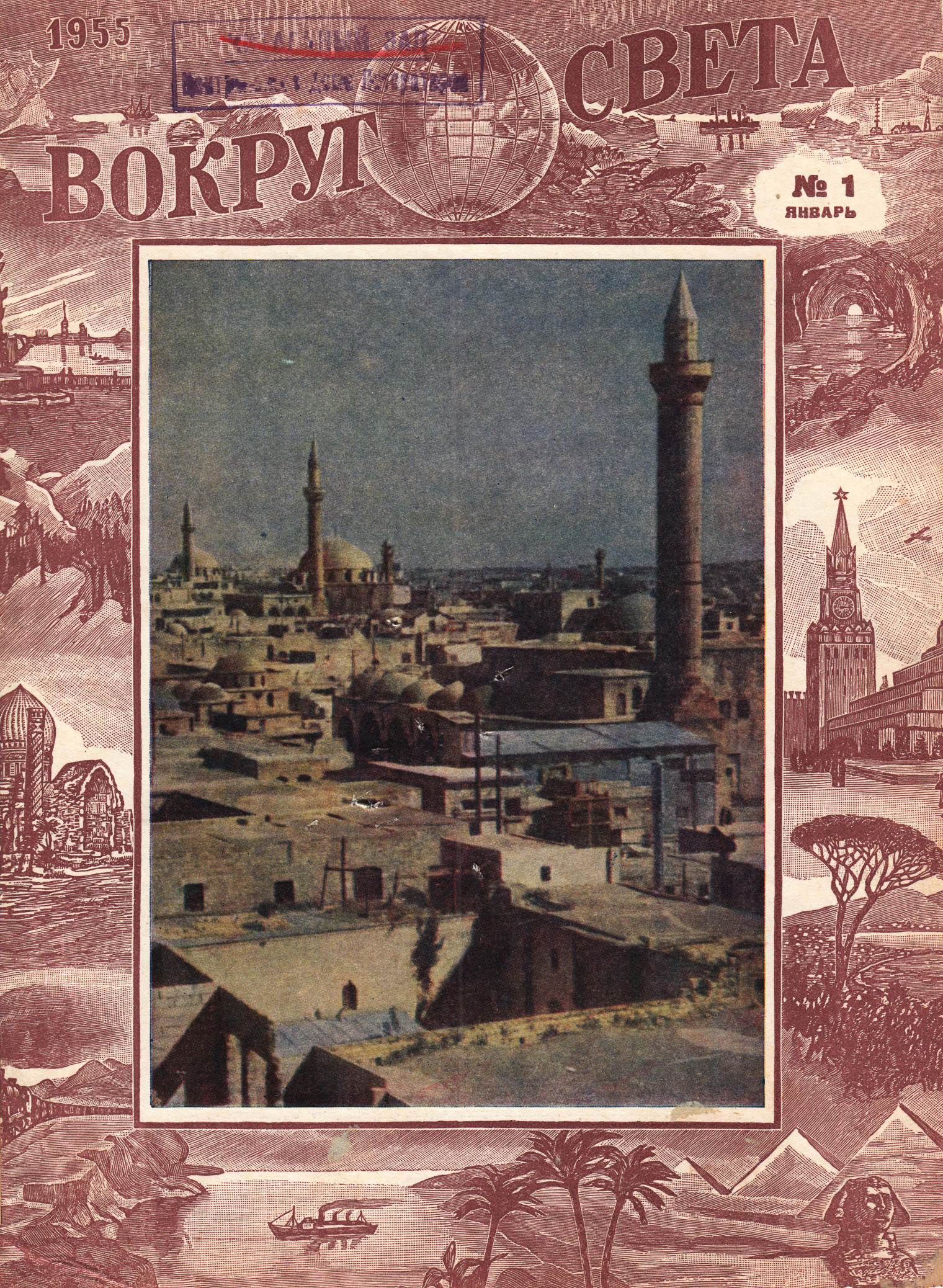
1955

СВЕТА

ВОКРУГ

№ 1
ЯНВАРЬ

Раннее утро в Джакарте. Солнечные лучи еще не проникли в низкий барак, а молодые девушки и девочки уже склонились над столами и руками очищают капок от семян, запутавшихся в его тонких волокнах. Эта кропотливая, напряженная работа требует хорошего зрения и терпения. (См. «Первый день в Джакарте»).

1955

ВОКРУГ СВЕТА

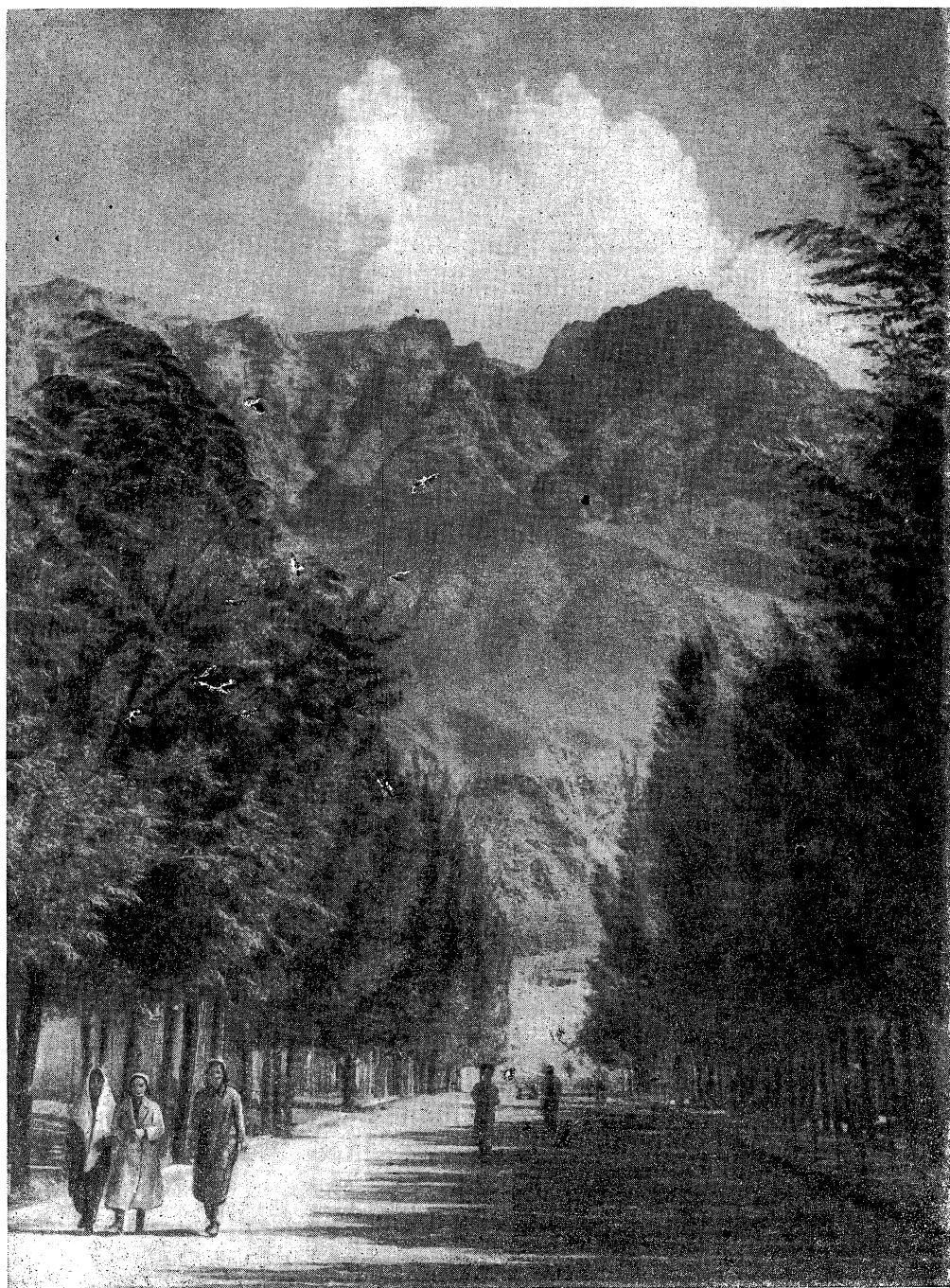
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ
НАУЧНО - ПОПУЛЯРНЫЙ
ЖУРНАЛ ЦК ВЛКСМ

№ 1

ЯНВАРЬ

Журнал основан в 1861 году

Хорог — центр Горно-Бадахшанской автономной области Таджикистана. На фоне серых скал Памира особенно ярко выделяется густая зелень Садовой улицы.

Движения Земли

Ф. СИГЕЛЬ,
кандидат педагогических наук

Рисунки *М. Пинова*

Начало календарного года почти совпадает с очередным событием в космической жизни нашей планеты. Земля в своем неустанном беге вокруг Солнца максимально приближается к исполинскому светилу. Это лишь одно из многих движений, присущих нашей планете.

Трудно поверить, что такое огромное тело, как земной шар, весящий, по подсчету ученых, почти 6 000 000 000 000 000 000 т, одновременно участвует в самых разнообразных движениях. Однако существование этих движений твердо установлено современной наукой. Если все религии утверждают, что Земля неподвижно покоится в центре вселенной, то астрономия давно уже доказала несостоятельность этих идей. Не центр мироздания, а одна из планет, движущаяся, как и все другие небесные тела, в безграничном мировом пространстве, — таково действительное положение Земли во вселенной.

Два движения Земли известны с давних времен — это вращение вокруг оси и обращение около Солнца. Но потребовались многие века жестокой идеологической борьбы науки против религии, прежде чем факт существования этих двух главнейших движений Земли стал непреложной научной истиной. Только спустя почти три века после открытия Коперника, в 1832 году, под натиском бурно развивающегося естествознания ка-

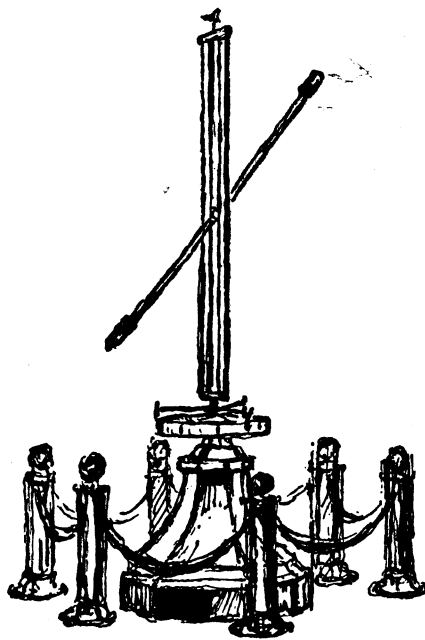
толическая церковь была вынуждена снять запрет с учения великого польского астронома.

Однако реакционеры в науке и донныне пытаются извратить революционные идеи Коперника, представить его учение только как

одну из возможных гипотез. Они объявляют, что якобы с точки зрения теории относительности системы Птолемея и Коперника равноправны, так как безразлично: Земля ли движется относительно Солнца или, наоборот, как утверждал Птолемей, Солнце относительно Земли. Советский академик В. А. Фок и другие прогрессивные ученые опровергли попытку современных мракобесов использовать науку для оправдания религии. Они доказали, что теория относительности вовсе не опровергает гениального открытия Коперника и что факт движения Земли вытекает из всей совокупности современных научных знаний.

Несмотря на это, даже теперь, во второй половине XX века, есть еще страны, где запрещено говорить о движении Земли. Например, в доминионе Британской империи — Южно-Африканском Союзе был издан закон, запрещающий демонстрацию опытов, доказывающих вращение Земли, по той только причине, что «безобидная теория вращении Земли находится в противоречии с Библией».

Известно немало доказательств вращении Земли. Так, например, если с высокой башни бросить камень, то при падении он отклонится к востоку, то-есть в том же направлении, в котором вращается Земля (с запада на восток). Вызвано это тем, что камень, находясь на вершине башни, дальше отстоит от оси вращения Земли и, сле-

Маятник Пошехонова.

довательно, обладает большей линейной скоростью, чем точки у основания башни. Когда камень брошен, он стремится по инерции сохранить свою прежнюю скорость и потому обгоняет медленнее движущиеся точки земной поверхности.

Вращение Земли вызывает также размывание правых берегов рек в северном полушарии Земли и левых — в южном, отклонение ветров при приближении их к экватору, сплюснутость Земли и многие другие явления.

До последнего времени вращение Земли наглядно иллюстрировалось общеизвестным опытом с маятником Фуко.

В 1950 году советский ученый Г. Л. Пошехонов вместе с сотрудниками Московского планетария сконструировал новый оригинальный прибор, убедительно доказывающий вращение Земли. В прямоугольной раме, способной свободно вращаться вокруг вертикальной оси, укреплен стержень с двумя грузами на концах. Стер-

Древние китайские астрономы за наблюдениями звездного неба.

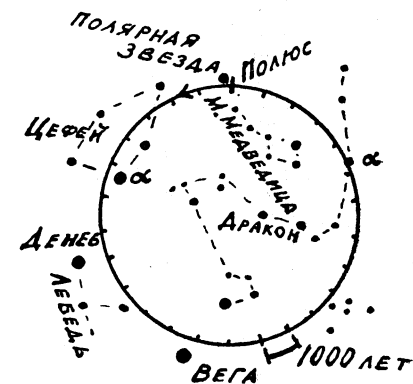
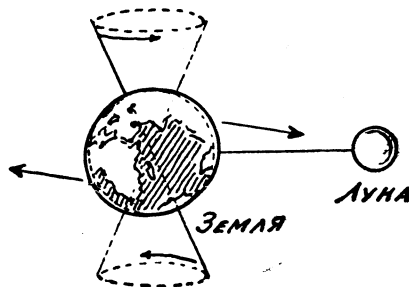
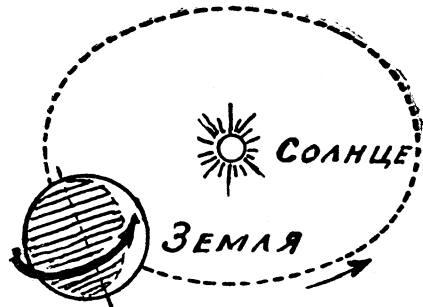
Прежде по вращению Земли проверяли лучшие из хронометров. Сигналы точного времени, несколько раз в сутки передаваемые по радио из Государственного астрономического института имени Штернберга, служили и служат доньне основой для проверки всех обычных механических часов.

Однако теперь астрономы получили возможность сверить «ход» земного шара с еще более точными, кварцевыми часами. В этих часах нет пружины или гири, отсутствует в них и обычный часовой механизм. Его роль выполняет пластинка кварца, помещенная между двумя электродами. Под действием переменных электрических сил кварцевая пластинка приходит в быстрое колебательное движение — до 100 тысяч колебаний в секунду. Колебания эти происходят с удивительным по-

Земли представится нам еще более неравномерным.

Природа бесконечно сложна во всех своих проявлениях. Нет и не может быть идеально равномерно-

С лева — два главных движения Земли: вокруг своей оси и около Солнца; в середине — притяжение Луны вызывает прецессию — конусообразное движение земной оси; с права — путь небесного полюса среди звезд, создаваемый прецессией.

жень приводится в качение, и в тот момент, когда он проходит через вертикальное положение, рама резко, рывком поворачивается вокруг оси. Вращает раму наша Земля. Если бы земной шар был неподвижен, не поворачивалась бы и рама. Проверить это просто. Рядом с большим «маятником Пошехонова» экскурсовод демонстрирует его сильно уменьшенную модель. Последняя ставится на подставку, которая соединена с мотором. При вращении подставки рама рывком поворачивается вокруг вертикальной оси. Остановим мотор — качание маятника в раме происходит спокойно, без всяких рывков.

Вращение нашей планеты происходит настолько плавно, что мы его вовсе не ощущаем. До последнего времени Земля считалась лучшими часами — ее вращение равномернее, чем ход любого часового механизма.

стоянством: за сутки кварцевые часы уходят вперед или отстают не более чем на 0,001 секунды!

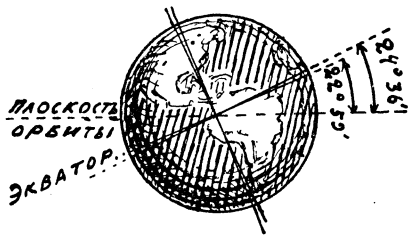
Оказалось, что вращение Земли совсем не такое равномерное, как думали раньше. Перемещение воздушных масс в атмосфере, движение воды в реках, колебания температуры почвы, наконец сезонные изменения растительного покрова Земли и другие явления — все это отзывается на ее вращении, делая его слегка порывистым, неравномерным. Когда в будущем будут созданы еще более точные часы (а уже сейчас разрабатываются проекты «атомных часов», в которых используются колебания молекул), вращение

го движения. Все движения в природе в той или иной степени неравномерны.

Возьмем, например, второе движение Земли — вокруг Солнца. Как и у всех планет, орбита Земли представляет собою эллипс. Расстояние Земли от Солнца непрерывно меняется. В начале января,

Настанет время, когда на небе северного полушария появится созвездие Южного Креста.

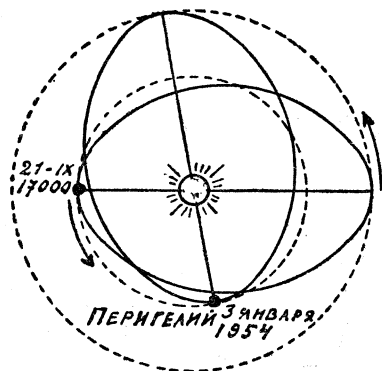

когда Земля проходит через перигелий — ближайшую к Солнцу точку своей орбиты, нас отделяет от Солнца почти 147 миллионов километров. Через полгода расстояние от Земли до Солнца становится близким к 152 миллионам километров.

Кстати сказать, разница в 5 миллионов километров только по земным масштабам кажется колоссальной. Она составляет лишь 3 процента среднего расстояния от Земли до Солнца и поэтому почти никакого заметного влияния на смену времен года не оказывает. Известно, что основной причиной этой смены является то, что земная ось переносится в пространстве параллельно самой себе, сохраняя неизменным свой наклон к плоскости земной орбиты.

Скорость движения Земли все время меняется. Вблизи Солнца она увеличивается, с удалением от него — уменьшается. В среднем же Земля летит по своей орбите со скоростью в 36 раз быстрее пули — 30 километров в секунду. Опять заметим, что эта скорость кажется огромной лишь по земным меркам расстояний. Если бы мы могли откуда-то извне с большого расстояния следить за орбитальным движением земного шара, он показался бы нам более медлительным, чем черепаха. За час земной шар проходит путь, в девять раз больший его диаметра, между тем как черепаха за один час переползает путь, равный нескольким десяткам своих поперечников.

Земной шар часто сравнивают с волчком. Такое сравнение более глубоко, чем иногда кажется. По-

Наклон оси Земли к плоскости ее орбиты подвержен периодическим изменениям.

пробуйте раскрутить волчок, а потом слегка толкнуть его ось: в этом случае последняя начнет описывать конус, причем со скоростью, значительно меньшей, чем скорость вращения волчка. Это движение называется прецессией. Оно свойственно и земному шару, являясь его третьим движением.

Что же «толкает» земную ось, что порождает прецессию земного шара? Известно, что Земля сплюснута у полюсов, а земная ось наклонена к плоскостям как земной, так и лунной орбиты. Солнце и Луна притягивают экваториальные «придатки» Земли, вызывая ее сплюснутость. Они стремятся выпрямить Землю, «толкнуть» ее ось так, чтобы она стала перпендикулярной к плоскостям лунной и земной орбит. Но это им не удается — Земля вращается вокруг своей оси. В результате вращения Земли и «выпрямляющего» действия Луны и Солнца возникает прецессия — медленное, конусообразное движение земной оси.

Период прецессии очень велик. Земная ось снова примет теперешнее свое направление только через 26 тысяч лет. Из-за прецессии меняется положение небесного полюса — той точки, вокруг которой, как нам кажется, происходит суточное вращение звезд. В настоящее время небесный полюс близок к Полярной звезде — в эту область мирового пространства направлена земная ось. За 2700 лет до н. э. роль Полярной звезды выполняла другая звезда — Альфа Дракона, о чем записано в древних китайских летописях времен императора Гоанг-Ти. В египетских пирамидах той эпохи обнаружены галереи, прорытые под углом в 27° к горизонту. Именно на такой высоте тогда и виднелась в Египте Альфа Дракона, лучи которой проникали в эти галереи.

Свою роль указателя севера современная Полярная звезда сохранит примерно до 3500 года. В 10000 году полюс мира подойдет к звезде Денеб — главной в созвездии Лебеда, а в 13600 году Полярной станет одна из ярчайших звезд неба — Вега, которая, кстати, уже выполняла эту роль для наших отдаленных предков около 13 тысяч лет назад.

Настанет время, когда вследствие прецессии исчезнет с европейского неба яркий Сириус и, наоборот, станет доступным для на-

Земная орбита медленно поворачивается в своей плоскости.

блюдения созвездие Южного Креста.

Повторится ли, однако, через 26 тысяч лет та картина неба, которую мы ныне наблюдаем? На этот вопрос надо дать отрицательный ответ. Как нет в природе идеально равномерного движения, так нет в ней и абсолютно точного повторения. Строго говоря, все в мире неповторимо и вся природа в своем бесконечном движении проходит только через новые стадии развития.

Через 26 тысяч лет звезды, непрерывно движущиеся в мировом пространстве, сместятся с теперешних своих мест и вид созвездий станет немного иным. Спустя несколько десятков оборотов небесный полюс встретит такие звезды, которые сейчас как будто вовсе не претендуют на роль Полярной звезды.

Луна вызывает еще одно, гораздо менее значительное — чет-

Знание точного положения звезд необходимо летчикам, картографам и геодезистам.

вертое — движение Земли. Если бы даже остановить прецессию, земная ось все же не осталась бы неподвижной. Из-за воздействия Луны на различные точки земного эллипсоида земная ось описывает маленький конус с периодом в 18,6 года. Благодаря этому движению, называемому нутацией, небесный полюс вычерчивает на фоне звездного неба крошечный эллипс, у которого наибольший диаметр близок к 18 секундам дуги, а наименьший — около 14 секунд.

Фактически и прецессия и нутация происходят одновременно. Поэтому небесный полюс странствует среди звезд по сложной, извилистой кривой.

Во всех учебниках географии подчеркивается, что наклон оси

Земли к плоскости ее орбиты всегда остается неизменным. Строго говоря, это неверно. Земля, хотя и крайне медленно, но все же «покачивается», и наклон земной оси слегка меняется. Впрочем, это — пятое — движение Земли малоощутимо. Размах колебаний земной оси не превышает $1^{\circ}37'$, а за год наклон оси в среднем меняется не более чем на полсекунды. Из-за этого «покачивания» небесный полюс во время прецессии движется не по окружности, а по некоторой спирали, то сжимающейся, то снова расширяющейся.

Не остается неизменной и форма земной орбиты. Ее эллипс становится то более, то менее вытянутым. В этом заключается шестое движение земного шара.

Форма всякого эллипса, как известно, характеризуется эксцентриситетом. Так называется отношение расстояния между фокусами эллипса к его наибольшему диаметру — большой оси. У круга фокусы совпадают с его центром, и поэтому эксцентриситет равен нулю. У любого эллипса эксцентриситет заключен между нулем и единицей.

В настоящую эпоху эксцентриситет земной орбиты близок к 0,017. Около ста тысяч лет назад он был почти в три раза больше, а в 24000 году достигнет минимального значения (около 0,003). Правда, все эти «пульсации» земной орбиты почти не отражаются ни на климате Земли, ни на смене времен года.

Прямая, соединяющая ближайшую и наиболее отдаленную от Солнца точки орбиты Земли, называется линией аписид. В ее медленном повороте выражается седьмое движение Земли. Из-за этого меняются сроки прохождения Земли через перигелий. В настоящую эпоху максимальное сближение Солнца и Земли приходится на 3 января. За четыре тысячи лет до нашей эры Земля проходила через перигелий 21 сентября, и это снова повторится лишь в 17000 году.

Все изменения земной орбиты, а также положения земной оси вызваны притяжением не только Солнца и Луны, но и планет, главным образом наиболее крупных.

Когда мы говорим, что Луна обращается вокруг Земли, то надо помнить, что это выражение не вполне точно. Не только Земля притягивает Луну, но и Луна Землю. Поэтому оба тела движутся вокруг общего центра тяжести. Если бы массы Луны и Земли были одинаковы, то этот центр находился бы посередине между ними и оба небесных тела обращались бы вокруг него по одной орбите. На самом же деле Луна в 81 раз легче Земли, и потому центр тяжести системы Земля—Луна в 81 раз ближе к Земле, чем

Земля и Луна обращаются вокруг общего центра тяжести.

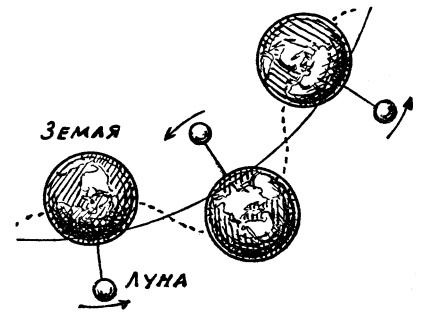
к Луне. Он отстоит на 4664 километра от центра Земли в сторону Луны, то-есть находится внутри Земли на расстоянии почти 1700 километров от ее поверхности. Вот вокруг этой точки и происходит восьмое движение Земли. Из-за него мы то приближаемся к Солнцу, то удаляемся от него, что вызывает, правда очень незначительные, изменения видимого поперечника нашего дневного светила.

Если бы вокруг Солнца обращалась только одна Земля, оба тела описывали бы эллипсы вокруг общего неподвижного центра тяжести. Однако в действительности притяжение Солнца другими планетами заставляет этот центр двигаться по очень сложной кривой. Ясно, что его движение отражается и на Земле, порождая еще одно — девятое — ее движение.

Наконец сама Земля весьма чутко реагирует на притяжение всех других планет солнечной системы. Их общее воздействие отклоняет Землю с ее простого эллиптического пути вокруг Солнца и вызывает все те неправильности в орбитальном движении Земли, которые астрономы называют возмущениями. Движение Земли под действием притяжения планет является ее десятым движением.

Может показаться, что, кроме первых двух движений Земли, все ее остальные движения так медленны и так незначительны, что вряд ли они могут иметь какое-нибудь практическое значение. На самом деле такое заключение ошибочно.

Прецессия, нутация и все другие «мелкие» движения Земли вызывают изменения в видимом

положении звезд. Эти положения, как известно, выражаются числами, координатами. Чтобы штурман мог определить местоположение корабля или самолета, чтобы геодезист и картограф смогли составить точную географическую карту, им нужно знать видимые координаты звезд с максимально возможной степенью точности. Вот тут-то и приходится заглядывать в звездные каталоги, которые составляются астрономами с учетом всех движений Земли.

Когда ежедневно мы слышим по радио сигналы точного времени, редко кто отдаст себе отчет в том, что время определяется по точным положениям звезд, а эти положения небесных светил вычисляются опять-таки с учетом всех движений Земли.

Наконец предсказания наступлений солнечных и лунных затмений, появлений комет, расчеты видимости планет и многое другое не может быть выполнено без знания того, как движется Земля и в каких именно движениях она участвует.

Недаром мерилом любой высокой точности считается «астрономическая точность». Чем глубже человек познает вселенную, тем более точны его представления о ней, а истинность наших знаний об окружающем мире подтверждается повседневной практической жизнью.

Астрономы предсказывают наступление солнечных затмений и других явлений за много лет вперед с точностью до секунды. И в заранее вычисленный день и час, минута в минуту, секунда в секунду, когда научные экспедиции заняли заблаговременно выбранные места, удобные для наблюдений, а астрономические приборы наведены на цель, ожидаемое явление происходит.

Уже давно установлено, что звезды, когда-то считавшиеся неподвижными, на самом деле несутся в пространстве со скоростя-

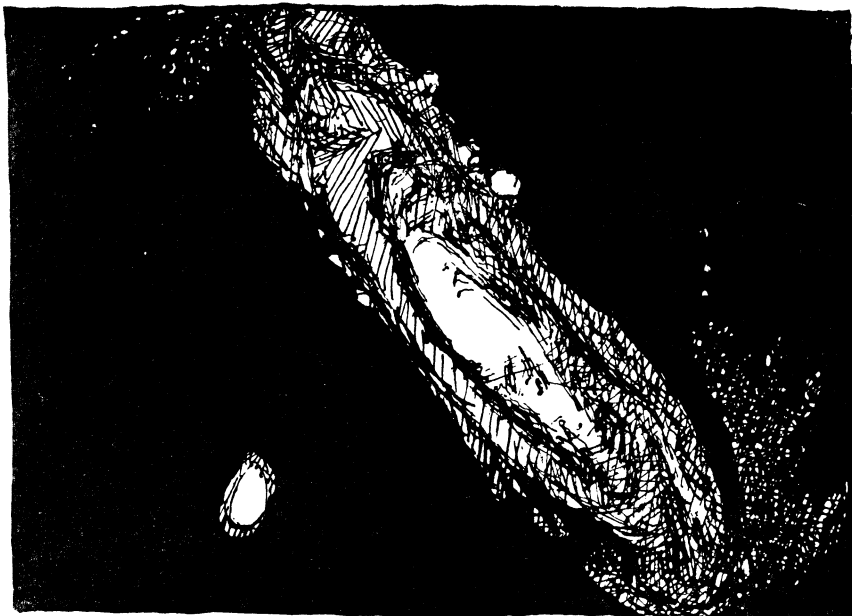

При наблюдении небесных тел приходится учитывать все движения Земли.

ми в десятки, а иногда и сотни километров в секунду. Наше Солнце и в этом отношении проявляет себя как рядовая звезда. Вместе со всей солнечной системой, в том числе и Землей, оно летит по отношению к многим другим звездам в направлении к созвездию Геркулеса со скоростью около 20 километров в секунду.

Это перемещение Земли относительно ближайших к Солнцу звезд является одиннадцатым ее движением.

Если бы мы смогли сразу увидеть весь тот гигантский звездный город — Галактику, — к которому принадлежит и наше Солнце в качестве одной из ста миллиардов ее звезд, то мы обнаружили бы, что путь солнечной системы в пространстве совершается вокруг центра Галактики. Мощное скопление звезд, образующее ее ядро, заставляет своим притяжением и наше Солнце и остальные звезды обращаться вокруг себя.

Звезды объединены в грандиозные звездные системы — галактики. В одной из галактик находится Солнце с Землей и планетами. Ближайшими к нам галактиками являются звездные системы в созвездиях Андромеды (вверху) и Треугольника (в середине). На нижнем рисунке показано вероятное строение нашей Галактики.

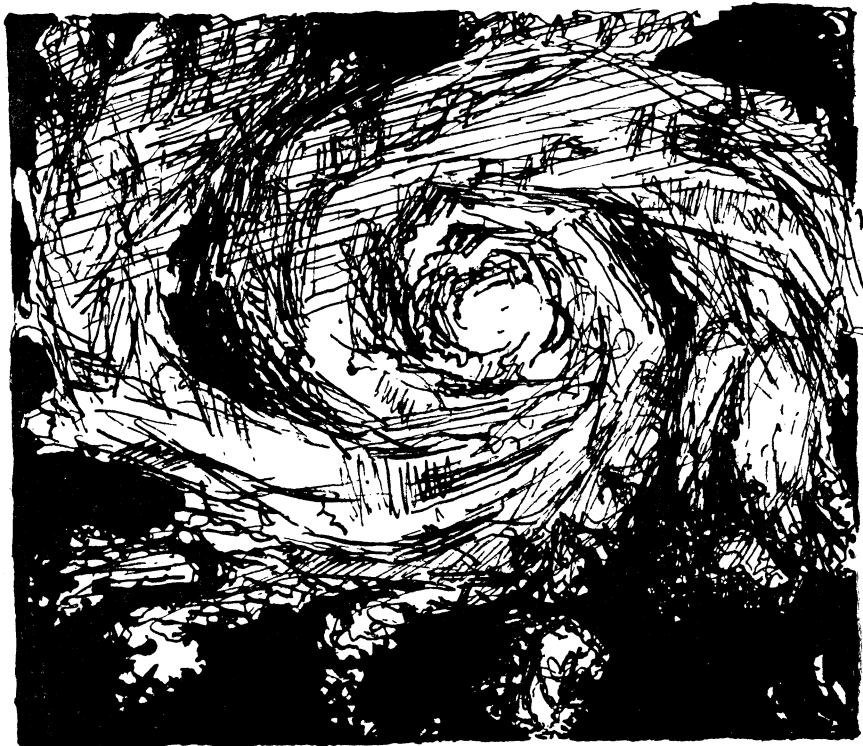
ческом движении. Современная астрономия наглядно показывает, что в мире нет ничего, кроме вечно изменяющейся и вечно движущейся материи.

Открытие многочисленных движений Земли есть яркое доказательство мощи человеческого познания. Сила науки беспредельна, и как ни сложна вселенная, как ни запутаны движения небесных тел, придет время, когда к изученным тринадцати движениям Земли астрономия добавит еще многие другие, пока не открытые.

Долго путь Солнца вокруг галактического ядра. Солнечная система завершает его лишь за 185 000 000 лет, — такова продолжительность «галактического года»!

Полет Земли в пространстве вместе с Солнцем вокруг центра Галактики — двенадцатое ее движение — дополняется тринадцатым движением всей нашей звездной системы Галактики относительно совокупности ближайших к ней и известных нам других галактик.

Перечисленные тринадцать движений Земли вовсе не исчерпывают всех ее движений. В бесконечной вселенной, каждое из небесных тел, строго говоря, участвует в бесчисленном множестве различных относительных движений. Природа чрезвычайно сложна и многообразна во всех своих проявлениях, в частности и в механи-

ЛИМОННИК

Старая китайская легенда рассказывает: «Пятый день угольщик Лу Бан пробирался сквозь густые леса ступенчатых гор Шаньси. Он спешил к больному отцу. В его поясе был зашит целебный жень-шень. Пища у Лу Бана вышла, силы иссякали, от одежды остались лишь клочки. На шестой день, когда Лу Бан все чаще падал от слабости, он увидел гроздь яркочерных ягод. Это был «увэйцзы» — лимонник. Лу Бан стал есть ягоды; они жгли ему рот, но силы юноши быстро возвращались...»

Китайское название лимонника — «увэйцзы» — означает «семена пяти вкусов»: терпкого, кислого, горького, соленого, сладкого.

Как лечебное растение он известен китайцам с V века. Охотники, пастухи, рыбаки стран Азии и Дальнего Востока знают, что лимонник снимает усталость, возвращает силы. Они заваривают из его листьев чай, жуют жгуче-терпкие плоды, похожие на мелкие глазированные фасольки цвета киновари.

Лимонник растет высотой в 3 тысячи километров с юга на север на востоке Азии. Его много в Тибете, Китае, в Корее, Японии, на Курилах и Сахалине. Но особенно богат им наш Дальний Восток. Здесь лимонник поднимается до Маринска-на-Амуре, растет по реке Норе у впадения ее в Селемджу. Однако лимонник не встречается западнее реки Зеи, как и амурский бархат и жень-шень.

В южных странах эта многолетняя древовидная лиана поднимается в горы, на Дальнем Востоке растет в поймах рек, в изобилии покрывает таежные вырубki. Лимонник любит свет и погибает в затененном лесу.

Темнокоричневые, блестящие, будто лакированные кожаные шнуры, лианы лимонника вьются по стволам деревьев, как и большинство южных лиан, против часовой стрелки. Длинной они бывают более 10 метров, толщиной — в 1—2 сантиметра.

Зеленые листья его снизу покрыты пушком,

как у абрикосовых деревьев.

В мае — июне лимонник покрывается бледно-розовыми восковыми цветами, издающими нежный, едва уловимый аромат, напоминающий запах лимона.

Вскоре они белеют — словно редким инеем осыпает лианы.

В сентябре созревают темнооранжевые ягоды величиной с ноготь мизинца. У них неправильная округлая форма, цвет их постепенно темнеет, доходя до пунцово-красного.

В плодах лимонника много кислоты, поэтому они не промерзают зимой и яркими коралловыми гроздьями висят над снежной шапкой. У ягод кисло-горький вкус, лимонный запах. В них, кроме яблочной и лимонной кислот, много других полезных для человека веществ: белки, сахар, витамины.

Урожай ягод зависит от числа женских цветов. Обычно хорошие сборы на Дальнем Востоке бывают через год.

Изучение лимонника было начато в России во второй половине XIX века. Впервые описал его русский ботаник Н. С. Турчанинов в 1856 году.

Большую работу по его изучению проделали ученые Дальневосточного филиала Академии наук СССР и Хабаровского медицинского института.

Сейчас на кафедре биологии медицинского института молодой ученый Шилова проводит инте-

ресные опыты по увеличению урожайности лимонника, изучает вредителей, наносящих ущерб растению. Привлечены к этой работе и студенты.

Проводятся опыты по расселению этого интересного растения в другие районы нашей Родины.

Отлично он акклиматизировался в ботанических садах Москвы, Ленинграда, Новосибирска, Бело-

русии. В Хабаровском дендрарии лимонник в 1954 году дал второй урожай.

Г. ПЕРМЯКОВ
г. Хабаровск

ГАМБУЗИЯ

Ученых всегда привлекала возможность использовать для борьбы с малярийным комаром его естественных врагов.

Более сорока лет назад русский ученый И. В. Васильев обратил внимание на то, что тропические живородящие рыбы, в частности гамбузия, являются естественными врагами личинок малярийного комара. Это подтвердилось многочисленными опытами, которые провел ученый.

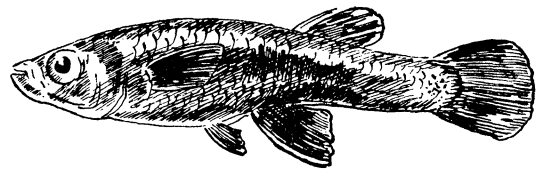
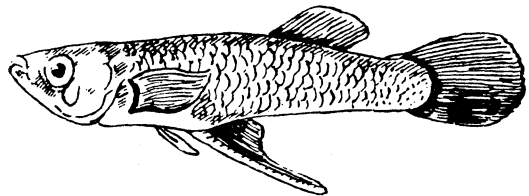
Гамбузия была ввезена в нашу страну в 1924 году из Италии.

Эта небольшая, длиной около 30 миллиметров, рыбка быстро размножается.

Сейчас использование гамбузии прочно вошло в комплексную систему противомаларийных мероприятий. Ее разводят в республиках Закавказья и на Северном Кавказе, в Средней Азии и Казахстане, на юге Украины и во многих других районах страны.

Использование гамбузий для борьбы с малярийным комаром помогло значительно снизить заболеваемость малярией, особенно в республиках Закавказья и Средней Азии.

Мичуринские методы выведения холодоустойчивых рас гамбузий открыли широкие перспективы использования их в райо-

Самки гамбузии в возрасте трех лет выметывают 400—450 мальков за сезон.

Мальки гамбузии отличаются большой прожорливостью. Замечено, что только родившийся малек уже старается схватить и проглотить личинку комара.

нах с самыми разнообразными климатическими условиями, в том числе в Семипалатинской, Кустанайской, Карагандинской и других областях Казахстана.

Проф. Н. СОКОЛОВ
г. Караганда

ЗЛАТА ПРАГА

По-разному объясняют, почему Прага зовется «золотой». Злата Прага! Такова она в песнях, в народной молве. Где же золото Праги? На шпилях ее башен? Их будто бы насчитывается сто, и поэтому Прагу именуют еще стобашенной. Или, быть может, золото Праги — это богатства, скопившиеся в ней, ее дворцы, памятники? Нет, причина иная. Золотой называет народ свою столицу в знак любви, восхищения ее красотой.

Вагончик фуникулера поднял нас по крутому откосу на гору Петржин, возвышающуюся над столицей.

Мы стоим на вершине. Прага видна почти вся. Камень ее темно-сер или темножелт и на солнце отликает старинной бронзой. Крыши — зеленые или красные. Улицы в старых районах города сплетаются в плотный клубок, в новых — они прямые и широкие.

Венчают Прагу сонмы башен. Сколько их? Точно ли сто? Не пытайтесь проверить, все равно собьетесь со счета. И как разнообразны они!.. Вот темный, острый

В. ДРУЖИНИН

готический конус. Вот формы барокко — затейливые, одна на другой маковки, словно насаженные на шпиль. Башни всюду возвышаются над плотным массивом города, тянутся к солнцу, ловят его свет.

Под нами, — кажется, шаг шагнуть — Влтава. Шириной она с Москву-реку, но гораздо извилистее. Перехваченная многими мостами, петляющая среди холмов и пропадаящая за ними, блестит река прерывистой голубой лентой.

Красные трамваи снуют вниз и вверх по склонам. «Рим построен на семи холмах, — писал Карел Чапек. — На скольких холмах построена Прага, установить невозможно».

Вот слева от нас, на этом берегу Влтавы, Градчаны — Пражский кремль. Многооконный дворец и высящийся за ним храм святого Вита сочетаются так гармонично, что кажутся одним величественным зданием. На градчанском холме древнейшие постройки го-

рода. Правда, славяне, заселявшие долину Влтавы еще в IV—V веках нашей эры, вероятно, ставили свои деревянные крепости и на других холмах, но именно тут началась Прага каменная, возникла как твердыня чешского государства, как западный форпост славянства.

Здесь все, каждый камень, — святыня для чехов. Все тут сообразилось поколениями мастеров. Старейшее из зданий — костел Георгия, основанный в начале X века. К нему приведет нас узкая, затененная улочка. Мы сойдем по ступеням вниз — ведь костел от времени врос в землю — и увидим грузные колонны и аркады романского стиля. Такие же аркады под дворцом. Шли столетия, над романской кладкой, уходящей в недра, вырастали высокие, заостренные готические своды, узкие прорезы окон. Затем дух Возрождения расширил их, впуская свет и воздух.

Прага (вид с горы Петржин).

Храм святого Витта, напоминающий своим фасадом собор Парижской богородицы, строился ровно тысячелетие. Работу прерывали войны, моровая язва, но дело переходило от отцов к сыновьям как патристический завет. Как тверда была их вера в будущее народа! Сколько вложено здесь труда и искусства! И, судя по зданиям Градчан, — как мощно и широко задумали свою столицу первые чешские короли!

Во дворце мы увидим другой шедевр. Это Владиславский зал, законченный в 1500 году. Шестьдесят один метр в длину, шестнадцать в ширину — размеры, исключительные для тогдашнего времени. Он так обширен, что служил местом для турниров.

В воскресные дни у входа в кремль стоят вереницы автобусов. Толпы экскурсантов движутся к воротам. Это передовые производственники из разных городов страны, премированные «вылетом» в столицу. Над дворцом плещется трехцветный флаг Чехословакии и рядом другой — с гербом государства. Это штандарт президента, означающий, что товарищ Антонин Запотоцкий сейчас у себя.

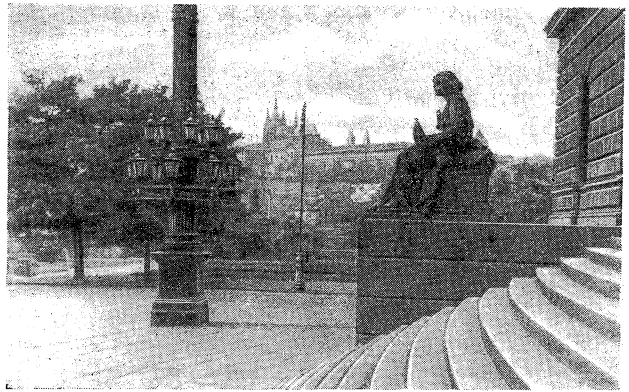
Спустимся теперь вниз, к Влтаве, но прежде чем перейти ее, заглянем к «Томашу». Так называется пивная, существующая уже шестьсот лет. Стены и низкие своды расписаны шуточными виршами о пиве, национальном напитке чехов. За длинными, некрашеными столами сидят молодые пражане и пражанки — студенты, парни с заводов. Они не столько пьют, сколько поют, и обычно это старинная мелодичная песня о Златой Праге, лежащей в сердце Европы.

Прага — один из старейших очагов европейской культуры. Разросшаяся на перекрестке торговых путей, ведущих на север — к Балтике, в Западную Европу, на юго-восток — на Балканы и в Турцию и на юг — в Италию, старая Прага первая в Европе обзавелась городским водопроводом, замостила улицы. В Лондоне каменные мостовые появились сто лет спустя.

Поражает путника Карлов мост через Влтаву, сложенный в XIV веке. Не дрогнув, он принимает на себя сегодня поток автомашин. По преданию, в раствор, скрепляющий камни, добавляли яичный белок. Со всей Чехии везли на постройку сырые яйца. Из одного города, по недомыслию, прислали крутые. Вся Прага смеялась над простаками.

Много легенд хранит Карлов мост. На одной из опор за балюстрадой близко к воде стоит фигура рыцаря. Это Брунцвик — пражский юноша, отправившийся странствовать и сражаться за справедливость. В далекой стране он убил дракона и освободил дочь короля. Король предложил ее в жены рыцарю, но он отка-

Вид на Пражский кремль со стороны консерватории.

зался, — у него была невеста в Праге. Король рассердился и запер Брунцвика в темнице. Выбраться помог ему волшебный меч. Легенда говорит, что меч этот замурован в кладке моста. Когда Праге будет угрожать враг, меч сам выйдет наружу и острием своим укажет чехам неприятеля, поведет их в бой.

Пройдя по Карлову мосту, мы достигнем Староместской площади, где поставлен прекрасный памятник Яну Гусу. Бронзовый Гус стоит, гордо подняв голову перед судьями-инквизиторами, приговорившими его к сожжению на костре.

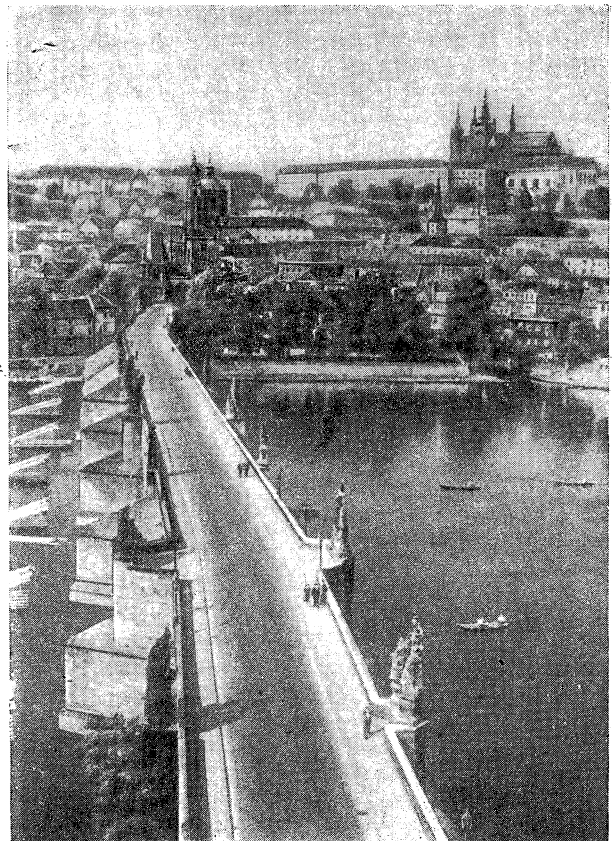
Великий гуманист и борец за права народа, Ян Гус был одним из первых ректоров Карлова университета. Осисванный в XIV ве-

ке, это старейший университет в Средней Европе.

Улицы, примыкающие к площади, узки, запутанны. Вот дом, где останавливался Бетховен. Здесь, в кафе, как говорит молва, Моцарт написал сонату для нищего старика-арфиста.

Богаты культурные традиции Праги. Здание Национального театра на набережной Влтавы связано с именем великого чешского композитора Бедржиха Сметаны. «Народ — себе», — начертано над сценой театра. По всей Чехии шел сбор средств на его постройку. Свою лепту в патристическое дело создания театра вложил и Сметана. Больной, оглохший, он встал у дирижерского пульта и дал в пользу театра свой последний концерт.

Карлов мост.

Дом, где жил Моцарт.

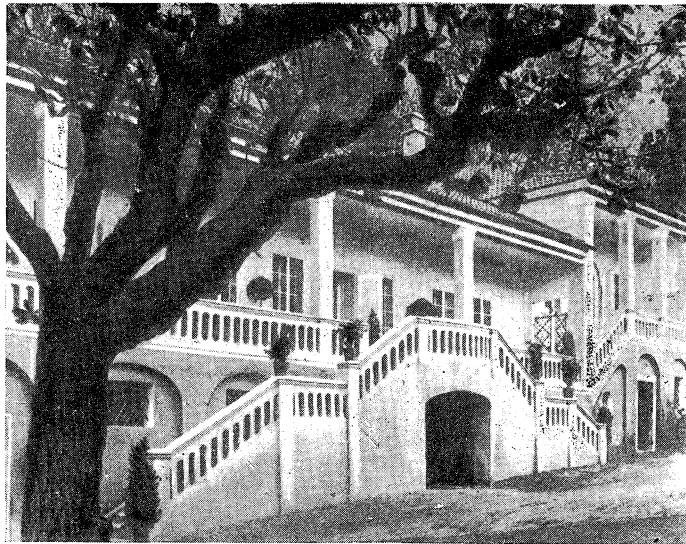
...Осматривая Прагу, нельзя не остановиться у дома, носящего название «У двух солнц»; солнце, луна, золотые ключи, львы, страусы и прочие эмблемы ремесленных мастеров пестрят на старинных домах Праги. В доме «У двух солнц» жил и работал Ян Неруда, чешский классик-демократ, остро обличавший в своих повестях стяжательство, косность, ханжество пражской буржуазии, тушость австрийских чиновников. Прага была тем очагом, где наперекор чужеземному гнету развивалась чешская национальная культура.

А можно ли побывать в Праге и не посетить большой, украшенный барельефами дом на Гибернской улице! Кто не знает этот дом? Здесь в 1912 году под руководством В. И. Ленина проходила шестая Всероссийская партийная конференция, положившая начало партии нового типа, большевистской. Святыней новой эпохи стал Музей В. И. Ленина, размещившийся в двадцати залах. Тут есть зал, хранимый особенно бережно. В нем пять простых столов, книжный шкаф, этажерка, бюст Маркса. В этих стенах выступал Ленин. По трогательно-прекрасному обычаю, установившемуся в Праге, сюда, в Ленинский зал, приходят пионерские дружины на церемонию вручения галстука.

— Помни, — говорят ребенку при вручении, — всегда помни, где ты получил красный галстук.

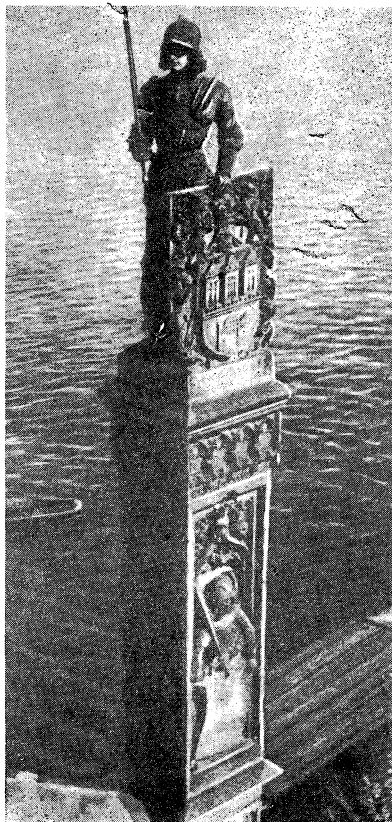
Тысячи пражских ребят стали пионерами здесь и на всю жизнь сохраняют память об этом.

Нужно много дней, чтобы осмотреть все примечательное в Праге, оценить все ее красоты. Хороша Вацлавская площадь в центре столицы, точнее — расширенная улица, обсаженная деревьями, ведущая в гору, к импозантному зданию Национального музея. Расположенный на холме, он кажется еще выше, и купол его, обрамленный у основания скульптурами, виден издали. Разнообразие пражского рельефа создает там и здесь, иногда рядом с шумным проспектом, поэтичные закоулки, — за углом видишь вдруг улочку, ниспадающую лестницей, сады, висящие карнизам, набережную, прорезанную «ушко» пробитого в скале тоннеля. Хороши и острова на Влтаве — особен-

но один, Кампе, отделенный от берега узкой протокой. Дома по обе стороны поднимаются прямо из воды, вызывая в воображении Венецию, к реке спускаются ковры плота, ветви раскидистой плакучей ивы.

Праге — прекрасному своеобразному городу, творению талантливому и трудолюбивому народа — десять лет назад угрожала гибель. Была весна 1945 года. Чешские патриоты, восставшие против гитлеровцев, еще цеплявшихся за Прагу, вели тяжелые, неравные бои, самоотверженно

Статуя Брунзвика на Карловом мосту.

сражались на баррикадах.

Гитлеровцы хотели разрушить Прагу. Радиостанция столицы звала на помощь. Недалеко, менее чем в ста километрах, стояли американские войска, вступившие перед тем в западную Чехию.

Они не двинулись с места. Но призыв услышали русские братья, советские воины, сражавшиеся в Германии. Танковые части маршала Конева, совершив беспримерный переход от подступов к Берлину, без отдыха, с ходу ворвались на улицы Праги. Проспектом Конева зовется ныне улица, первая принявшая героев. Это было 9 мая, на рассвете. Советские воины и чешские повстанцы, борясь плечом к плечу, добились фашистских разбойников. Злата Прага была спасена и возвращена народу.

Из множества памятников, которыми украшен город, выделяется один, самый молодой и полный глубокого смысла. В рабочем районе Смичов стоит на каменном постаменте советский танк — первый танк, вступивший в Прагу. Навек остался он тут как символ дружбы двух народов, скрепленной кровью.

На проспекте Конева стоит гранитный обелиск. Здесь танкисты Конева пересекли черту города. Теперь проспект тянется дальше на запад, сверкают белизной новые жилые дома, поет стрела, подающая кирпич. За десять лет Прага выросла, стала еще краше.

Особенно широк размах стройки в заводских районах восточной и южной Праги. Недалеко от места, где была «немая баррикада», описанная в одноименной повести Яна Дрды, — баррикада, где бойцы стояли насмерть, выросли новые дома — целые кварталы. Еще недавно между районами Панкрац и Подоли был обширный пустырь. Теперь эти две части Праги слились. По новому проспекту имени генерала армии Еременко на километры тянутся пяти-шестиэтажные дома, стоят новые школы, детские дома, сады и ясли. В районе Вршовицы есть место, которое при капиталистах иронически называли «Эдемом». Здесь были самые нищие трущобы Праги — скопление хибарок из фанеры, ржавого железа, обломков досок. Сейчас тут широкие новые улицы, названные в честь советских городов — Краснодарская, Ереванская, Кишиневская, Львовская... Рядом — новый стадион.

Я разговорился однажды с рабочим Карелом Буржичем. Он жил прежде с семьей в дощатой хибарке, недалеко от богатых вилл.

В пазы набивался снег. У Буржичей заболел ребенок, и отец побежал на одну из вилл попросить горячей воды.

— Ребенок?.. — поморщился хозяин. — Не понимаю, зачем вам, голытьбе, дети?

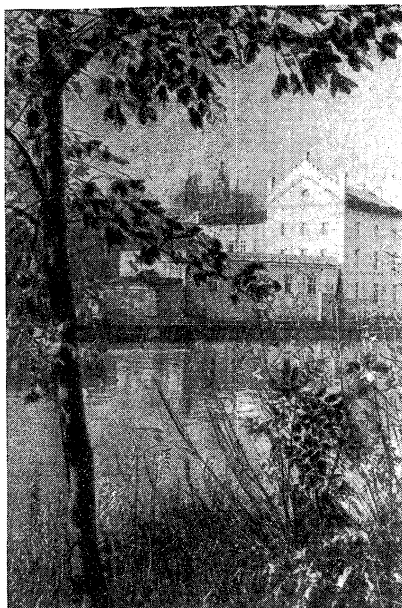
Где теперь хибарка Буржичей? Ее нет. На месте, где стояли такие хибарки, разбит парк.

Буржич получил квартиру в новом доме, и безработица не грозит ему, — он составитель поездов на вокзале Прага-центр.

О замечательных изменениях, происшедших в Праге, вам расскажут в каждой трудовой семье.

— У нас в Праге никогда не было столько детей, — услышал я однажды. — Обратите внимание, как их много!

И как велика забота народной власти о детворе! Им отведен остров на Влтаве, в самом центре столицы. На нем — купальни, спортивные площадки, читальня — словом, остров превращен в пионерский клуб. На одной из главных улиц — Пршикопе — возвышается детский универмаг. Там не только торгуют. Матери оставляют детей в комнате для игр под надзором воспитательницы или в библиотеке. Там находится и кукольный театр, дающий несколько спектаклей в день. Конечно, в сегодняшней Праге не найти

ребенка вне школы, — ведь в республике введено обязательное восьмилетнее обучение.

Новое в Праге бросается в глаза на каждом шагу. Через Влтаву перекинут железобетонный мост имени Яна Швермы — героя борьбы против гитлеровцев. Холмистый берег у моста пронизан полукилометровым тоннелем для автомашин. В западной части города заканчивается строительство тринадцатизэтажной гостиницы.

На набережной Влтавы.

В нынешнем году открыт Парк культуры и отдыха имени Юлиуса Фучика. К нему примыкает большое, с затейливыми куполами и колоннами здание — Дворец промышленности. Некогда здесь капиталистические фирмы устраивали аукционы. Теперь огромный зал Дворца промышленности отведен для концертов, массовых митингов, съездов.

Недоброй славой известны многие дворцы Праги. Один из них, например, принадлежал угольному магнату Пачеку и был отдан в годы гитлеровской оккупации гестаповцам. Там пытали Фучика. Ныне дворцы Праги — достояние народа, в них — клубы, библиотеки, учебные заведения, научные институты.

На воротах пражских заводов, там, где прежде стояло имя владельца, читаешь: «Народни podnik», то-есть «национализированное предприятие». Кольцо заводских районов окружает центр столицы, вместившей более 10 процентов всего промышленного производства Чехословакии. В годы пятилетки, завершенной в 1954 году, Прага заводская сильно развилась. Правда, в ней нет таких гигантских новостроек, как, например, металлургический комбинат имени Клемента Готвальда, воздвигающийся у Оставы, зато пражские предприятия расширены,

У пражской пристани.

реконструированы, освоили новые виды изделий.

Стоит взглянуть, скажем, на завод «Ява». Мотоциклы там делали еще до войны, но по заграничным чертежам, под руководством специалистов-иностранцев. Слава чехословацкой марки «Ява» возникла лишь в наши годы. Именно теперь стал известен во многих странах мира прочный, красивый мотоцикл, одолевший размытые тропическими ливнями дороги Индонезии, Индии, всюду побивающий западноевропейских конкурентов.

Прага строит паровозы и вагоны, автомашины и троллейбусы, телевизоры, трансформаторы, телеграфные аппараты и телефоны, котлы и подъемные краны, изготавливает лекарства, краски, музыкальные инструменты, одежду.

Прага — выдающийся центр технической мысли. На заводах ее родилось много передовых методов труда. Любознато изучают здесь опыт советских стахановцев.

...Продолжим нашу прогулку по Праге. Посмотрим, как живет столица по вечерам и в выходные дни. Прогулка эта дает нам наглядное представление о культурной революции, происшедшей в Чехословакии. Зайдем

жуазной Праге было всего три высших учебных заведения, теперь — тринадцать. С небывалым блеском возродился Карлов университет, собравший в своих стенах, кроме чехов и словаков, студентов из многих стран — от Китая до Польши. Библиотека университета с миллионами книг и рукописей на славянских языках уступает только Библиотеке имени В. И. Ленина в Москве.

Прага — важнейший в республике научный центр. После войны здесь созданы Чехословацкая Академия наук и Академия сельскохозяйственных наук.

Очень любят чехи выставки. В Праге их множество, главные улицы буквально пестрят плакатами, зовущими посмотреть картины художника Отакара Неядлы — мастера чешского пейзажа, рисунки пражских графиков, работы чешских мастеров стекла, фарфора. На улице Пршикопе на фасаде здания бьется электрическое сердце. Там выставка о достижениях медицины — «Жизнь против смерти». Даже управление водопровода приглашает бесплатно осмотреть выставку «Шестьсот лет пражского водопровода».

В чехословацкой столице 19 театров — больше, чем в соседней

Музыку пропагандирует Театр граммофонной записи — учреждение весьма своеобразное. Каждый вечер в зале этого театра даются концерты. В программе — симфонии, оперы, записанные на пластинки. В том же здании — магазин пластинок. Оттуда их рассылают по почте, дают напрокат. Чехи любят музыку. Но только теперь она стала доступна трудовому народу.

Огромной популярностью пользуется в стране кукольный театр. В Праге он представлен особенно ярко. Здесь работает выдающийся артист Йозеф Скупа. Созданные им комические кукольные персонажи Гурвинек и Спейбл известны всем, повторены в игрушках. Есть в Праге любопытная киностудия, где в качестве «артистов» снимаются куклы или вырезанные из бумаги фигурки. Это студия режиссера Йржи Трнки, неистощимого выдумщика. Много радости доставил его кукольный фильм «Похождения бравого солдата Швейка».

Есть еще в Праге Театр народного творчества. В столице — 600 самостоятельных коллективов. Лучшим из них предоставляется честь показать свое искусство в этом театре.

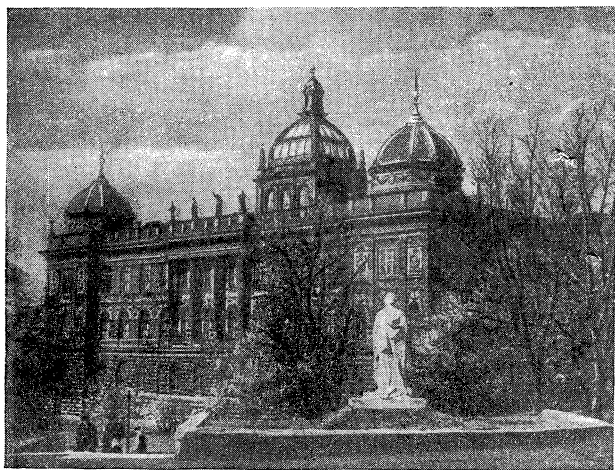
Самодельные музыканты и танцоры выступают осенью на народном празднике «Винобрани» — по случаю сбора винограда.

Но куда более мощные празднества возникли в нынешнюю эпоху. 1 мая и 9 мая — в День освобождения Чехословакии Советской Армией — сотни тысяч пражан заполняют огромную Вацлавскую площадь, украшенную флагами, портретами. Гремят духовые оркестры. То там, то здесь раздается круг для танцев. Юноши и девушки, взявшись за руки, окружают группу взрослых и требуют: «Спойте что-нибудь, а то не выпустим». И поют все — молодежь и ее «пленники».

На открытых эстрадах — музыканты, танцоры в национальных костюмах. Здесь можно различить расшитые рубашки словаков, многоцветные ленты и пышно взбитые рукава девушек Южной Моравии...

Гулом одобрения встречается появление на эстраде народного рассказчика. Он передает забавную историю, случившуюся будто бы с ним самим или с односельчанами. Рассказчик высмеивает мракобесов, бюрократов, обличает черты старого, мешающие строить счастье народа.

До ночи не утихает площадь. Воспыхивают лучи десятков прожекторов. В серебряном сиянии, как сказочная декорация, вырываются старинные башни, Карлов мост. А высоко над городом, на холме сверкают огнями Градчаны, реет над дворцом флаг свободной демократической Чехословакии...

Пражский Национальный музей.

в книжный магазин. Разве было когда-нибудь столько покупателей книг! Конечно, нет. На Вацлавской площади прилавки с книгами выносят на тротуар, под деревья. Возьмите книгу, отыщите цифру тиража. В буржуазной Чехословакии средний тираж был не свыше 3 000, теперь он больше 10 000. Такие произведения, как «Игра с огнем» Марии Пуймановой, как «Молодая гвардия» Фадеева, выпускаются пражскими издательствами сотысячными тиражами.

Никогда не было в Праге столько студентов. В теплые дни в парках, в скверах — масса юношей и девушек с книгами, с конспектами. Кажется, вся Прага учится! В бур-

столице Вене, хотя населения в Праге вдвое меньше. Национальный театр получил новый филиал, возникли театры Реалистический, Молодежный, образовалось десять трупп передвижного сельского театра. И никогда не было столько зрителей! Спектакль «Платон Кречет» шел более семидесяти раз, а публики не убывает. Столько же раз шла пьеса молодого чешского драматурга Мирослава Стеглика «Орденосцы» — из жизни рабочих. Подлинным достоянием народа стали творения Сметаны, Дворжака, Чайковского, Моцарта. В оперу, на концерт в Филармонию приезжают из других городов страны целыми культурными походами, в заводских автобусах.

Первый день В ДЖАКАРТЕ

И. ВОЛЬФ

* * *

В нашем маленьком номере нестерпимо жарко. Термометр — единственное украшение комнаты — показывает 35°, хотя дело идет уже к вечеру.

Для нас, привыкших к голландскому климату, это очень тяжело, особенно в первый день. Мы вялы от жары, которая давит на нас, как тяжелый свинцовый колпак. Одежда все время мокрая и липнет к телу.

«Надо два раза в день купаться», — советует нам индонезийский друг, который постоянно заботится о нас. Самы индонезийцы, если есть возможность, купаются по нескольку раз в день. Это единственный способ сохранить работоспособность. Мы то и дело ходим в деревянный сарайчик во дворе, где находится большая бочка с водой и черпак. «Купание» состоит в том, что мы обливаемся водой с помощью черпака; по-индонезийски это называется «манди» — первое слово, усвоенное нами, хотя

Из книги «В царстве тысячи остров». Перевод с голландского.

произносим мы его, конечно, неверно.

Собственно говоря, не только жара, достигающая 36—40°, является причиной тяжелых климатических условий в Джакарте. Главное заключается в том, что в низменном прибрежном районе Джакарты очень высокая влажность, значительно выше, чем в большинстве районов Явы.

Тропическая жара и большое количество влаги создают прекрасные природные условия для развития сельского хозяйства. Природные условия — одно из величайших сокровищ страны...

Уличный шум, который доносится в номер гостиницы, где мы остановились, привлекает нас, зовет. С несколькими друзьями, представителями индонезийского профсоюзного движения, мы отправляемся на прогулку по столице Индонезии.

Джакарта — старый, много испытанный город. Несколько столетий назад голландские купцы и их наемники сделали его центром колониального порабощения Явы и отсюда распространяли свою власть на остальные острова. Первая крепость Ост-Индской компании, этого грабительского объединения голландских купцов, ставившего себе цель обогатить страны Востока, была построена в Бантаме на западном побережье Явы.

30 мая 1619 года голландский флотоводец Ян Питерсоон Кун завоевал почти не защищенное поселение, которое было сожжено и сравнено с землей.

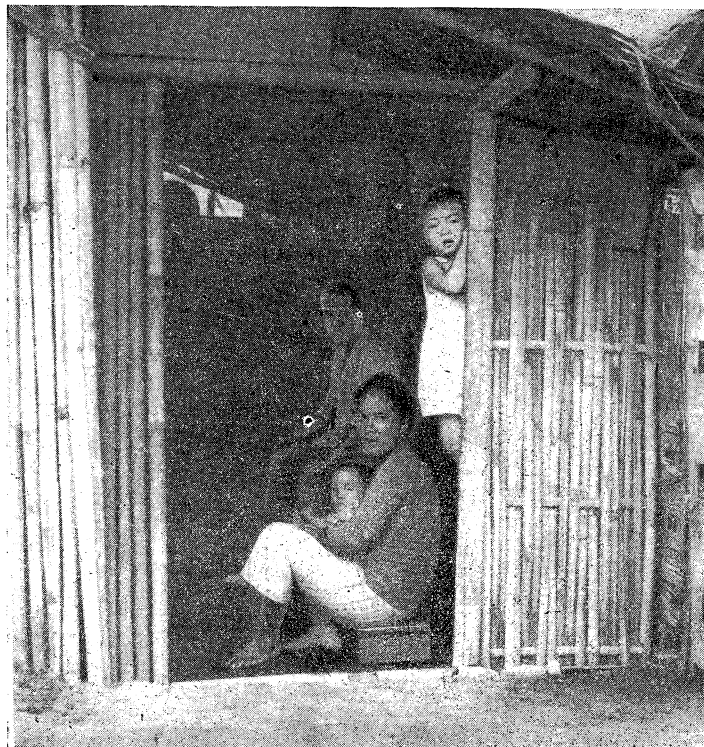
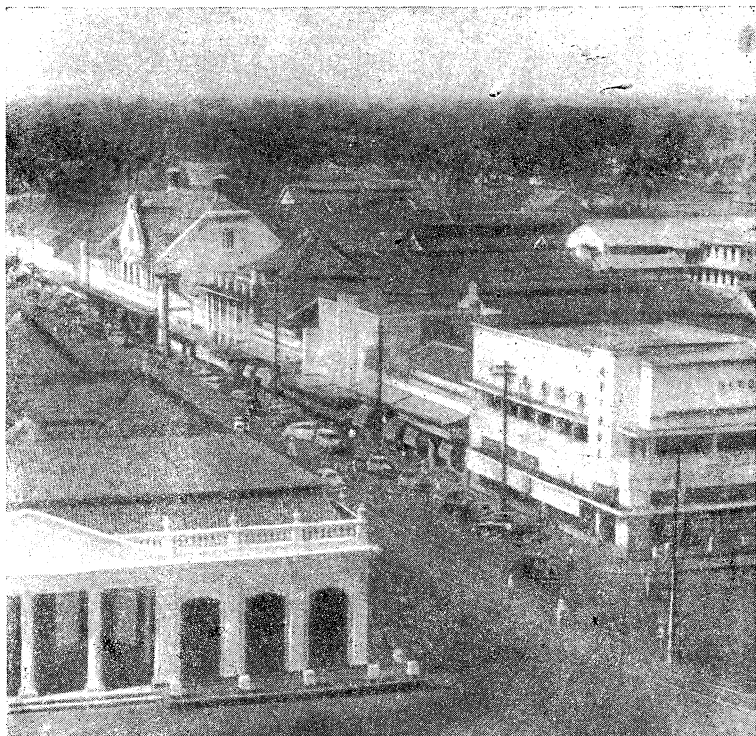
Построенная на этом месте крепость в знак владычества голландских купцов была названа Батавией¹, впо-

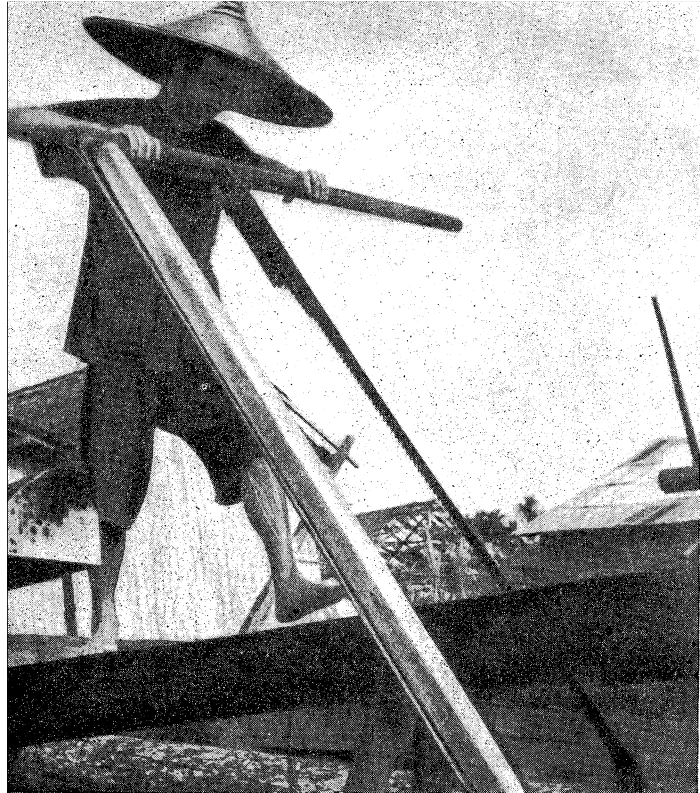
¹ Батавы — воинственное племя, населявшее территорию Голландии в начале н. э., потомками которого считают себя голландцы.

Более чем на пять тысяч километров с запада на восток протянулись индонезийские острова. Столица этого огромного островного государства — Джакарта — находится на Яве, в шести километрах от Яванского моря.

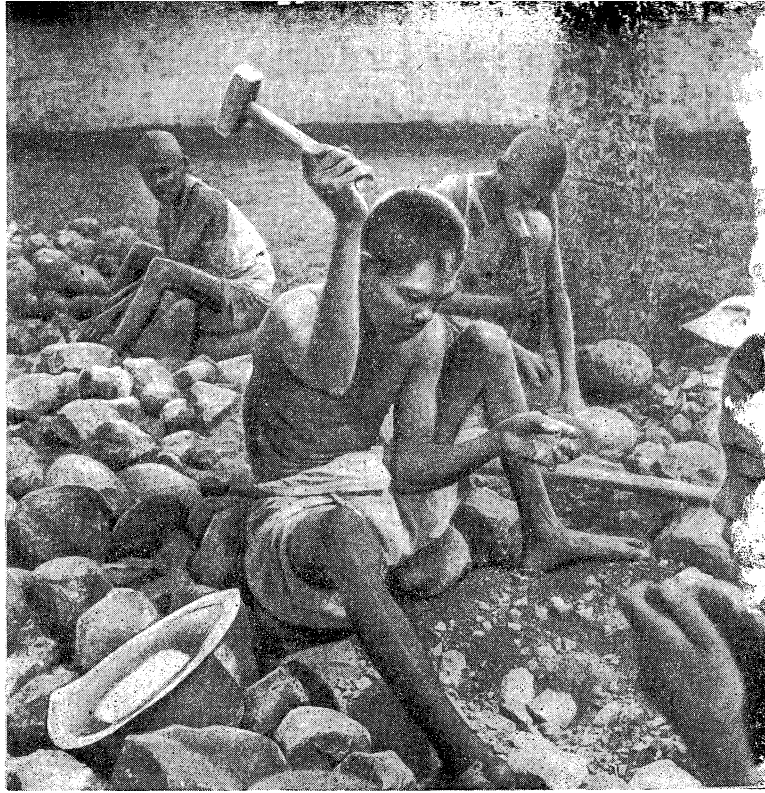
В Джакарте живет свыше двух миллионов человек. Деловой центр с благоустроенными кварталами выстро-

ен по европейскому образцу. А по берегам многочисленных каналов старого города тянутся улицы бамбуковых домиков с крышами из пальмовых листьев, иногда с земляным полом. Это кварталы трудового люда. Мелкие торговцы и ремесленники — сапожники, портные, чеканщики — живут обычно в своих небольших лавках и мастерских.

Обширные пространства страны покрыты лесами. В них много ценных пород деревьев: железного, черного, тикового, эбенового, сандалового. Стволы обрабатывают на месте или отвозят на небольшие лесопильные фабрики в Джакарту. Там вручную производится распилка бревен. Из прочной древесины изготавливают мачты для судов, дорогую мебель.

На Яве мало железных дорог. Для вывоза сырья из отдаленных районов в крупные города иностранные компании прокладывают шоссе. Целый день рабочие, занятые на строительстве дорог, вручную дробят камень и мостят им подготовленные участки пути. Большую роль в промышленности Джакарты играют кустарные производства.

следствии город переименовали в Джакарту.

Вследствие близости порта Танджунгпрук Джакарта имеет большое значение для осуществления контроля над морями, окружающими Индонезийский архипелаг, и над дальними островами.

История Джакарты не только история колониальных интриг и иностранного угнетения, но и борьбы индонезийского народа за независимость и свободу. Именно здесь рабочие организовали свои первые профсоюзы.

Во время японской оккупации улицы Джакарты неоднократно становились ареной кровопролитных схваток.

17 августа 1945 года в Джакарте было объявлено о создании Индонезийской республики.

* * *

Уличная жизнь города многогранна и оживленна, ежеминутно сталкиваешься с неожиданностями. Вдоль дорог тянутся бесчисленные палатки, в которых продают сатэ¹, насигоренг², лакомства из кокосовых орехов и английские сигареты.

У стен домов старые и молодые

индонезийцы сидят на корточках и с банановых листьев едят рис, иногда приправленный мелкими кусочками рыбы или мяса. Для многих — это единственная пища за целый день.

Уличное движение в Джакарте очень интенсивное, значительно большее, чем в Амстердаме. У перекрестков длинные очереди машин ожидают, когда регулировщик их пропустит. Удивляешься, как тесные улицы Джакарты могут вмещать такое большое количество машин. Здесь почти нет широких бульваров, только узкие дороги и улицы. Очень часто встречаются дорогие американские машины. Несчастные случаи — обыденное явление в Джакарте: то тут, то там вдруг собирается народ.

Странные на вид «бетя», как муравьи, сотнями скапливаются на каждом углу. Это трехколесные велосипеды с ящиком или неудобным креслом для пассажиров спереди между двумя колесами, водитель — сзади на седле. Сиденья накрыты зонтиком или веером из перьев. Такие «экипажи» встречаются во всех индонезийских городах. Говорят, что их более ста тысяч. Тяжела жизнь их водителей, недолго выдерживают они на этой работе: всего несколько лет — и нет человека. Водители гонятся за пассажирами или грузами и вынуждены соглашаться на перевозку любых тяжестей. Часто это малень-

кие, худенькие мальчишки, которые с неимоверным напряжением двигают свои бетя с тремя пассажирами или с огромным грузом мешков муки, чемоданов или домашнего скарба. За день чрезвычайно изнурительной работы в этой жаре они часто зарабатывают только на оплату за пользование бетя. Они вечны голодны, и многие не имеют крова.

Мы следуем вдоль одного из многочисленных каналов — «кали», созданных в свое время в центре города по прихоти Яна Питерсоона Куна по амстердамскому образцу. Эти грязные, мутные кали стали общественными купальнями. Тысячи индонезийцев, населяющих Джакарту, не имеют возможности пользоваться водопроводом. Свежую воду можно купить только за большую плату, но такая роскошь им не по карману. Для них единственный выход — брать воду из каналов.

Сотни людей купаются в мутно-желтой воде. Мужчины, женщины с грудными детьми, старики, мальчики и девочки — все вынуждены мыться в каналах или в грязной реке. Тут чистят зубы, стирают белье. К вечеру народ устремляется к воде, и на берегу создается давка. Люди ищут прохлады, а здесь единственное место, где они могут ее найти.

Нелегко писать о Джакарте и вообще об Индонезии так, чтобы было

¹ Сатэ — жареное мясо.

² Насигоренг — блюдо из риса с мясом, луком и другими приправами.

Одним из старых ремесел является изготовление яркой цветной ткани — батика.

Кустарь окунает металлический штамп с выгравированным рисунком в котел с горячим воском и прикладывает к материи, натянутой на раму. Потом ткань опускают в чан с краской, которая пропитывает только свободные от воска места. После сушки воск осторожно снимают.

На материю накладывают новый рисунок, и так до тех пор, пока вся она не будет окрашена. Мотивы рисунка для батика — национальные орнаменты, птицы, цветы.

После трудового дня рабочие направляются на небольшие базарчики, которых особенно много на окраинах города. Там они могут купить фруктов или съесть простой обед, приготовленный тут же, на улице.

правдоподобно. Трудно правдиво передать словами неправдоподобное. Все это нужно пережить самому. Читатель может обвинить нас, что мы показываем только контрасты, только крайности!

И это правильно! В том-то и дело. Именно эти контрасты, эти крайности и существуют в индонезийской действительности. Таковы последствия колониального режима, а ведь Индонезия только недавно перестала быть колонией.

На экваторе ночь наступает сразу. Двадцать минут назад было совсем еще светло, а теперь уже ночь. Окна больших особняков в районе Мэнтэнг, укрывшихся в зелени и расположенных на значительном расстоянии друг от друга, уже освещены. Мы стараемся прочесть имена обитателей на медных дощечках, которые вделаны в низкие каменные ограды. Наш проводник направляет на них луч своего карманного фонаря: Валькенир, Принсен, Клейн, Маккоу. Это все фамилии голландцев или других иностранцев. Иногда попадает имя высокопоставленного индонезийца, но в основном это владения богатых чужеземцев.

В конце улицы мы увидели большой кинотеатр. Идет американская картина, название которой неоновыми буквами светится высоко над окружающими домами. Все лучшие кинотеатры находятся здесь, в райо-

не Мэнтэнг, и принадлежат иностранцам.

Кругом много первоклассных ресторанов, очень изысканных и дорогих. Это не те уютные китайские столовые, которые встречаешь везде в других районах и где вкусно готовят сытные блюда — бами¹, насигоренг или жареные лягушечьи лапки.

В этом районе ночных баров мы не задерживаемся, нам здесь нечего делать. Стало довольны. Обратная прогулка в гостиницу доставила бы большое удовольствие, но то, что мы увидели на своем пути, было отнюдь не радостным. На тротуарах и у подъездов спали люди. Среди них мы заметили женщину с грудным ребенком. В Джакарте сотни и сотни таких бездомных.

Индонезийская столица имеет население в 2,5 миллиона человек, и каждый день это число увеличивается потоком крестьян, которые бегут с семьями из родных деревень, ища в городе защиту от террора банд Дар-уль-Ислама². Крестьяне живут под мостоу, в подъездах, в трамвайных будках и скверах.

¹ Ба ми — китайские макароны с приправами.

² Террористическая организация, тесно связанная с партией крупных феодалов-землевладельцев. Она является агентурой иностранных империалистов.

Мы возвратились в гостиницу, но спать не хотелось. Мы усьелись на веранде за несколькими бутылками прохладного лимонада, которые нам любезно принес наш друг-индонезиец.

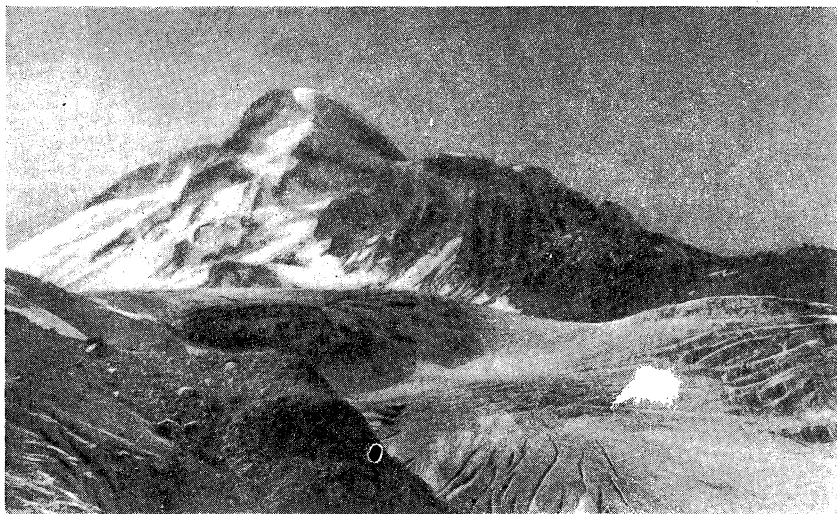
Мы так взволнованы впечатлениями нашего первого дня в Джакарте, что никто из нас и не думает, что пора спать.

Маленький паренек подходит к нам и что-то спрашивает у нашего проводника. Это продавец сатэ. Он вмиг все сделает. Желаете сатэ из курицы или из говядины, бами, насигоренг или жареные утиные яйца? Он подходит по очереди ко всем, находящимся на веранде. Мальчику не более десяти лет. Вместе со своим помощником лет семи он во дворе готовит заказанные блюда. Они действуют молниеносно и с большим мастерством. Как только они уходят со своим ящиком с продуктами, кастрюлями и примитивной жаровней, установленной на небольшой тележке, во дворе начинают хозяйничать другие. Все это дети, которые ходят по улицам до трех часов ночи в надежде на небольшой заработок. Издалека слышны их певучие голоса — единственные звуки, нарушающие ночную тишину: «Сатэ! Сатэ! Сатэ!»

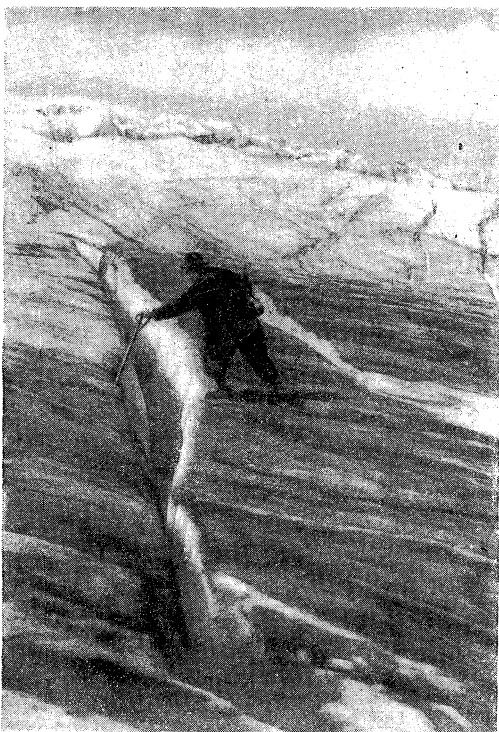
Мы уже давно легли спать, а на улице все еще слышны детские голоса, постоянно повторяющие одно это слово в поисках позднего покупателя.

НА СКЛОНАХ КАЗБЕКА

Фото М. Пискунова

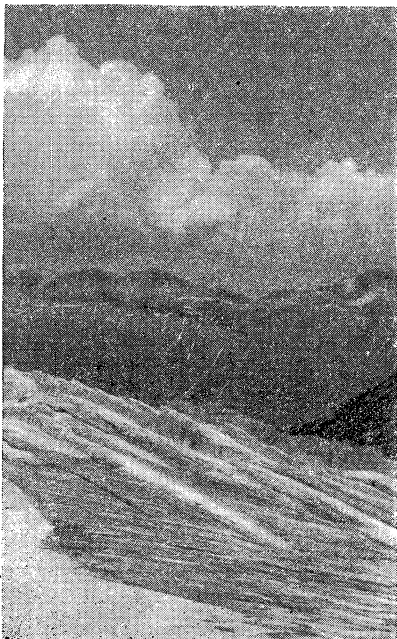

Ледяной рекой стекает в ущелье Гергетский ледник.

На изгибах ледника образуются трещины, а иногда и узкие, глубокие ледяные ущелья.

При неоднократном оттаивании и замерзании ледника на нем образуются ледяные торосы, а местами ледник вместе со льдом несет и куски горных пород.

Издали, с берегов бурной Куры и из опаленных солнцем моздокских степей, видна величественная двуглавая вершина Казбека.

Этот потухший в послеледниковый период вулкан находится в восточной части Центрального Кавказа. Здесь, на Боковом хребте, Казбек вместе с Джимарайским массивом образует наиболее мощный после Эльбруса ледниковый центр на Кавказе.

Высоко в горах снега выпадает значительно больше, чем тает за лето, и избыток его скапливается в пониженных местах, заполняя глубокие котловины и чаши — цирки, лежащие выше снеговой границы. Заполняются они и в результате снежных обвалов (лавин) или сдувания снега с крутых склонов.

Снежный массив, пропитанный талыми водами, под силой тяжести спрессовывается и приобретает зернисто-кристаллическое строение, превращаясь постепенно в плотный, голубоватого цвета прозрачный фирновый лед, который образует целые ледяные поля. Они-то и дают начало множеству крупных и мелких долиньных ледников Казбека, которые относятся к альпийскому типу ледников.

Ледники альпийского типа хорошо изучены. Они имеют форму вмещающей их долины, а характер их движения обусловлен уклоном ложа этой долины. В зависимости от размера ледника и расчленения гор долиньные ледники делятся на простые, то-есть состоящие из одного ледникового потока, и сложные — из нескольких сливающихся, как реки, потоков.

Ледники Казбекско-Джимарайского массива перемежаются обширными скоплениями льда и снега.

Самый крупный фирновый бассейн этого района — Майлийское снежное поле — дает начало ледникам: Гергетскому, Девдоракскому, Чач и другим.

Мощной ледяной рекой стекает Гергетский ледник с восточных, сильно изрезанных склонов заснеженного хребта того же наименования, лежащего между Казбеком и Майли. Сползая в ущелье, ледяной поток сначала круто поворачивает к северу, а затем снова принимает восточное направление. Длина ледника — 7,5 километра.

Средняя часть ледника изобилует мощными ледопадами. Глубокие извилистые трещины в прозрачном голубоватом льду образуют сказочные хрустальные лабиринты, очень опасные для восхождения, особенно во время снегопада. Высота их стенок достигает 60 метров.

У конца ледника на высоте 2805 метров выбивается наружу ручей, переходящий далее в быструю бурную реку Чхери, по имени которой иногда называют и ледник.

М. ЕРМИЛОВА

Казбек — пятая по величине вершина Кавказа. Его зубчатые скалистые гребни покрыты вечным снегом и льдами. За-рождающиеся здесь ледники выносят валуны, камни и гальку, образуя валы. Ниже морен раскинулись альпийские луга.

Фото М. ПИСКУНОВА

Саксонская Швейцария — один из живописнейших уголков Германской Демократической Республики. Скала Бастей.
Фото А. ГОСТЕВА

КИТАЙСКИЕ ШАХМАТЫ

Шахматы — одна из самых популярных игр в Китае.

В Пекине, в часы отдыха, всюду можно видеть играющих в шахматы людей — в тени красных стен старинных дворцов и на их беломраморных лестницах, на скамьях скверов и парков и даже в лодках.

Шахматы известны в Китае давно. Первое упоминание о них, встречающееся в старинных рукописях, относится к концу VIII века. С появлением шахмат в Китае связано много различных легенд.

Апельсиновое дерево в саду крестьянина в провинции Пачию (теперешней Хунани), говорится в одной из таких легенд, в отличие от остальных, необычайно разрослось и приняло громадные размеры. Когда крестьянин срубил это дерево, то нашел внутри него двух стариков, увлеченных неизвестной игрой. Это и были шахматы.

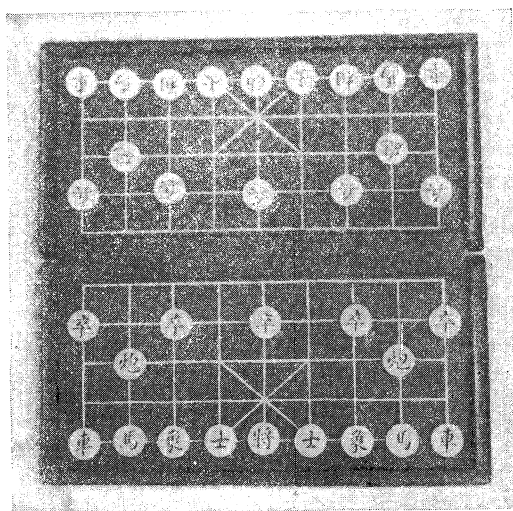
В другой легенде рассказывается о дровосеке, увидевшем в лесу на горе двух молодых людей, склонившихся над доской с какими-то кружками. Он подсел и начал наблюдать за их игрой и так увлекся, что не заметил, как прошло время. Когда дровосек вернулся к себе в деревню, то уз-

нал, что с тех пор, как он ушел, прошли сотни лет...

В китайских шахматах, как и в обычных, 32 фигуры, но это не резные изображения короля, ферзя, ладьи, коня, слона и пешек, а простые кружочки, как в шашках. Только на каждом из них иероглифы сделана надпись, обозначающая его роль в игре.

В отличие от наших шахмат в китайских нет ферзя, но в них участвуют «ученые» и «пушка», которых нет у нас. Король называется «генералом», слон — «советником», ладья — «колесницей».

Фигуры в китайских шахматах расставляются не в квадратах, а на их пересечениях. Шахматная доска, состоящая, как

везде, из 64 квадратов, посредине разделена «рекой».

Пешки движутся только на один квадрат вперед до тех пор, пока не пересекут «реку». После этого они могут делать и боковые ходы, но тоже только по одному.

Главные атакующие силы — конь, пушка и колесница.

Несмотря на то, что шахматы в Китае давно известны и любимы, каких-либо шахматных обществ или клубов в стране до последнего времени почти не было. Сейчас число их заметно увеличивается, организуются турниры, собирающие тысячи зрителей.

На снимке: китайские шахматы.

В странах
НАРОДНОЙ
ДЕМОКРАТИИ

ЦЕННЫЕ НАХОДКИ В КАМЕНОЛОМНЕ

Недавно около города Споле, в местечке Новая Крулевская Вель, в каменоломне цементного завода были сделаны ценные палеонтологические находки.

В геологических пластах миоцена обнаружены многочисленные остатки различных животных, которые жили около 15 миллионов лет тому назад. Самой интересной находкой являются остатки мастодонта — млекопитающего животного-гиганта, принадлежащего к группе хоботных.

Миоценовые мастодонты жили преимущественно в третичном периоде. Найденные остатки мастодонта позволяют установить, что он был около пяти метров высотой и весом до тридцати тонн.

В этих же геологических пластах около Споле обнаружены остатки бобров, медведей, саламандр, зубатых рыб, а также различных плотоядных животных.

На территории Польши палеонтологические находки такого рода сделаны впервые.

В КРАЮ ПЕСЧАНИКОВЫХ СКАЛ

С вершины скалы Бастей, на которой устроена площадка, обнесенная чугунными перилами, далеко виден обширный район песчаниковых скал, расположенный на юге Германской Демократической Республики. Куда ни кинь взгляд, всюду горы, уходящие за горизонт. Тишина, кристально чистый воздух.

Горы Саксонской Швейцарии не высоки—200—400 метров. Но какое-то особенное, гармоническое сочетание положивших вершин, густо поросших лесом, зелено-голубой Эльбы и отвесных скал, меняющих свой цвет от светложелтого до коричневого в зависимости от погоды, создает неизгладимое впечатление.

Нередко тут можно видеть людей, одетых не совсем обычно. Они босиком, в легких костюмах с нашитыми на плечах, спине, животе и коленях трипичными шарами. Это скалолазы, любители очень распространенного в Германской Демократической Республике вида спорта.

Вот они начинают карабкаться вверх, шаг за шагом преодолевая почти отвесные стены, и уже через полчаса машут платками с вершины скалы.

Если спуститься с Бастей в долину Амзельталь и повернуть влево, то попадешь к озеру Амзельзее.

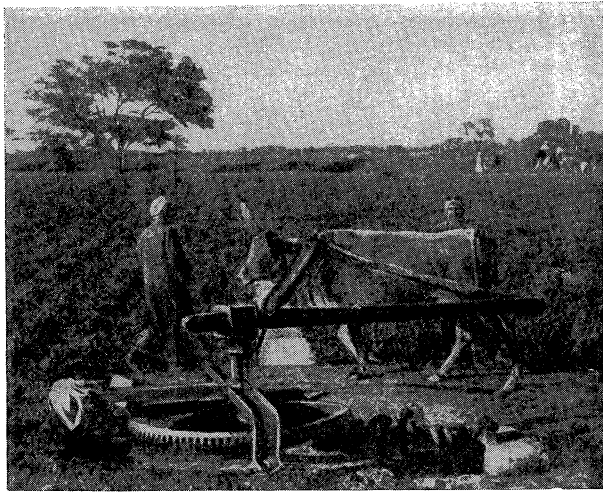
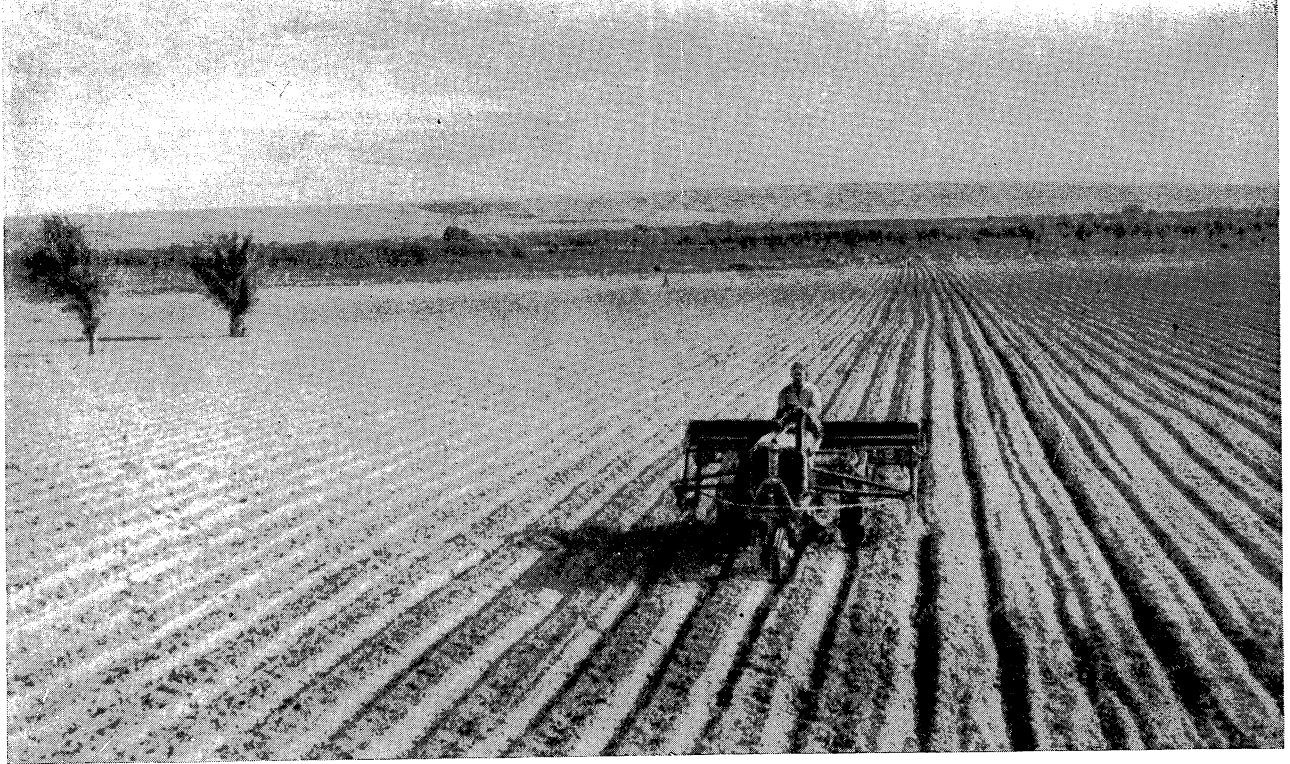
Пойдем по берегу. Долина скоро сужается и превращается в темное ущелье, по дну которого течет ручей, питающий озеро. Дальше и ручей исчезает.

Прислонившись к горе, стоит небольшой почерневший от времени домик. Предания связывают эти места с «волшебным стрелком», героем древних легенд, которому посвящена своя прекрасная опера композитор Вебер. Здесь, в темном ущелье, стрелок отлил семь волшебных пуль, одна из которых должна была стать для него роковой.

Место это значит на карте как «Амзельфаль» — «Водопад дроздов». Однако никакого водопада не видно. Впрочем, стоит группе туристов остановиться у домика, как вдруг раздается шум и сверху падает мощный поток воды. Зрелище красивое и неожиданное. Но вот туристы удалились, и шум падающей воды умолк.

Источник, питающий водопад, в последнее десятилетие начал иссякать, поэтому здесь устроена замаскированная плотина, шлюз которой регулируется простым поворотом колеса. Появляются у водопада посетители — и водопад приводит в действие.

Саксонская Швейцария — одно из любимых мест отдыха трудящихся Германской Демократической Республики.

Неотъемлемой частью пейзажа Средней Азии стали хлопковые поля.

Так орошают поля хлопчатника в Египте.

На хлопковых плантациях США трудятся негры. Жалкие урожаи дают поля, обрабатываемые примитивными орудиями.

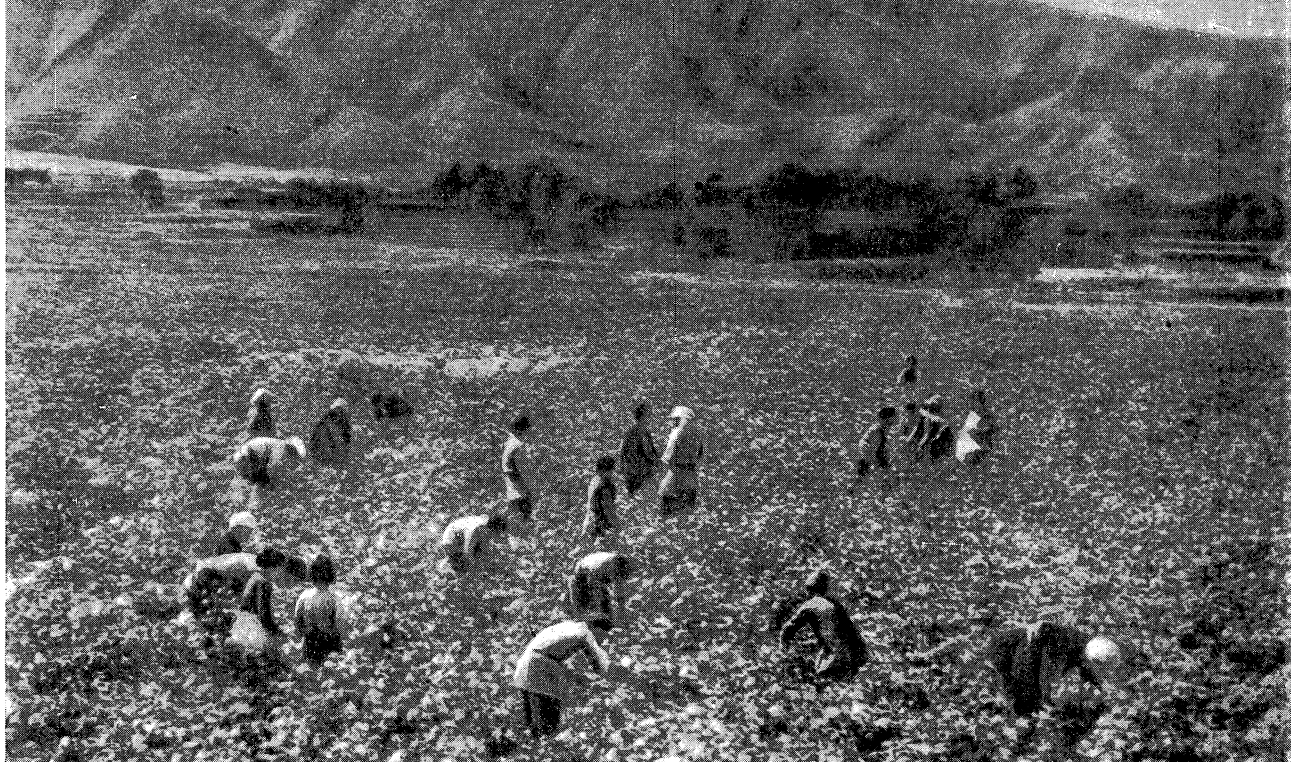
НОВАЯ РОДИНА ХЛОПКА

ГЛЕБ ГОЛУБЕВ

ЦЕНА ПУШИНКИ

Человеческий труд накладывает неизгладимый отпечаток на облик разных уголков страны. Мы говорим: «средняя полоса», и сразу представляем себе поля пшеницы и ржи среди сосновых боров и березовых рощиц, заливные луга по берегам медлительных рек. В пейзаж Донбасса прочно вписаны черные конусы терриконов и решетчатые вышки шахтных копов. Где-нибудь на Каспии трудно представить себе море без белых парусов рыбацких лодок на горизонте.

В Средней Азии такой неотъемлемой частью пейзажа являются хлопковые поля. У них свой облик. Оросительные арыки делят поле на несколько прямоугольных

участков. А бровки арыков всегда засаживают деревьями, обычно шелковицей; каждая пядь орошаемой земли дорога, ее надо использовать. Деревья не только укрепляют стенки каналов корнями, но и мешают расти здесь сорнякам: семена сорных трав вместе с водой не попадут на поле.

Сверкающие в лучах солнца ленты каналов и зеленые ограды из деревьев придают хлопковым полям какой-то очень уютный, обжитой вид. Видишь, что каждый клочок земли здесь заботливо возделан.

Об этом говорит и необычайная ровность полей. Нет на них ни кочек, ни бугров, ни ложбин — все тщательно выровнено. Иначе поле при поливе будет увлажняться неравномерно и растения станут развиваться неодинаково.

Пускают воду на поля четыре-шесть раз за лето. Когда погода стоит особенно жаркая, большая разница между температурами воздуха и воды может вызвать опадение завязей. Тогда поливы переносят на более прохладное, ночное время. Тихи и задумчивы поля в лунном свете. Не шелхнет листва на деревьях. Спят птицы. И только журчит, бормочет вода, разбегаясь по полю.

Осенью поле меняет свой вид. Становится бурой листва, и с легким потрескиванием раскрываются створчатые коробочки на тонких ветвях. Створки расходятся, открывая белоснежное волокно. Пестря платками и цветными платьями, идут по полю сборщицы. Ловко и быстро вынимая из коробочек белые пушистые комочки, они складывают их в особые фартуки, перекинутые через плечо.

Все больше «белого золота» дают поля Китайской Народной Республики.

Перевозка хлопка в Бамбее.

Мало изменилась за века обработка полей в Перу — одном из древнейших районов хлопководства.

Фартук имеет несколько карманов — для разных по качеству сортов.

Труд 60 сборщиц выполняет одна уборочная машина. Покачиваясь, точно катера на волне, машины идут друг за другом, снимая с кустов их белый наряд. Сетчатые бункеры наполняются. Машина подходит к хирману — ровной, хорошо утрамбованной площадке. Поворот рукоятки — и весь собранный хлопок оказывается на земле.

Растут на хирманах белые хлопковые горы. Мчатся по дорогам автомашины, груженные мешками с хлопком. Дороги непрерывно поливают, чтобы поднятая машинами пыль не оседала на хлопок. А на придорожных столбах, деревьях часто можно увидеть небольшие ящички. Они напоминают прохожему: если увидишь хоть одну упавшую на дорогу хлопковую пушинку, подними ее, сбереги, — она дорога стране!

Нет, пожалуй, другого растения на земле, которое было бы так связано со многими отраслями промышленности. Хлопок — основное сырье для текстильных предприятий. Каждая тонна сырца может быть превращена в три тысячи метров различной ткани. Из хлопкового волокна делают рыбацьи сети и вату, проч-

нейшую кордовую основу для автомобильных покрышек и тонкую марлю.

Семена растения содержат до 27 процентов масла. Из них получают питательные жмыхи, мыло, спирт, красители. Даже отходы, остающиеся при очистке волокна, и стебель не пропадают. Они служат сырьем при изготовлении самых неожиданных вещей: стекла и кожмита, искусственного шелка и пластмассы, киноплёнки и бумаги. Около 80 разных видов промышленной продукции можно получить от этой сельскохозяйственной культуры.

Между тем ценные качества хлопка долгое время были скрыты от человека. Даже его волокно люди научились использовать значительно позже, чем льна или шерсти. Волокно хлопчатника короче, оно требует иной техники прядения.

Впервые начали изготавливать ткани из хлопка в жарких странах Азии и Южной Америки. В другие районы культурный хлопчатник продвигался медленно. В VIII веке до нашей эры, когда в Индии уже давно научились ткать тонкий муслин, в соседних странах выращивали

хлопчатник в садах, как декоративное растение.

В Европе привозная хлопчатобумажная материя ценилась очень высоко. Самым дорогим нарядом английской королевы Елизаветы было ситцевое платье. Она надевала его лишь по большим праздникам.

Только в XVII веке в Европе начинает зарождаться своя хлопчатобумажная промышленность. Развивается она стремительно, бурно. В течение одного столетия хлопок выходит на первое место как сырье для текстильной промышленности.

Желтый цветок хлопчатника изменяется за день. Он розовеет, затем краснеет и к вечеру становится лиловым.

В наши дни хлопок по своему значению для народного хозяйства стоит в одном почетном ряду с металлом, топливом и хлебом.

Между тем до революции Россия большого количества хлопка не производила. Необходимое сырье ввозила из-за границы. Борьба за хлопковую независимость явилась одной из важнейших задач молодой Страны Советов.

Решалась она двумя путями: повышением урожайности и расширением посевных площадей, продвижением хлопчатника в новые районы.

ПЯТЬДЕСЯТ ТРЕБОВАНИЙ

На одном из стендов павильона «Хлопок» Всесоюзной сельскохозяйственной выставки показывалась «музейная редкость» — приземистый кустик с маленькими коробочками. Они не раскрываются сами, волокно из них приходится буквально выковыривать. Это среднеазиатский сорт «гуза». Такой хлопок сеяли у нас до революции. Он давал грубое короткое волокно.

Рядом другой куст — высокий, чуть не в рост человека. На нем около сотни коробочек, каждая вдвое крупнее, чем у «гузы». Створки их открыты, и можно легко вынуть семечко, обросшее пушистыми волосками. Волоски эти тоньше, шелковистее и раза в полтора-два длиннее волокон «гузы». Это куст сорта «108-ф» выведенного на Ферганской зональной опытной станции селекционером лауреатом Сталинской премии Л. В. Румшевичем. «108-ф» один из лучших советских сортов, он занимает сейчас свыше двух третей всех хлопковых полей страны.

Два этих куста, так резко отличных друг от друга, — словно две вехи на пути советской селекции: создание новых, более продуктивных сортов явилось одним из главных условий повышения урожайности.

Огромная работа была проделана советскими учеными-селекцио-

Берега оросительных каналов обсаживают деревьями, чтобы они корнями укрепляли их земляные стенки.

нерами. Внимательно изучали они биологию растения, познавали законы развития этого интереснейшего представителя семейства мальвовых.

Изумрудно-зеленое семя одето нежнейшим белым волокном. Зачем растению это волокно, до сих пор остается загадкой для науки. Для того, чтобы семена мог переносить ветер? Нет, они слишком тяжелы, «парашют» из тонких волокон не удержит их в воздухе.

Но эти волоски оказались очень полезны для человека, и с давних пор он стремился их удлинить: чем они длиннее, тем лучше получается пряжа, чем больше их, тем выше выход волокна.

Хлопчатник теплолюбив. От 120 до 160 жарких дней требует он для созревания. Ученые до сих пор спорят о том, где его родина. Дикорастущие виды хлопчатника встречаются в тропиках — и в Америке, и в Азии, и в Африке, и в Австралии. Они сильно отличаются друг от друга: одни требуют для своего развития, чтобы воздух был не только теплым, но и влажным, другие способны расти на бесплодных скалах Аравийской пустыни. На Гавайских островах встречается дикое растение с волокном, напоминающим войлок. Его так и называют: «хлопчатник слабовойлочный».

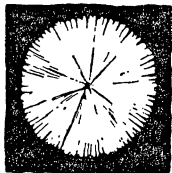
Свыше четырех с половиной тысяч разновидностей хлопчатника можно увидеть на Центральной селекционной станции, неподалеку от Ташкента. Мы привыкли, что это кустарниковое растение, высотой редко превосходящее средний человеческий рост. Но вот перед нами раскидистые деревья, похожие на яблоню. Только вместо яблок на ветвях висят коробочки с белым волокном. Это древовидный хлопчатник из Мексики. Он привык к более короткому световому дню, чем у нас. И чтобы он начал плодоносить под Ташкентом, приходится искусственно укорачивать день, затеняя растение. На зиму его нужно прятать в оранжерею.

Много и других интересных сортов можно увидеть на опытных делянках станции: рядом с древовидным — травянистый, широко распространенный во всей Азии, тонковолокнистый хлопчатник, цветной. Каждый сорт несет отпечаток своей родины, чем-то отличается от других. И ученые используют эти отличия, скрещивая разные сорта и получая таким образом новые.

Для сорта «108-ф», как и для других культурных сортов, не найти похожих диких родичей. Он создан человеком, который заставил хлопчатник расти в новых условиях, изменил его «привыч-

ки», удлинил волокно, сделал гораздо крупнее коробочку, изменил даже форму куста.

В диком состоянии хлопчатник — многолетнее растение. У него на главном стебле развиваются только прямые ростовые ветви. Первые годы на это уходит вся энергия растения, и лишь через несколько лет появляются плодовые ветви, растение начинает цвести. А у культурных сортов ростовые ветви почти отсутствуют, зато прямо от стебля отходят плодовые ветви, увешанные коробочками.

Семя хлопчатника одето пушистыми волокнами.

Диких форм с плодовыми ветвями на главном стебле нет в природе. Заставляя хлопок расти при более низких температурах, человек приучил его сразу закладывать плодовые ветви и приносить урожай в год посева. Потом морозы убивают растение, его приходится каждый год высевать заново. Так хлопчатник стал «однолетним» растением. Изменив так сильно строение растения, человеку

удалось продвинуть его из тропиков в более прохладные районы.

Годами работает селекционер над новым сортом. Сколько опы-

тов и бессонных ночей, сколько труда и исканий вложено в каждый сорт!

«Кто не знает, в какую гавань он плывет, для того нет попутного ветра», — говорил древнеримский философ Сенека. Чтобы создать хороший сорт хлопчатника, нужно отчетливо представить будущее растение, определить все требования к нему. А требований этих, как рассказывают селекционеры, бывает до пятидесяти!

Прежде всего нужно, чтобы сорт был более урожайным, чем прежние. Но текстильщики предъявляют еще и свои, дополнительные требования: чтобы выше был выход чистого волокна, длиннее, тоньше и крепче сами волокна. Создал селекционер такой сорт, а он, оказывается, не отвечает другим условиям, например подвержен некоторым болезням. Снова начинаются долгие поиски и опыты.

Надо хорошо знать качества самых различных сортов, чтобы отобрать для скрещивания лучшую родительскую пару. Кажется, все удалось: и урожайность высокая, и волокно хорошее. Однако недовольны механизаторы. Им надо, чтобы куст был не раскидистый, а сжатый, тогда его сможет обрабатывать уборочная машина. Но

Кусты хлопчатника, с которых удалили листья перед машинной уборкой.

и этого им мало: они просят вывести такой сорт, чтобы растение осенью само сбрасывало листья, а то их приходится перед машинной уборкой удалять химическим путем...

И снова упорно ищет селекционер, испытывая все новые и новые сорта.

Немало новых интересных сортов вывели советские селекционеры. Скрестив обычный хлопчатник с разновидностью перуанского, И. К. Максименко получил, например, растение, дающее зеленое волокно. Его не надо красить, можно сразу прясть из него цветную ткань, и окраска не выгорит, не поблекнет с годами. Выведены и другие сорта с естественно окрашенным волокном.

Так все сильнее изменяет человек природу хлопчатника, подчиняя ее своим интересам.

ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ ШИРОТА

Напрасны будут все усилия селекционера, если он забудет про географию.

Растение находится в неразрывном единстве с географической

Каждая хлопкоуборочная машина заменяет шестьдесят сборщиков.

Коробочка хлопчатника одного из лучших советских сортов — «108-ф».

средой. И каждый новый сорт выводится обычно не «вообще», а для определенного района. Только в известных условиях проявятся все его лучшие качества. Поэтому у нас создано несколько научно-исследовательских и опытных учреждений, обслуживающих отдельные районы страны. Уже само размещение их говорит о географии советского хлопководства.

Республики Средней Азии — основной у нас район «белого золота». И крупнейший научный центр — Всесоюзный ордена Ленина научно-исследовательский институт хлопководства — находится в Ташкенте. Его опытные станции и поля расположены в разных районах Узбекистана, Таджикистана, Туркмении и южного Казахстана.

Азербайджанский научно-исследовательский институт ведет селекционную работу в Закавказье.

Еще до революции делались попытки выращивать хлопок на берегах Черного моря. Но они так и не привели к успеху. За годы советской власти были организованы два специальных научных учреждения, занявшихся этой проблемой: Украинский институт и научно-исследовательский институт новых районов хлопководства. Ими созданы новые сорта для степей юга Украины, Став-

ропольщины и Северного Кавказа. Наиболее скороспелый из них — «611-6». Это самый северный хлопчатник.

Скороспелость — одно из важнейших качеств, которое стремится придать новому сорту. Чем больше коробочек успеет созреть до заморозков, тем выше будет урожай и лучше его качество. Сорт «108-ф» потому и распространен так широко, что он созревает на 4—8 дней раньше тех сортов, которые выращивали прежде. Всего несколько дней, а прибавка урожая огромная: на 10—25 процентов.

Среди всех видов хлопчатника особенно славится тонковолокнистый. Его длинное шелковистое и очень крепкое волокно идет на выделку батиста и маркизета, особо прочных ниток и технических тканей. В каждой автомобильной шине есть прокладка — корд, сделанная из такого высококачественного волокна.

Но тонковолокнистый хлопок особенно теплолюбив. Родина его — Перу, а вторую родину с подходящими природными условиями он нашел в Египте, в плодородной долине Нила.

Когда наша страна уже избавилась от импорта других видов хлопчатника, тонковолокнистый еще приходилось ввозить из-за границы. Даже в самых южных районах он у нас не вызревал, требуя для нормального развития на целый месяц больше времени, чем другие сорта.

Английская газета «Сэнди экспресс» писала в 1928 году: «Египетский хлопок в Средней Азии, имеющей резко континентальный климат, мерзнет и гибнет. Так же неблагоприятен для хлопка и климат русского Закавказья... Только климат Египта позволяет выращивать высокосортный «египтянин». Нигде больше «египтянин» не растет».

Советские ученые-селекционеры А. И. Автономов, К. И. Цинда, А. И. Эммануилов и другие вывели немало тонковолокнистых сор-

хлопка в 1953 году составила 9,5 центнера, в Пакистане — 6,9, в Бразилии — 5,7, в Турции, Аргентине, Иране — немногим больше 7 центнеров с гектара. У нас в республиках Средней Азии она в два-три раза выше.

За годы советской власти посевные площади под хлопком у нас в стране выросли более чем в три раза.

Это изменило географию опромыленных территорий. Веками лежала в Узбекистане пустой и бесплодный обширный Голодная степь.

доохранилище. Всю Ферганскую долину с востока на запад пересек Большой Ферганский канал имени Сталина. Этот канал, длиною в 270 километров, был построен методом народной стройки в рекордно короткий срок — всего за полтора месяца.

Сейчас повсюду развернулись новые большие ирригационные работы.

В горах Киргизии строятся огромное Орто-Токойское водохранилище объемом в 500 миллионов кубометров и Большой Чуйский

Растут хлопковые горы на хирманах.

тов, более скороспелых и урожайных, чем прославленные «египетские». Длина волокна у них достигает сорока миллиметров.

Посевы тонковолокнистого хлопка занимают самые южные районы страны: Мургабский оазис в Туркмении, поля Сурхан-Дарьинской области в Узбекистане, долину Вахша в Таджикской ССР и долину Куры в Закавказье. Здесь для него самые благоприятные условия: знойное и длинное лето, плодородные лёссовые почвы, достаточно воды.

Не только сорт создается для определенной зоны, но и каждому сорту подбирают самое подходящее для него место.

Для каждого сорта у нас подобран определенный, наиболее благоприятный район. Чтобы провести такое научное районирование, надо прежде детально исследовать почвы, колебания температуры, водный режим. В 1953 году наши поля засеивались 20 сортами хлопка различных свойств. Такое разумное размещение с учетом различных географических условий позволяет всюду получать высокие урожаи. А когда это нужно, советские люди изменяют и географические условия: например, проводят воду в жаркие, но засушливые районы.

Первое место в мире по абсолютной урожайности «белого золота» занимает теперь наша страна.

В США средняя урожайность

Ныне Голодная степь преобразилась. Раскинулись на ней хлопковые поля — летом темнозеленые, а осенью словно запорошенные снегом от множества раскрывшихся коробочек. По берегам новых каналов встали кудрявые карагачи и стройные пирамидальные тополя.

Иным стал и климат, особенно в приземном слое. Широкие листья хлопчатника служат превосходными испарителями влаги, способствуют образованию более мягкого микроклимата. Специальные наблюдения показали, что над полями хлопчатника температура ниже и воздух значительно богаче влагой, чем в окружающих оазисах пустынь. Если микроклимат изменился на сотнях тысяч гектаров, то такие перемены уже заметно отражаются на общей климатической характеристике целой области. Исследовать эти изменения климата во многих районах Средней Азии под влиянием расширения оазисов, увеличения посевных площадей хлопчатника и других культур, выяснить, как они влияют на развитие растений, — одна из важнейших и интереснейших задач. Этим занимаются сейчас климатологи.

Глядя на карту, мы видим, что освоение целых земель под посевы хлопка связано с появлением искусственных озер и рек. В сухой степи неподалеку от Самарканда раскинулось Катта-Курганское во-

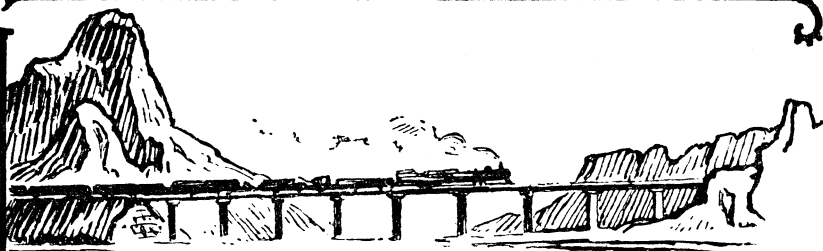
канал. Завершается наполнение Мингечаурского водохранилища и создаются новые оросительные системы в Кураинской низменности; они пробудят к жизни около миллиона гектаров пустующих земель — большая часть их будет засеяна хлопчатником. В Туркмении прокладывают Кара-Кумский канал. Он обеспечит водой районы возделывания тонковолокнистого хлопчатника.

Такого размаха работ по орошению новых земель под хлопчатник не знает ни одна другая страна в мире.

Одновременно во всех хлопководящих республиках Советского Союза ведется большая работа по лучшему использованию уже освоенных земель. Огромны резервы повышения урожайности: постоянное обновление техники, применение новых методов обработки земли, предложенных колхозным ученым Т. С. Мальцевым, передовая агротехника, одним из важнейших приемов которой является квадратно-гнездовой способ посева хлопчатника. Этот метод не только значительно сокращает затраты труда на обработку полей, освобождая тем самым рабочие руки для освоения новых земель, но и резко повышает урожай хлопчатника.

Все это позволит еще больше увеличить производство «белого золота» в нашей стране, ставшей новой родиной хлопка.

Через

Новый ж.д. мост через
р. Хуанхэ у г. Ланьчжоу

Старый понтонный
мост у г. Ланьчжоу

Замкоподобные горы
вост. Наньшань

Хребет Момошань

В октябре 1954 года между СССР и Китайской Народной Республикой подписано соглашение о постройке железной дороги Ланьчжоу — Урумчи — Алма-Ата. Советский Союз окажет всестороннюю техническую помощь в строительстве дороги на территории Китая. Участок пути от Ланьчжоу до Юймыня уже строится с 1953 года.

Читатели нашего журнала просят рассказать об этой дороге и о тех районах, по которым она пройдет.

Ниже мы помещаем статью академика В. А. Обручева, путешествовавшего с Г. Н. Потаниным в 1892—1894 годах по местам, где будет продолжена железнодорожная магистраль.

В статье В. А. Обручева рассказывается о физико-географических особенностях этого края.

Местность вдоль строящейся в Китайской Народной Республике железной дороги от города Ланьчжоу до столицы Синьцзяна — Урумчи — мне хорошо знакома. Изучая страну во время экспедиции Г. Н. Потанина (1892—1894 гг.), я путешествовал по этим местам, а на участке между городами Ланьчжоу и Дуньхуан, где дорога проходит по горной системе Наньшань, был два раза.

Ланьчжоу, столица провинции Ганьсу, расположена на правом берегу реки Хуанхэ, протекающей здесь вдоль южной окраины Наньшаня. К юго-востоку от Ланьчжоу река поворачивает на север и пересекает горы восточной части Наньшаня, здесь уже сильно понизившиеся и покрытые толщей лёсса — желтой плодородной почвы, развитой во всем Северном Китае. Старый мост через Хуанхэ у города Ланьчжоу был сооружен на понтонных и считался тогда чудом строительства. Он был покрыт тонкими бревнами, ничем не укрепленными, так что проезд по нему был небезопасен. Ширина реки у моста достигала 300 шагов, а глубина — больше длины штанги в 5 метров.

К западу от города, за рекой, колесная дорога вскоре поднимается довольно круто на холмы Наньшаня, покрытые толщей лёсса, из-под которого местами выступают красные третичные песчаники, образуя замкоподобные скалы. Эта холмистая местность пересекается дорогой на протяжении около 45 километров. Между холмами, в долинах маленьких речек, кое-где разбросаны небольшие селения, возле которых видны поля и сады. Однако этот участок пути беден водой. В колодцах она соленая.

С холмов дорога спускается в довольно широкую долину реки Пиньфаньхэ (Чжуанлайхэ), заселенную и возделываемую. Оба

склона долины не крутые и покрыты лёссом. Нужно заметить, что холмы и склоны долины Пиньфаньхэ на всем протяжении безлесны, и население пользуется углем, привозимым из копей, расположенных западнее и южнее.

Дорога идет вверх по долине по левому берегу реки, минует город Пиньфань (Юндэн) и вскоре переходит по небольшому мосту на правый берег. За мостом начинается подъем на южный склон одной из цепей Наньшаня, называемой Момошань. Перевал находится на высоте 2980 метров над уровнем моря (около 300—350 метров над дном ближайших долин).

Спуск проходит по пологому северному склону хребта. До города Гулан путь идет по извилистой долине, которая затем расширяется.

От города Ганьчжоу (Чжанье) дорога по Принаньшаньской впадине тянется на запад-северо-запад до Сучжоу (Цзюцюань) на протяжении около 380 километров. Впадина ограничена с юга северным хребтом Наньшаня, увенчанным рядом вечноснеговых пиков, а с севера невысоким, совершенно голым и мелкоскалистым хребтом Луншоушань, отделяющим эту впадину от просторов Гоби. Она имеет от 20 до 50 километров в ширину и занята селениями и городами, окруженными оазисами. Они разбросаны по долинам выходящих из Наньшаня речек и ручьев, а между ними расстилается галечно-глинистая степь. Местами попадаются солончаки, иногда видны плоские холмистые возвышенности. Кое-где в долину выдвигаются параллельные скалистые гряды Наньшаня. Железная дорога пройдет тут через города Шаньдань, Ганьчжоу, Гаотай, Сучжоу.

За Сучжоу характер местности меняется. Наньшань уже не имеет снеговых вершин и распадается на большие группы скалистых гор,

ГОРЫ И ПУСТЫНИ

часто еще смягченных покровом лёсса и разделенных широкими долинами. Вместо гор Луншоушаня выступают то сглаженные холмы, то небольшие скалистые кряжи, а между ними сухая каменистая или глинистая степь. Местами — небольшие речки и по ним оазисы.

В начале этого участка от Наньшаня отходит на север плоская возвышенность, на которой стоит крепость Цзяюйгуань. Большая дорога проходит мимо нее и далее через маленькие оазисы.

Возле города Юймынь из ущелья Наньшаня вырывается крупная река Сулэхэ, круто поворачивает на запад и течет, часто делясь на рукава, до озера Халачи, лежащего на 200 километров западнее. На этой реке, кроме Юймыня, расположены еще многие селения и город Аньси, но ниже этого города селений нет, река течет между крутыми берегами, а затем по болотистой низине.

На этом участке Принаньшаньской впадины — от Сучжоу на 280 километров к западу — железная дорога больших препятствий не встретит, но от города Аньси она, конечно, резко повернет на северо-запад, чтобы пересечь горную страну Бэйшань, отделяющую Наньшань от Восточного Тянь-Шаня.

Бэйшань железная дорога пересечет без особенных затруднений. Эта горная страна сложена из сильно дислоцированных докембрийских и древнепалеозойских пород. Уже с начала мезозойского периода она подвергалась размыву и выветриванию; поэтому слагающие ее горные породы образуют значительно пониженные цепи и группы со сглаженными склонами, хотя и с большим количеством скал и обнажений, но сильно выветренных. В этих горах я видел замечательные ниши и гроты, выдутые ветрами в разрушающемся граните. Во впадинах между выходами древних горных пород кое-где встречаются ненарушенные или слабо нарушенные четвертичные и третичные пресноводные отложения.

Можно допустить, что полотно железной дороги будет проложено здесь без больших извилин, и только кое-где потребуются за проектировать глубокие выемки — при пересечении многочисленных хребтов, бороздящих эту горную страну. Таких хребтов меньше

к западу от линии Юймынь — Хами, где Бэйшань разрежается и понижается. Это показал уже маршрут Пржевальского, проходивший прямо на юг от города Хами. Еще западнее, как показали маршруты, пройденные европейскими путешественниками после Пржевальского, — в Бэйшане гораздо меньше разрушенных горных цепей и преобладают голые сухие пустыни, усыпанные щебнем.

Большой частью он покрыт черным лаком пустыни, как и многие выходы горных пород на склонах гор и холмов, состоящих не из гранита, а из пород, более устойчивых в отношении выветривания.

Следующий участок железной дороги — до Урумчи — пройдет на запад от города Хами вдоль южного подножия Восточного Тянь-Шаня. Хотя вдоль хребта и тянутся местами параллельные более низкие гряды, они не явятся препятствием. Путь пойдет по разделяющим их долинам, одни из которых орошаются и представляют оазисы, другие заняты галечно-щебневыми пустынями, а третьи сложены третичными отложениями красных глин и песчаников, в которых ветры создали целые музеи фантастических столбов и фигур.

От города Чиктам железная дорога должна будет пройти вдоль северного подножия песчаного хребта Кум-таг к большой впадине с городами Лукчун и Турфан и по ней на запад до Токсуна. Дальше ей придется пересечь две гряды, ограничивающие с юга и севера большую впадину с озерами Айнак и Айдин.

В отношении водоснабжения весь участок от Хами до Урумчи затруднений не представит. Из Тянь-Шаня течет много речек, а в Турфанской впадине население издавна выводило воду на поверхность кяризами — подземными штольнями.

Далее эта магистраль, выведенная из глубины Китая, может повернуть от города Манаса, западнее Урумчи, на северо-запад через Джунгарские ворота и примкнуть к советской железнодорожной сети у одной из станций Туркестано-Сибирской дороги.

В своем очерке «Ворота в Китай» сорок лет тому назад я говорил, что кратчайший путь между Москвой и Китаем будет проложен через Джунгарию.

Старые ворота в г. Ланьчжоу

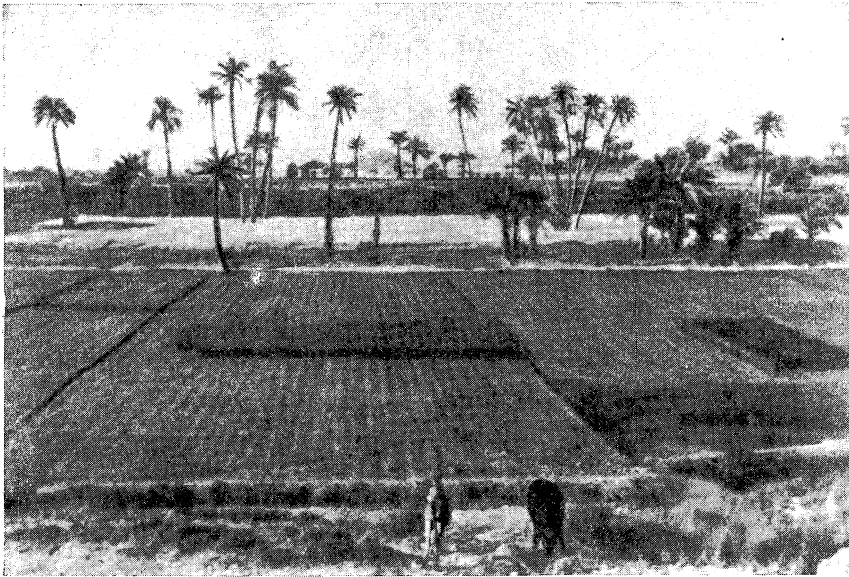

Работы в горном районе Уцзю

Ниши выдувания Бэйшань

ЕГИПЕТСКАЯ деревня

А. АЙРУ

Феллахе следовало бы говорить во множественном числе, потому что его жизнь — это жизнь всех феллахов той или иной деревни. Арендует ли он землю, или она является его собственностью, на ней всегда трудится вся его семья — жена, дети. Если он батрачит, то с группой других крестьян общими усилиями возделывает мотыгой землю и засеивает ее.

Деревня для феллаха — маленький замкнутый мирок, и именно в нем, на открытом воздухе и на людях, а не в своем доме, проводит он большую часть жизни: женщины ходят за водой группами, дети играют все вместе, повседневная жизнь протекает здесь в коллективе.

Затерянная среди полей или приютившаяся у основания белых скал пустыни, деревня кажется издали беспорядочным нагромождением земли, прикрытой сверху хворостом. Пальмы, акации, смоковницы, возвышающиеся над селением, скрывают его хаотичность. Эти деревья, растущие группами или отдельно, иногда в центре деревни, иногда на ее окраинах, представляют собой красочную картину... Но за чарующей картиной, созерцанием которой чаще всего и ограничиваются, мы хотим увидеть реальную жизнь.

Там, где плотина на реке еще не построена, деревня обычно расположена на расстоянии от 100 метров до 1 километра от берега. Иногда она тянется по краю долины, за которой начинается пустыня (Верхний Египет), иногда ютится на развалинах старых селений, искусственных возвышениях или прибрежных валах. В районах, где опасность наводнений велика, деревня расположена среди полей, едва заметная, но густо населенная.

Деревни разбросаны повсюду. Близость воды, однообразие рельефа, а также и почвы не дают возможности географу определить принцип их размещения. История, может быть, и объяснит ему загадку, но разве

кто-нибудь узнает прошлое этих четырех тысяч деревень, расположенных в долине Нила? Перенаселенность же их объяснить нетрудно.

Чтобы впустую не пропадал ни один клочок земли, годный для посева, особенно если почва плодородна и хорошо орошается, крестьяне сокращают до минимума непродуктивную площадь своих поселений.

До XIX века земля и крестьяне принадлежали государству и небольшому числу крупных землевладельцев. Крестьяне не селились на хуторах — им не было никакого смысла это делать, тем более, что время было тревожное и разбойники с больших дорог быстро разорили бы их.

Крестьяне должны были селиться именно в деревне еще и потому, что она представляла для властей единицу, ответственную за сбор налогов, мобилизацию, различные расследования и описи. По этим же причинам и сейчас правительство не разрешает феллахам жить на хуторах.

Деревня с населением в несколько сот или даже тысяч жителей (многие деревни насчитывают до 15 тысяч человек) представляет собой как бы одну многочисленную семью.

Населенные пункты можно различить прежде всего по степени их значимости. Районные, торговые центры и места, куда стекаются паломники, — это уже крупные местечки или даже небольшие города, где есть торговые, транспортные и другие учреждения (банк, суд, полицейский участок, вокзал, больница, клуб для служащих). Поселения же феллахов лишены каких-либо признаков города, какого-либо благоустройства.

Говорят, что церковь является лицом французской деревни. В Египте выделяются среди других построек своими размерами, но их архитектура не представляет собой ничего примечательного — ничем другим, кро-

ме величины, они не выделяются на общем фоне бедности и однообразия.

90 процентов феллахов исповедуют ислам. Более 2 миллионов крестьян — копты, и из них около 50 тысяч — католики. Они живут в одних деревнях с мусульманами, и каждый исповедует свою религию.

Мусульмане не понимают арабского языка, на котором написан коран, христиане не знают древнего египетского языка. Общеразговорным для всего Египта является так называемый вулгарный арабский диалект, по словарному составу сильно отличающийся от сирийского и североафриканского. В самом Египте нет особых наречий для той или иной провинции, но в каждой из них существует значительное количество специфических слов и выражений; в Среднем Египте речь более тягучая, на юге произношение гортанное.

Феллахи-мусульмане строго соблюдают рамадан — свой пост, как копты соблюдают свой. У мусульман — это целый месяц полного воздержания от пищи от восхода до захода солнца. У коптов — отказ от всякой пищи от полуночи до полудня в течение более 200 дней в году и полное воздержание от жирной и мясной пищи.

Паломничество в Мекку совершается очень немногими и воспринимается как подвиг. Вернувшись домой, счастливый пилигрим, встреченный как вновь воскресший, становится одним из самых уважаемых жителей деревни, и его дети живут славою отца. Отныне к его имени добавляется «эль хаг» (достойный), а его паломничество увековечивается: фасад его дома белят известью, на нем рисуют примитивные человеческие фигуры, вагоны, корабли, выводят имя паломника и помечают дату возвращения из странствия.

Гробница святого — защитника деревни — пользуется большей попу-

1 Копты — христиане.

лярностью среди народа, чем мечеть. Она возвышается вдали от селения, в тени священных деревьев, у реки, а иногда около колодца или канала. Это обыкновенно здание в форме куба с куполом, побеленным известью.

Мулед (день святого) является большим деревенским праздником. Все жители собираются у гробницы и совершают традиционные обряды: ганцуют, водят хороводы, произносят заклинания...

Довольно далеко от селения находится город мертвых — кладбище. Оно расположено на бесплодной почве — на развалинах покинутых деревень, на пустынной полосе земли у подножия скалы или среди песков.

Обычно на картинах, изображающих египетские деревни, рощицы деревьев и серая масса домов отражаются в пруду. В действительности это большая зеленоватая лужа, столь же живописная, сколь вредная. Почти в каждой деревне существует такая лужа... можно сказать, в силу необходимости. Для постройки домов и плотин, выделки кирпичей, устройства стоков, укрепления насыпей материал берется на месте — это земля. Таким образом были выкопаны и расширены, а затем заполнены водой большие ямы — бирки. Они служат местом для водопоя животных, бассейном, где купаются дети, и колодцем, из которого берут воду.

Недалеко от бирок, всегда вне деревни, расположено гумно для молотбы и сушки зерна. Этот участок, покрытый смесью коровьего навоза с землей, выровнен и утрамбован. Его размеры зависят от числа семей, которые им пользуются. Гумно общее, и никто не может его себе присвоить. Оно служит также местом

Главная улица деревни.

для празднеств и собраний. В таких случаях этот участок расширяется за счет прилегающей земли.

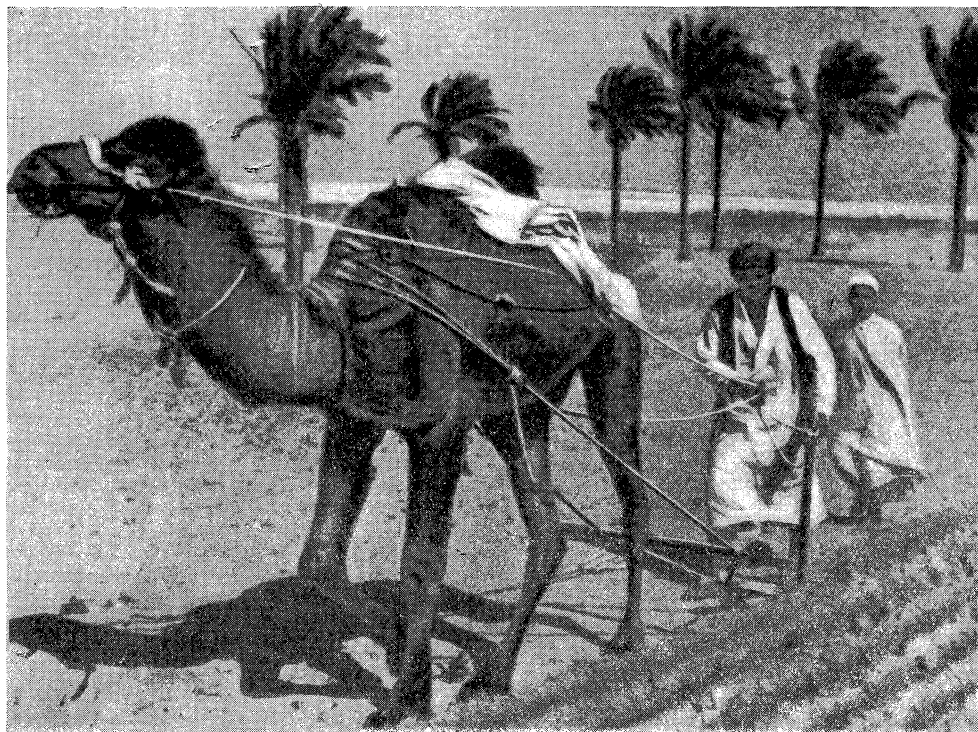
Вне деревни возвышаются четырехугольные постройки высотой до 10 метров. Мощный фундамент делает их похожими на крепостные башни, но это не что иное, как голубятни¹. В часы захода солнца их осаждают тучи птиц, возвращающихся с полей.

Войдем в деревню. Никакого пла-

¹ Голубей разводят ради помета, идущего на удобрение.

на, никаких прямых линий. Единственное, что роднит ее с современными городами, — это перенаселенность, вызванная недостатком свободной земли. Улички, загрязненные пометом и соломой, настолько узки, что три человека рядом не могли бы по ним пройти. Не может быть и речи о том, чтобы проехать по такой улице на машине или даже на осле. Однако в некоторых местах с более оживленным движением эти улицы немного шире: у дома старосты или около школы, в торговых кварталах,

Обработка поля.

где теснятся лавочки бакалейщиков, кофейни, мастерские портного, гончара, ткача. Но есть и такие деревни, где не встретишь ни одной лавки, и феллахи ничего не могут купить до прихода коробейника.

Деревня расположена в стороне от дороги, канала или Нила. В нее нельзя попасть на машине. Вот почему иностранцы, за исключением миссионеров, и местные богачи, кроме старосты и сборщика податей, не знают жизни деревни.

Староста и сборщик податей являются как бы связующим звеном между египетским крестьянином и государством, а управляющий — посредником между феллахом и помещиком.

Другое важное лицо в деревне — бакал. Он выполняет функции бакалейщика, содержателя кофейни, а также ростовщика и банкира. Бакал грабит феллахов и использует их в своих интересах довольно ловко. Так, если он дает займы под большие проценты, то делает это быстро, без промедления и не соблюдая никаких формальностей.

В деревне есть и другие не менее популярные лица.

Прежде всего это цирюльник и он же аптекарь. У него очень много дел. Раз в месяц он бреет многочисленных крестьян. Сидя на корточках перед клиентом, который тоже сидит на корточках, аптекарь держит миску с водой между ногами и старой источенной бритвой, которой пользовались еще его отец и дед, проворно выскребывает голову и лицо клиента. Если болит зуб — он вырывает его. Требуется ли поставить банки, дать слабительное — всем этим занимается цирюльник. Там, где нет врача, он его официально заменяет. Он обязан прививать оспу и сообщать старосте об умерших. За многочисленные услуги аптекарю часто платят натурой.

В дни праздников крестьяне собираются послушать музыку и всевозможные забавные рассказы. Человек, который доставляет им эти удовольствия, является и поэтом, и певцом, и декламатором, и рассказчиком в одно и то же время. Это один из крестьян, ставший певцом-профессио-

Деревенский базар.

налом. Он аккомпанирует себе на монохорде, отличающемся пронзительным звуком.

Многие из его историй построены на старых преданиях и напоминают те, которые слушали еще крестьяне древнего Египта. Все церемонии сопровождаются музыкой. Мелодия ее проста, резка, и однообразна. Артисты импровизируют вариации на какую-нибудь тему или же исполняют наизусть известную мелодию. Их инструменты — мизмар (волынка с пронзительным звуком), зуммара (простая или двойная тростниковая флейта), ургуль, саламия (щипковые инструменты). Музыка сопровождается ударами по таблу — плоскому барабану.

Народу бывает еще больше, когда в празднике участвуют фокусники, дрессировщики обезьян или укротители змей, выступает театр кукол, разыгрывается реалистическая пантомима.

Все эти представления происходят на гумне.

***

Деревня представляет собой единое целое. За ее пределами все —

даже сосед — считается чужим и опасным. Деревня ведет замкнутую жизнь, которая управляется привычками, передаваемыми из поколения в поколение.

Когда спрашивают какого-нибудь феллаха о его национальности, он отвечает: «Я из деревни Манфалут» или: «Я из деревни Абу-Коркас». Иногда: «Я из провинции Менуфия» или: «Я из провинции Асуит», но он никогда не скажет: «Я египтянин»...

Когда деревня подвергается непредвиденной опасности, каждый остро чувствует свою принадлежность к коллективу: мужчины, женщины, дети — все встают на защиту.

Если вдруг обнаруживают убитого ростовщика или полицейского, зашедшего слишком далеко в своих беззакониях, то самая опытная ищейка не сможет найти виновного, настолько непреодолима стена молчания.

В любой деревне все знают друг друга и никогда не допустят, чтобы кто-нибудь мог умереть с голоду.

Проидем по одной из улиц египетской деревни. По обе ее стороны, тесно прижавшись один к другому, стоят серые, без окон и дверей, дома феллахов.

Улицы деревня, как и сама деревня, а дому нет и двадцати лет. Причина недолговечности жилья феллаха кроется в строительном материале и самой конструкции: наводнения и дожди в Нижнем Египте, а также пожары приводят к бесконечным перестройкам.

В качестве строительного материала повсюду применяется смесь ила, соломы ячменя, бобовых растений или льна и коровьего навоза. Ею обмазывают с обеих сторон основу из кукурузных стеблей, пальмового дерева или тростника. Так делаются стены глинобитных построек бедняков.

Иногда этой смесью заполняют деревянные формы — изготавливают кирпичи. Высушенные на солнце, они идут на кладку стен. Связующим

Выпечка хлеба.

материалом служит та же смесь. Чтобы иметь достаточную прочность, такая стена должна быть 30—40 сантиметров толщиной. Состоятельный феллах ставит дом на фундамент из красного обожженного кирпича или из известняка.

Для того чтобы жилище было прочное и защищало днем от чрезмерного света и жары, а ночью от холода, а также в целях безопасности, в стенах делается как можно меньше отверстий.

Египет совершенно лишен лесов. Финиковые пальмы, смоковницы и акации, в тени которых приютились лачуги феллахов, — слишком ценные породы деревьев, чтобы служить строительным материалом. Листьями финиковой пальмы для строительства пользуются, но и то очень экономно.

Если еще можно обойтись без дерева для окон и дверей, то расходы на крышу неизбежны. В Верхнем Египте, где не бывает дождей, дома не имеют крыш, однако этот район — исключение. Как правило, дома строятся с крышей, которую делают из листьев.

На грубо обтесанные балки, расположенные на расстоянии 60 сантиметров одна от другой, накладываются стебли кукурузы, хлопка, камыша или пальмовые листья. Для прочности все это покрывают грубыми циновками, а сверху накладывают толстый слой описанного выше раствора, смешанного с золой. Получается достаточно прочная кровля, которая служит защитой от дождя, а в летнее время и местом для ночлега всей семьи. При помощи деревянной или сложенной из кирпича лестницы фел-

Жилища феллахов.

лах взбирается на крышу, где он хранит сельскохозяйственные орудия, ящики с зерном, топливо, а иногда устраивает и курятник.

Необходимость хранить на крыше дрова и солому приводит часто к возникновению пожаров, которые, из-за большой скученности, нередко охватывают всю деревню. Достаточно одной искры, вылетевшей из трубы или жаровни, чтобы в условиях исключительно жаркого лета вызвать несчастье.

В египетской деревне не существует никаких пожарных команд, никаких

противопожарных средств, ничего, кроме распоряжения, запрещающего «хранение дров на крышах домов». Однако никакие распоряжения не могут заставить феллаха изменить своей привычке, ибо ему ничего не предлагают взамен.

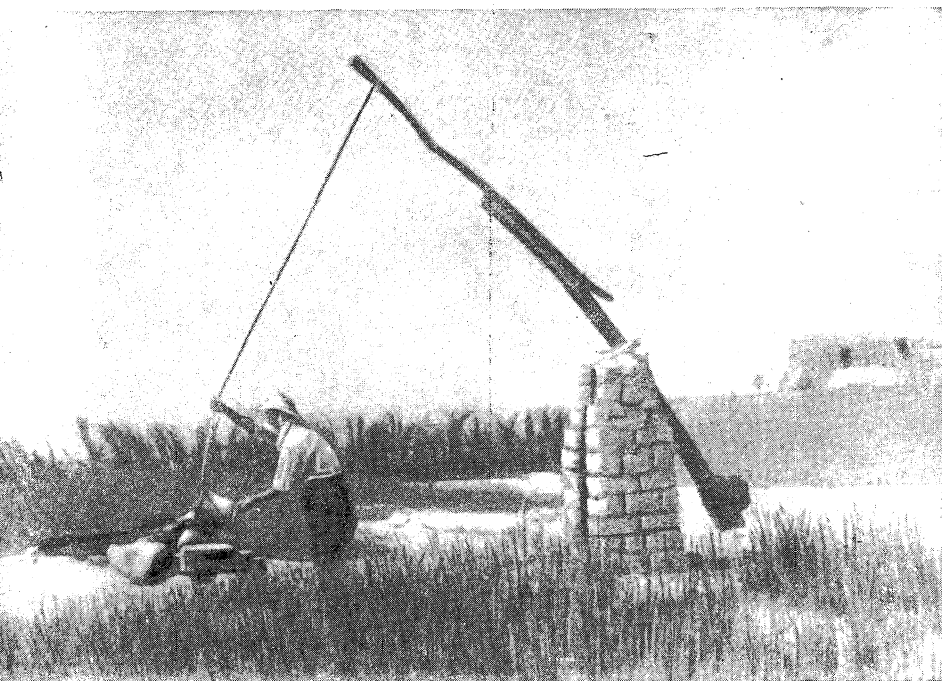
Войдем в дом. В нем нас поражают полумрак и смрад. Дом состоит из единственной комнаты. Пол — утрамбованная земля. По углам в беспорядке разбросано имущество феллаха: примус для приготовления пищи; одна или две медные кастрюли; низкий круглый стол из некрашеного дерева, циновки, хлопчатобумажное одеяло или просто большой мешок; иногда плетеная из пальмовых листьев кровать, вроде корзины для птицы. Низкая кадушка в форме таза служит для мытья и стирки белья.

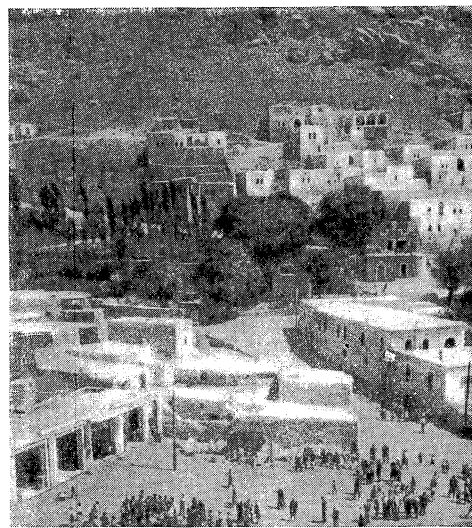
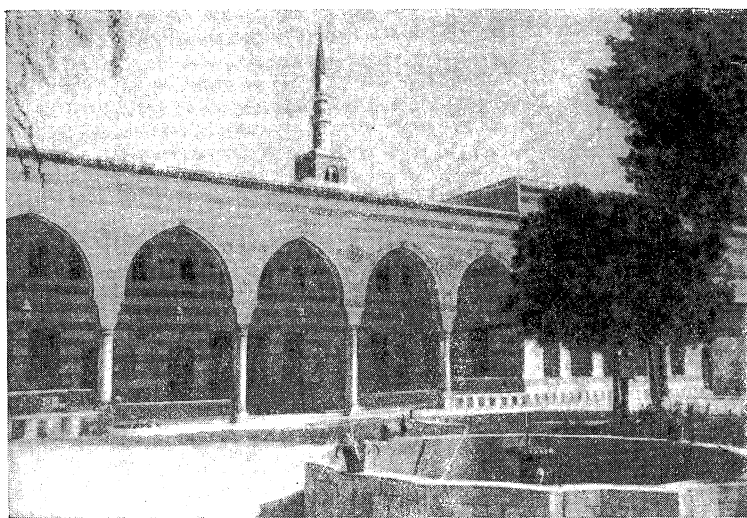
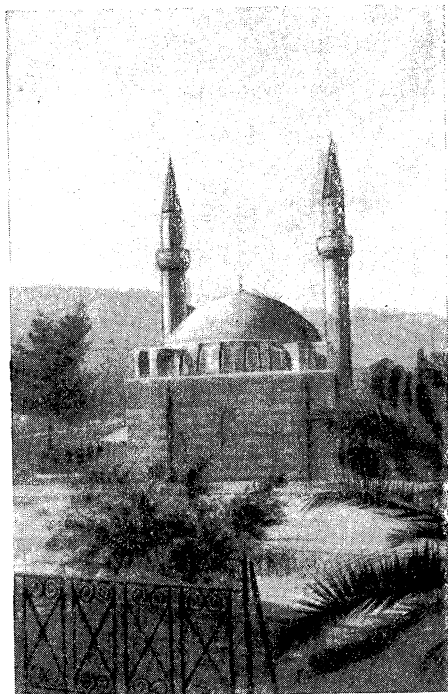
Каждый дом является пристанищем многочисленной семьи, которая обычно состоит из отца, матери, 4—5 детей, деда или бабки, пользующихся большим авторитетом среди домочадцев, какого-нибудь женатого сына и гостящего подолгу родственника.

Здесь семейная ячейка создается на основе общности родителей и близких и дальних родственников. Эта семья, возглавляемая своим старейшиной, участвует в погребениях и свадьбах, мирит врагов, мстит за честь каждого из своих членов. После третьего поколения родственная связь уже не признается.

Так изображает современную жизнь феллахов проживший среди них много лет египетский священник А. Айру в своей книге «Феллахи Египта». Выдержки из двух глав этой книги и приведены нами.

Орошение поля.

С л е в а (сверху вниз): Дамаск, мечеть Текие; центральная улица в Дамаске; дворец Азима в Дамаске. С п р а в а: Халеб, вид с цитадели; остатки римского водопровода в Хаме; горный городок Малюля.

То городам Сирии

И. ГОРЧИЛИН, С. КИСЕЛЕВ

Фото авторов

ДАМАСК

В пять часов утра мы были разбужены шумом открываемых лавок, громкими голосами уличных торговцев, криком извозчиков, гудками машин, протяжным ревом ослов и верблюдов. Мы в древнейшем городе мира, насчитывающем три с половиной тысячи лет, — Дамаске.

Быстро одевшись, мы вышли из гостиницы и сразу же очутились на оживленной торговой улице в центре района Бабтумы. Направо и налево сплошными рядами тянутся магазины, палатки, прямо на земле разложены лотки с различными товарами. Тут ножи и шелка, изделия из кожи и посуды, веревки и трикотаж, разные безделушки из гипса и дерева — все вперемежку. На улице жарят шашлык и подают его завернутым в большую пшеничную лепешку — хабез. Бойкие торговцы продают эти лепешки и отдельно, снимая их со спины ишака. Если кому и попадет на зуб шерстинка, на это никто не обращает внимания.

Поперек всей улицы протянуты тонкие проволоки, на них сверху накинута легкая материя или рогожи, создающие тень.

Палящий зной. Появились пестро одетые продавцы воды. У них за спиной причудливой формы жбаны с какими-то бубенчиками. Стуча по металлическим тарелочкам, они предлагают прохожим выпить подсахаренной воды со льдом.

Создается впечатление, что продающих значительно больше, чем покупающих.

Какой-то человек, усиленно расталкивая толпу, устремляется к нам и уговаривает купить у него автоматическую ручку. Черноглазый парнишка сует нам открытки с видами города. Выбивая дробь щетками по ящику, мальчик лет двенадцати кричит что-то по-арабски: ясно — почистить ботинки. Громадный грузовик, нагруженный доверху товарами, оглушительно сигналит упрямому ослу, стоящему поперек дороги. На его спине подвешены две большие корзины с виноградом. Он стоит как вкопанный, не слушая ни хозяина, ни гудка. И только с помощью нескольких прохожих удается оттащить упряма в сторону и освободить машине дорогу.

А вот и фруктовый базар. Горы арбузов.

— Батых ахмар! Батых ахмар!.. — пронзительно кричит крестьянин-феллах, держа в одной руке арбуз, а в другой — большой нож. На го-

лове его красный платок с бахромой по краям. Он одет в пеструю засаленную рубашу и черные широкие шаровары. На ногах — самодельные узкие башмаки из сыромятной кожи.

Груды яблок, груш, дынь, множество лотков с различными сортами орехов, фисташками, миндалем, виноградом, абрикосами, лимонами, спелыми и зелеными маслинами. Здесь торговля идет бойчее, покупатели и продавцы легко сходятся в цене.

Согнувшись под тяжестью, разносчик несет на длинном бамбуковом

По базару снуют грузовики, легковые машины, извозчики; продавцы катят перед собой тележки, нагруженные маленькими бутылочками с натуральным лимонным соком.

Параллельно Хамидие тянется сук эс Сага, где дамасские ювелиры и гранильщики драгоценных камней продают браслеты, диадемы, серьги, кольца, ожерелья. За ним — сук эль Хужа с многочисленными лавками портных и башмачников и магазинами кожаных чемоданов.

Выйдя из базара Хамидие, мы остановились перед высокими массивными дверями. Они ведут в мечеть

Фруктовый базар в Дамаске.

шесте, перекинутом через плечо, связки спелых желтых бананов. Они привезены с плантаций побережья Средиземного моря.

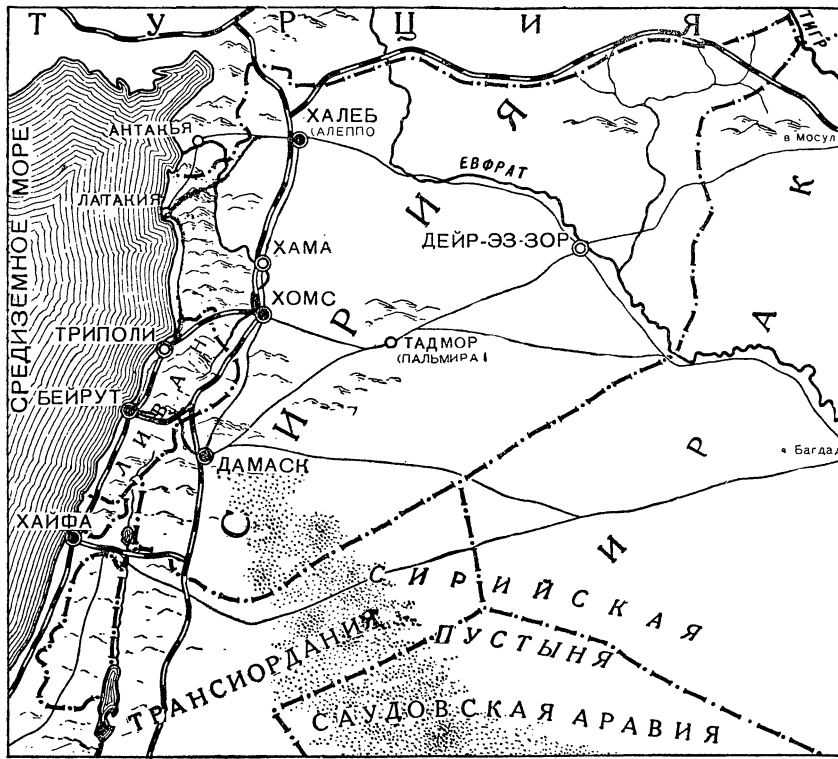
Незаметно — так все было интересно и необычно — мы подошли к самому большому суку (базару) Востока — Хамидие. Это огромное сооружение с железной крышей длиной в 600 метров.

Магазины полны товаров. Тут кинжалы с золотой и серебряной насечкой работы прославленных дамасских кустарей, знаменитые дамасские халаты и скатерти, вышитые шелком, резная мебель из орехового дерева, столики и шкатулки, инкрустированные перламутром. В большом выборе чеканная медная посуда: подносы, кофейники, подстаканники, чаши, кубки.

Омейядов, которую арабы считают самой крупной в мире. По свидетельству историков, она была раньше языческим храмом, а потом и церковью.

От языческого храма, построенного халдеями за несколько веков до нашей эры, не осталось никаких следов.

Когда в Дамаске стали господствовать мусульмане, они завладели частью храма и в течение долгого времени приходили сюда молиться вместе с христианами. Халиф Валид I из династии Омейядов в начале VIII века нашей эры купил храм у христиан и пригласил из Афин, Рима, Визан-

тии самых искусных мастеров, которые перестроили его в мечеть.

Входить в мечеть в обуви не разрешается. Сняв туфли, мы осторожно переступаем через высокий порог на прохладные мраморные плиты.

Перед нами обширный прямоугольный двор, выложенный белым камнем. В центре — небольшой крытый бассейн с фонтаном. С трех сторон двор окаймляют портики, примыкаю-

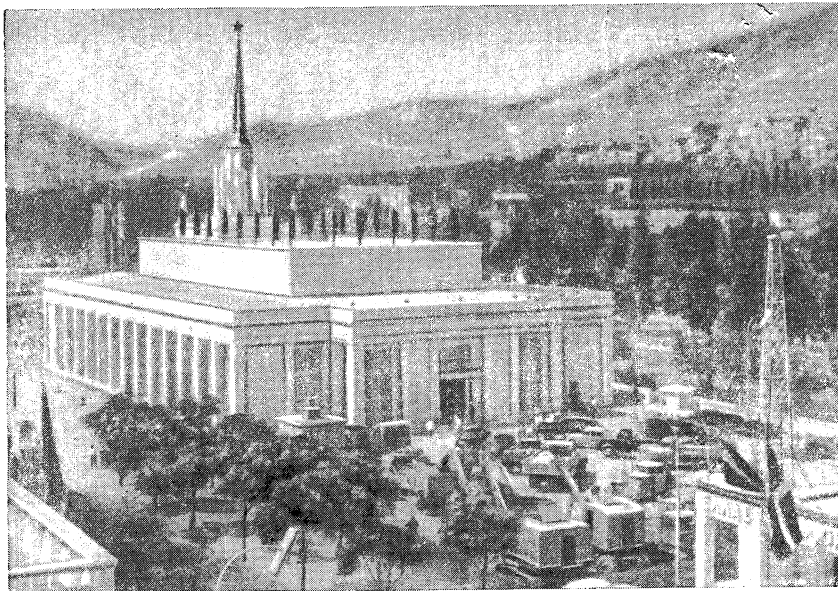
щие к зданию молельни, увенчанному большим куполом. Внешние стены молельни украшены мозаикой.

Молельный зал поражает своей монументальностью. У южной стены его, как память о бывшей церкви, стоит куполообразная часовня Иоанна Крестителя. Высоко в стенах видны овальные окна с разноцветными стеклами. Пол устлан исфаганскими и дамасскими коврами.

Осмотрев мечеть, поднимаемся по узкой винтовой лестнице на северный минарет Эль Арус.

Отсюда открывается вид на длинный с овальной крышей базар Хами-

Советский павильон на международной ярмарке в Дамаске.

дие. Правее расположена хорошо сохранившаяся цитадель Эль Калаа, построенная в XIII веке на месте древней крепости. Она тянется вдоль реки Барада, которая служит ее естественным рвом.

В цитадели двенадцать башен. Вокруг нее раскинулся старый город, который был политическим, религиозным и экономическим центром всех арабских стран.

Там находились караван-сарай, рынки, общественные бани, особняки.

Вдали, за цитаделью, виднеются глинобитные домики, поднимающиеся по склону горы, лишенной растительности. Крыша нижнего дома служит двором верхнему.

Нам рассказали, что здесь живет около 10 тысяч курдов. Большинство из них — рабочие мелких фабрик и ремесленники. Никакого транспорта, только ишаки с грузом медленно пробираются по зигзагообразным улочкам. Там нет ни водопровода, ни канализации. Воду набирают из колонок в бурдюки и возят на ишаках или носят на головах в высоких глиняных кувшинах.

Невдалеке от большой мечети Омейядов стоит дворец Азима, бывшего губернатора Дамаска. Сейчас это музей. Мы побывали в нем.

Более двенадцати лет рабочие и ремесленники строили дворец, который справедливо считается одним из самых красивых арабских памятников XVIII века.

Здание имеет две части: для приема гостей и для семьи губернатора. Двери жилых комнат выходят в отдельный двор, выложенный плитами из цветного камня. Посредине — два мраморных бассейна с фонтанами. Галерея, увитая диким виноградом, защищает от солнца комнаты, выходящие на юг.

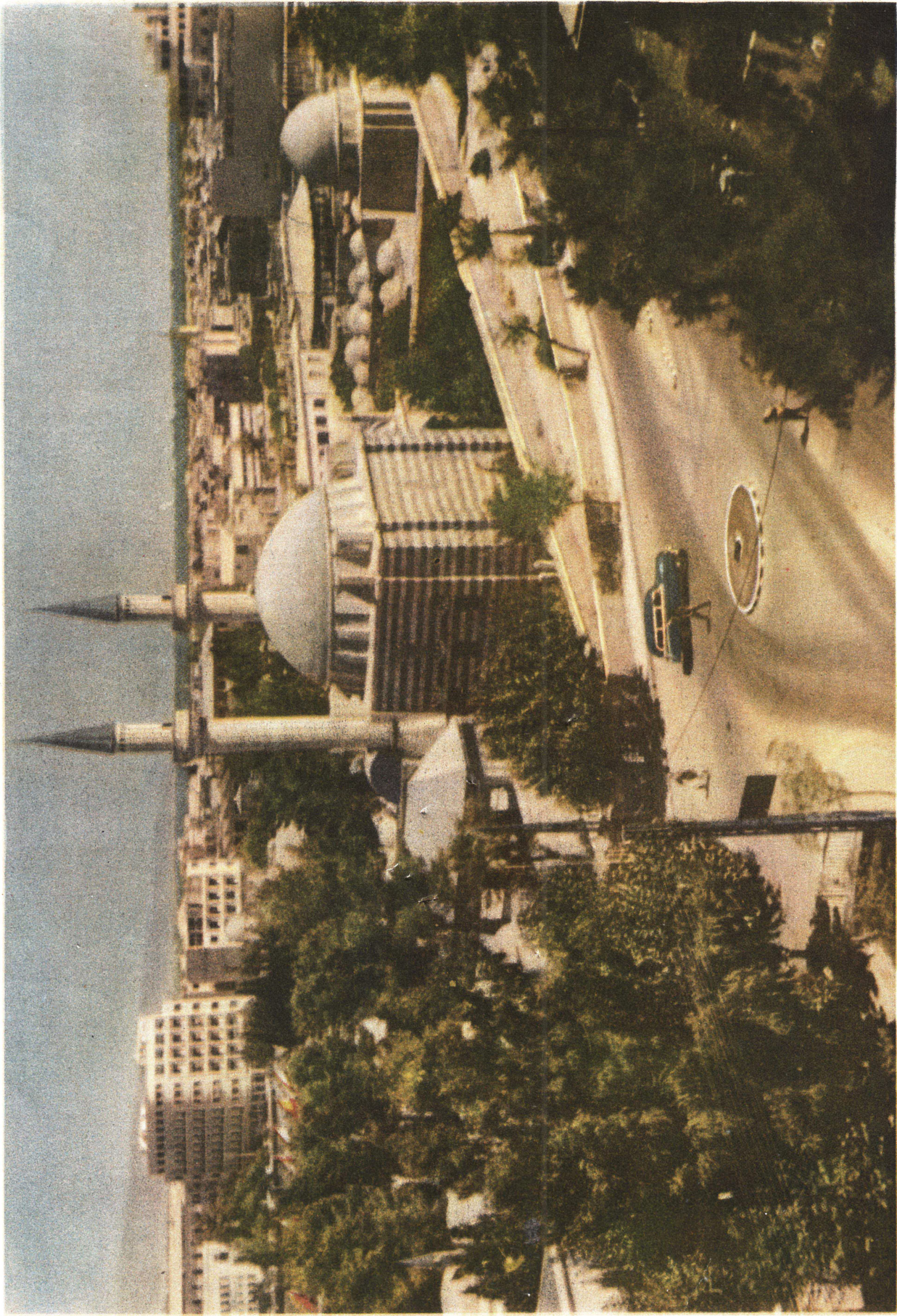
На восточной окраине мы посетили самый большой арабский квартал Мидан. Через него проходит дорога, по которой когда-то шли паломники в Мекку.

В Мидане мы увидели целую улицу, где занимаются только одним ремеслом — изготовлением канатов.

Трое или четверо мужчин из висащей у них на плечах пеньки быстро вьют тонкие веревки, скручивают их в толстый и длинный канат, который развешивают на специальных рогатках. Один из рабочих промасливает его. Затем в натянутом виде канат просушивают на солнце, и он готов для продажи.

На одной из площадей Мидана находится базар овец, поставляемых сюда бедуинами. Их стада пасутся в сирийской пустыне и прилегающих к Дамаску горах. Блеяние овец заглушает голоса торговцев и покупателей. Торговля в разгаре...

В полдень жизнь в Дамаске замедляется. Закрываются учреждения и магазины, улицы пустеют. Многие направляются в закусочные, кафе или рестораны. Любимые блюда — шашлык, салат из зеленого и красного перца, помидоры с острой приправой. Некоторые арабские рестораны

Дамаск — столица Сирии.

• Фото С. КИСЕЛОВА.

Город Хама.

Фото С. КИСЕЛЕВА.

напоминают клубы. Здесь можно поиграть в карты, на бильярде или в нарды — игру, распространенную и у нас на Кавказе.

А вечером, когда более прохладно, город снова оживает, центральные улицы становятся многолюдными.

...Сегодня открывается международная ярмарка, в которой принимают участие двадцать восемь стран. Сотни машин, приехавших из городов Сирии и Ливана, стоят у дороги, ведущей к ярмарке.

В центре ярмарки — белый павильон Советского Союза. Его видно со всех концов города. Еще задолго до открытия ярмарки это здание привлекало внимание жителей Дамаска.

Одна из сирийских газет образно писала, что «русский павильон, похожий на дворец, украсил столицу Сирии. Над павильоном висит шпиль, увенчанный красной звездой, впервые взошедшей в небе Дамаска».

ПО ПУТИ В ХАЛЕБ

Вскоре мы покидаем Дамаск. Наш путь лежит в Халеб (Алеппо). Поезд идет туда двое суток, а машина — 5—6 часов.

Наша машина мчится по асфальтированному шоссе. Позади остались фруктовые сады и виноградники, окружающие Дамаск.

Проехав еще немного, мы вдруг очутились в пустыне. Ни одного деревца, трава выжжена, растет лишь саксаул. Единственная здесь река Барада, напоив своей влагой дамаский оазис, теряется где-то в песках.

В 15 километрах от Дамаска, недалеко от шоссе, разрабатывается каменный карьер. От него к камнедробилке бредут вереницы женщин. На головах у них корзины с камнем. Лица закутаны платками, оставлены только щелки для глаз, так как введливая пыль, носящаяся в воздухе, падает в рот, забивает легкие.

На десятки километров тянется прямая, однообразная дорога с телеграфными столбами по обеим сторонам. Затем она забирается в горы, спускается к берегам высохших речушек и снова идет по ровному плато пустыни.

Мы остановились в маленьком городке Малюле, расположенном в 60 километрах от Дамаска, в горном ущелье на высоте 1300 метров над уровнем моря. В нем всего около двух тысяч жителей. Здесь дорожат каждым клочком земли, поэтому небольшие каменные домики строят ярусами по крутым склонам гор так тесно, что по крышам можно обойти весь город.

На крышах домов, окружающих небольшую центральную площадь, удобно расположились люди. Они смотрят на танцы, происходящие на площади по случаю какого-то религиозного праздника. Положив руки друг другу на плечи и образовав круг, мужчины исполняют медленный ритмический танец. Аккомпанементом служат бубен, две свирели и под-

бавливающие выкрики самих танцоров. Темп танца то замедляется, то снова убыстряется...

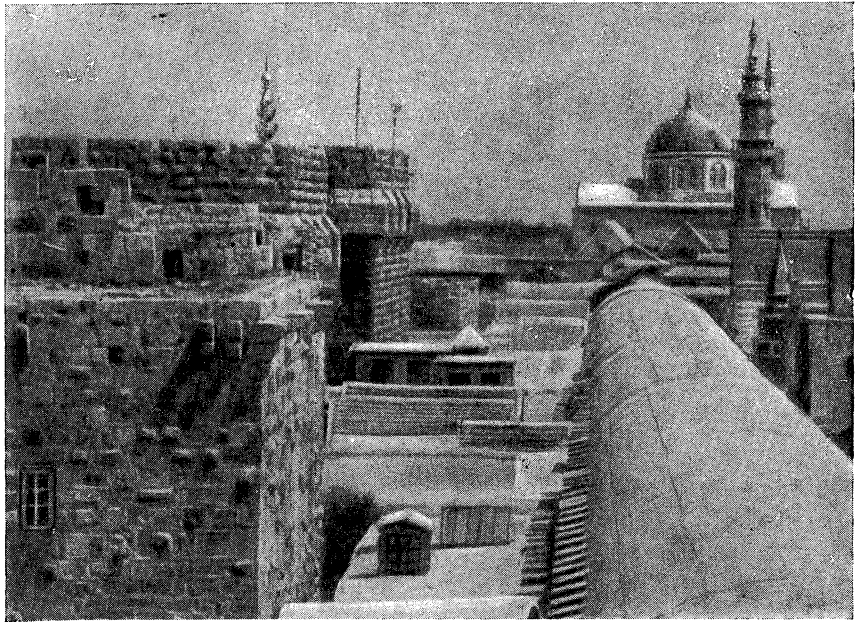
В 170 километрах от Дамаска находится административный и торговый центр Хомской области — город Хомс. Через него проходит шоссе из Дамаска в Халеб, Латакию. В городе всегда оживленно.

Недалеко от Хомса на небольшом озере, которое не значитесь ни на од-

плугом видели мы на полях крупного землевладельца. Нам говорили, что в Сирии всего 17 тракторов.

В центре небольшого провинциального городка Хамы днем и ночью

Стена цитадели Эль Калаа. Рядом крыша базара Хамидие. Вдали мечеть Омейядов.

Базар Хамидие.

ной карте, построена дамба. Три канала орошают водами Хомского озера более 22 тысяч гектаров плодородной земли.

Вокруг города тянутся бахчи и виноградники, поля хлопчатника, свеклы, ячменя, пшеницы.

На полях работают феллахи. Мотыга да соха — вот и весь их инвентарь. Лишь один трактор с двухлемешным

нас преследует однообразный ровный шум. Кажется, что проходит тяжело нагруженный обоз, скрипят немасленные колеса телег. Жители не замечают этого шума, они привыкли.

В начале нашей эры здесь был

На снимках (сверху вниз): каменный карьер близ Дамаска. Общий вид города Малюля. Центральная площадь в городе Хаме.

сооружен римлянами грандиозный по тому времени водопровод. Три двенадцатиметровых колеса с деревянными черпаками, поставленные на массивные каменные опоры, крутятся, не останавливаясь ни на минуту. Они подают воду на каменные эстакады с желобами, и далее по каналам она идет на поля.

Каменные эстакады частично разрушились, но колеса, приводимые в движение водой, все еще вращаются, прославляя своим скрипом известных строителей.

Движение в городе небольшое. Около десятка извозчиков поджигают редких туристов, рядом — покрытый попоной верблюд. Вы можете сфотографировать его, сфотографироваться сами, сидя на верблюде. Его хозяину все равно, лишь бы вы заплатили бакшиш.

ХАЛЕБ

Наконец мы в Халебе — второй столице Сирии, как называют здесь этот город.

Построенный из серого камня, Халеб издали кажется безжизненным, но стоит въехать в него, и вас захватит бьющая ключом жизнь, не замирающая даже в знойное полуденное время. В этом городе жителей больше, чем в Дамаске, — около 400 тысяч.

История Халеба начинается с глубокой древности. Его завоевывали ассирийцы, греки, римляне, египтяне, турки.

В 333 году до нашей эры его занял, разбив персидские войска, Александр Македонский. После смерти Александра один из его полководцев, Селевк, обосновался в Халебе и построил здесь знаменитую цитадель.

Цитадель расположена на высоком холме, окруженном широким и глубоким рвом. Обе стенки его облицованы гладкими камнями. Высота крепостной стены в некоторых местах достигает двенадцати метров.

Прочитав объявление, что администрация не несет ответственности за могущие быть обвалы, входим в цитадель через арочный мост.

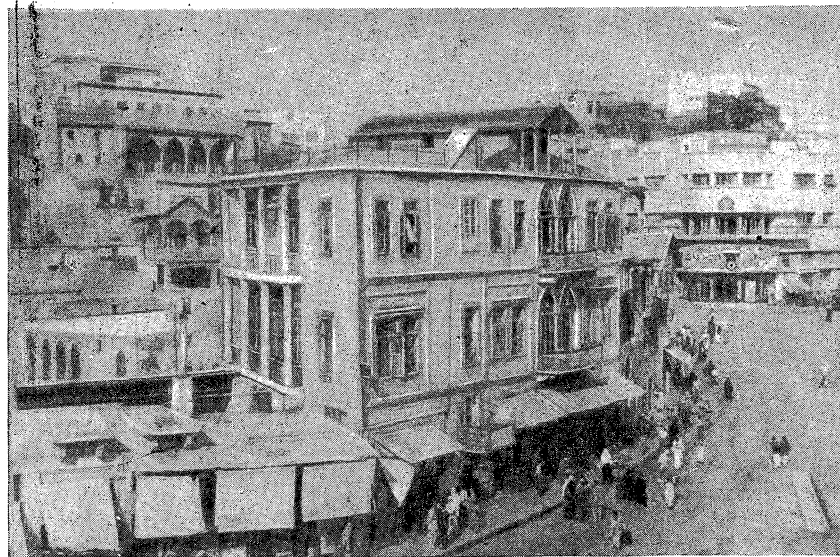
Чтобы попасть внутрь, нужно пройти через две массивные железные двери главной башни и еще через три двери, пробитые в толще стен.

На территории цитадели до сих пор сохранились остатки королевского дворца, жилых строений, подземных складов.

Сейчас в цитадели никто не живет. Лишь крупные ящерицы да дикие куропатки нашли здесь себе приют.

С главной башни открывается вид на город и его окрестности.

Прямо перед нами возвышается

На снимках (сверху вниз):
Халеб, вид на цитадель. Мечеть
Утрош в Халебе. Портовый город Ла-
такия.

минарет мечети Хосрофие с куполообразной крышей над молельным залом. Строительство мечети было завершено в 1537 году.

Правее видна знаменитая мечеть Утрош, построенная в 1403 году.

Над домами возвышаются десятки стройных минаретов, а внизу по улицам большого города деловито снуют трамваи, пронзительно гудя, бегут автомашины, движутся толпы пешеходов.

После того как Сирия добилась государственной самостоятельности, Халеб начал быстро расти. Построен большой хлопкоочистительный завод. На западной окраине возник целый текстильный городок из нескольких комбинатов, оборудованных новейшими станками-автоматами.

В бывших казармах французского военного гарнизона, располагавшегося здесь до 1946 года, находятся теперь аудитории инженерного факультета Дамасского университета — единственного в стране учебного заведения, где готовятся собственные технические кадры.

С восточной стороны, откуда начинается стокилометровая дорога к знаменитой реке Евфрат и ее долине, раскинулись фисташковые сады. Много фисташек отсюда вывозится за границу.

ЛАТАКИЯ

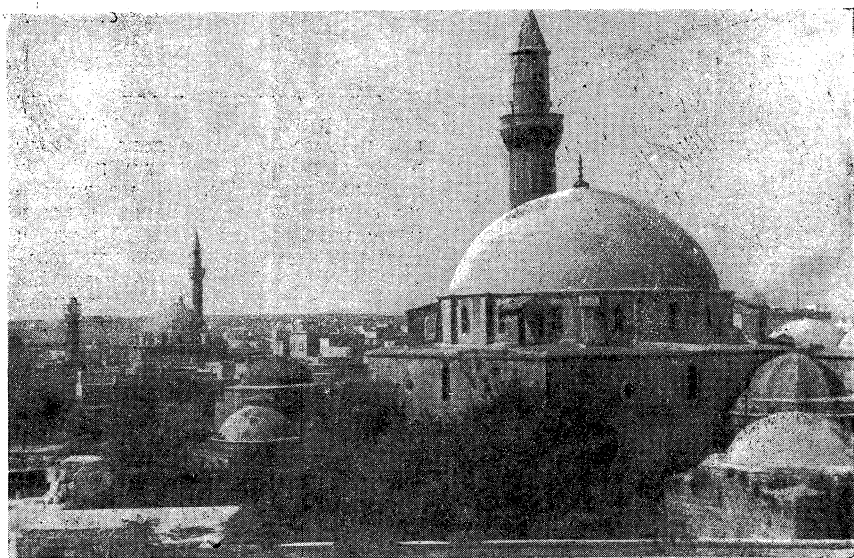
На северо-западе Сирийской республики, у турецкой границы, находится Латакийская область. Ее главный город и порт — Латакия — всего на 200 километров отстоит от Халеба. Но кажется, что мы попали совсем в другой мир.

Западный склон двухкилометрового хребта, отделяющего Латакию от Халебской долины, покрыт сосновым лесом. От подножия гор вдоль дороги нескончаемой полосой тянутся фруктовые сады и зеленые оливковые рощи.

Город построен на склоне холма, большими террасами спускающегося к морю. По оживленным улицам на грузовиках и ишаках везут мешки пшеницы, ячменя. Их складывают в большие пирамиды прямо под открытым небом.

С набережной, обсаженной пальмами, видны стоящие на рейде торговые пароходы. У причалов слишком мелко, поэтому суда всегда загужаются с барж, буксируемых катерами.

В 1956 году здесь будет закончено строительство нового порта с полуторакилометровым молотом. И тогда корабли государств, торгующих с Сирией, будут свободно входить в Латакию — новый порт молодой республики.

М. ПРИШВИН

ЛЕСНОЕ ЦАРСТВО

Рисунки М. Фаворной

Нигде не бывает такой красоты в природе, как на севере в то время, когда свет нового года, быстро нарастая, каждый день больше и больше обнимает собою льды и снега.

М. Пришвин

Самый сильный холод в лесу бывает в конце утренней зари, когда первые лучи солнца влетят в лес и деревья бросают на снег голубые тени. Только мало-помалу солнечные лучи наверху начинают нагревать еловые шишки, и от тепла они расширяют свои дольки и начинают ронять семечки. На особых маленьких парашютиках эти семечки из верхнего этажа леса, где свет и тепло, спускаются в нижние этажи, где все еще мрак и мороз:

Скоро, скоро теперь уже возмутятся весенние ручьи, и миллионы этих семян, целый будущий лес поплывет, и река понесет их в какой-то лучший край. И ни одно-то семечко, отдаваясь общему движению, не будет знать, ему ли достанется лучшая доля, или из всего великого множества их кому-то другому. Ни одно семечко не знает своей будущей доли, но всякое, в надежде на лучшее, живет и плывет.

Бурная река где-то далеко впереди, разогнавшись на прямом пути, с бешеной силой ударяется в скалистый берег, заступающий путь воде на повороте. Вымывая плодородные частицы из бесплодного камня, река несет их на другую сторону и тем создает навалок плодородной земли.

Навалок все растет и растет, постоянно принимая к себе новых и новых гостей из далекого их материнского леса. И пока новые в борьбе за жизнь отбираются, закрепляются, прежние молодые сосны, стройные, звонкие, высоко поднимаются. Тогда далеко вокруг по низинам и болотинам со Звонкой борины разносятся голоса певчих птиц.

Из неопубликованной повести.

Да, это не выдумка Куприяныча: на свете действительно существует чудесная Звонкая борина, и найти ее тоже нетрудно: нужно только, чтобы душа человека пела тоже как птица, прилетающая на это звонкое место. Если же душа не поет, то так и пройдешь мимо и не поймешь даже, где был.

Кто же был Куприяныч? Неужели же в душе его тоже таилось стремление вести за собой друзей в лучший мир?

Или, может быть, в нем давно погасло чувство жизни в своем стремлении к лучшему и он скучно повторял из года в год сам себя и мальчишка взял с собой только для потехи?

Но как бы там ни было, какая бы ни ждала судьба каждого из них впереди, выйти в неведомый путь всегда хорошо, и они шли и шли по твердому ровному насту, определяясь по сучкам северных елок: на север сучки были много короче, и, не глядя на компас, можно было сразу сказать, какая где сторона.

Из темного хвойного леса они вышли на гарь, поросшую осинником и березами. Этот лиственный лес теперь был завален снегом, и непроходимым. Пришлось найти то место, где в бывшее время остановился пожар. Теперь тут высокой стеной стоял прежний столетний еловый лес. Но и тут просека, разделяющая хвойный лес от лиственного, вела не в ту сторону, куда надо было идти, в сторону Кижозера, и все равно по ней так же невозможно было продвигаться, как и прямо по лиственному лесу. Осинки и березки от тяжести зимнего снега наклонились арками через просеку к ногам высоких непоколебимых снегопадами елей.

Кусты подлеска заделывали наглухо промежутки между арками.

Весь молодой лиственный лес сгибался и ложился перед непреклонной стеной темного бора.

— Что же нам теперь делать? — спросил Зук.

Куприяныч огляделся, подумал.

— Сумерки, — сказал он, — поздно, сейчас ничего не поделаешь, надо готовить ночлег.

И указал на поляне невывезенный стог сена.

— Ночевать будем в сене, поди туда, посиди, отдохни, а я пойду бором, погляжу, как нам будет лучше завтра итти. Подожди меня, а станет холодно — закопайся в сено и спи; я приду.

И ушел бором, обходя просеку.

Зук прислонился к стогу, присел, и в сумерках, как это бывает со всяким, стал распределяться по лесу в поисках, как зверек или птичка, где бы ему лучше устроиться на ночь: на сучок, или зарыться в муравейник, или нырнуть куда-нибудь в большое дупло, или в снегу между двумя огромными корневищами во мху зарыться...

И вдруг в той стороне, куда

ушел Куприяныч, крикнул Гугай. Зук, конечно, знал, — это крикнула ночная птица, но в голове перед сном в таежном одиночестве само собой шевельнулось:

«А если Куприяныч может оберываться, и это он обернулся филином и зовет его?»

Гугай крикнул в другой стороне. И Зук подумал:

«Что это, вправду другой филин, или Куприяныч перелетел в другую сторону и теперь оттуда дразнит и путает его?»

Гугай крикнул с третьей стороны.

Зук не очень-то испугался, но все-таки, подчиняясь тому смутному чувству, когда человек сам себе говорит: «береженого и бог бережет», не спеша стал выбирать сено из стога.

С малолетства отец научил его этому простому делу, и когда ночлег был готов, он залез в нору, а вынутым сеном стал заделывать выходное отверстие.

Перед тем как уснуть, он услышал: опять крикнул где-то Гугай. И Зук уснул с этой мыслью, что скорее всего Куприяныч может оберываться.

Так он уснул, как, бывает, медведь простодушно зароеется в стог и уснет на зиму, и спит в сене, пока мужик не ткнет его вилами в бок, и оба, и медведь и мужик, испугавшись друг друга, бегут в разные стороны.

А бывает, говорят, и барсук так зарывається. И мы тоже так спали не раз, и так хорошо вспомнить теперь об этих ночах.

* * *

Но тут-то вот как раз, когда Зук уснул в стогу, а Куприяныч, перелетая из стороны в сторону, с дерева на дерево, пугал его, и совершилась великая решающая все перемена в природе.

Еще в сумерках Зук заметил, как небо стало тяжелеть и желтеть. И когда он уснул, тут же прямо сплошной, непроницаемой стеной повалил снег и это был снег последний. Зима отдавала сразу все свои последние запасы, как сдает полководец капитулирующую армию.

Что тут делалось ночью? Высоко где-то в чебе легкие сухие шестигранные снежинки, переходя в нижние, более теплые слои воздуха, соединялись между собой, сырели, тяжелели, и сила их тяжести сама собой, без всякого подчинения скульптору или какому бы то ни было управлению, лепила все на сучках и вершинах всяких деревьев самовольные и зайные формы.

Утром снег перестал, но солнце взошло не таким, каким было зимой, солнце теперь было не золотое, а тусклое, красное и как будто даже смущенное: на такое солн-

це было даже совсем и не больно смотреть.

Но после последнего великого снегопада было даже и этих тусклых лучей довольно, чтобы оживить все фигурки создавшихся за ночь безобидных существ. Они, правда, были так безобидны, что форму свою никому не навязывали, и каждый понимал ее по-своему: кому что захочется видеть, тот так ее и называл.

И нужно было сойтись вместе только очень близким людям, чтобы одна и та же фигурка дала им один смысл. Это могло прийти двум так же редко, как двум вместе увидеть один и тот же сон. В одной и той же фигурке один мог понять хижину, другой — дворец, третьему фигурка похожа была на добрую бабушку, четвертому — на злую девушку. Но все равно, добрые, злые, красивые и ужасные уроды — все они были безобидны и форму свою никому не навязывали.

Когда Зук проснулся, вытолкнул затычку из своей норы, он даже не сразу вспомнил о Куприяныче, до того захватила его ра-

дость при встрече с целым лесом безобидных существ. Он увидел, конечно, сразу, узнал Марию Моревну и Кащея Бессмертного, и Серого волка, и Бабу-Ягу. Везде были золотые крестики, голубые кобылицы и помыкающий ими Иван-Царевич.

— Здравствуй, Зуек! — говорили все фигурки безобидных существ, узнавая необыкновенного гостя.

Вскоре и сам их царь показался — большой, пузатый, добрый — и говорит Зуйку:

— Вот видишь, Зуек, я сижу, ничего не делаю, и вся природа у моих ног. Так и тебе будет все хорошо, если только будешь верить в меня и ни о чем другом думать не станешь.

Красногрудый снегирь сел на веточку верхней мутовки, выходящей из макушки царя Берендея, и с ним рядом села его скромная подруга. Снегирь красный не клевал семечки в шишках, даже не почесывался, а просто сидел, отвечая своей красной грудью красному солнцу: затем как будто и сидел, чтобы солнце ему красило грудь.

Вдруг откуда-то прилетел другой красный снегирь, проворный, живой, и сел на веточку, выходящую из уха царя Берендея.

«Сейчас будет драка!» — подумал Зуек.

А подумать-то как раз и нельзя было: думать запретил царь Берендей.

Тоненькими, самыми тоненькими пленочками располагались капельки тающего снега вокруг веточек под фигурками и, незаметно для глаза утолщаясь, тяжелея, превращались в ручьи, бегущие по веточкам тоненьким к более толстым. Голубая кобылица, скачущая над головой царя Берендея, подточен-

ная струящейся над нею водой, еле-еле держалась. И когда Зуек подумал о снегирах, что сейчас у них будет драка, кобылица рухнула на царя Берендея, снегири улетели, и Зуек сразу хватился Куприяныча и сразу же забыл о всем царстве безобидных существ.

— Конечно, он тут где-нибудь, в стогу! — вслух сказал Зуек и, высунув голову, позвал.

Никто не откликнулся.

Зуек сразу выскочил в тревоге из своей норы, обежал, пошевеливая сено, вокруг стога.

В сене Куприяныча не было.

И он громко, во весь дух, закричал...

Этот крик мальчика в тайге был похож на шутку в таком обществе, где не шутят и где всякая шутка к себе же и возвращается и тебя же самого и стыдит: в этом обществе шутки не допускаются. Точно так же в тайге крик о помощи к себе самому возвращается в том смысле, что в тайге нигде на стороне помощи нет; отложи всякие надежды на помощь и надейся всякий только на себя самого.

Что же делать теперь? Куприяныч в поисках пути, наверно, забрался куда-нибудь далеко, нашел большой муравейник, выкопал в снегу до земли яму, перегреб муравейник, поджег, нагрел место, завернулся в полушубок и спит себе. А проснется, наверно будет искать стог и вернется обратно по следу. Значит, надо сидеть на месте и дожидаться.

Но как только он подумал, опять... в том-то и дело, что в царстве безобидных существ думать нельзя. Как только он хотел успокоить себя мыслью о том, что Куприяныч вернется, обрушился Серый волк вместе с Иваном-Царевичем, и Зуек сразу же вспомнил, что ночью снег завалил все следы и что Куприяныч может и не найти эту полянку со стогом.

Только не так-то легко до конца занести след человека и зверя в лесу. Бывают затишинки между стволами, где снежинки, слетая, ложатся одна над одной в строгом порядке, и долго обмятый ногою след так и остается следом и в то время, когда снег в лесу уже немного поднялся. И совсем когда всюду заметет-занесет, скроет всякие следы, в затишинке над старым следом для опытного глаза все еще остается понятная воронка.

Зуек все это знал хорошо и, не будучи в силах сидеть и ждать прихода Куприяныча, решил испытать, не найдет ли он такие воронки от следов в лесных затишинках, и если Куприяныч по ним тоже идет к нему, то они с ним и встретятся.

Так он собрал все свое добро в сене, надел на себя сумку, ружье, нож, топор. На поляне, ко-

нечно, даже мелкие зверушки не успели наделать своих бисерных следочков: поляна была чистой скатертью. Но дальше в самом лесу, там, где вчера Зуек простился с Куприянычем, сразу же в затишинке показалась воронка от следа Куприяныча, и эта сейчас же перекликнулась подальше с другой, там дальше назвалась третья, и Зуек, сверля вниманием снег, стал пробираться вперед и вперед.

Мало-помалу появилась надежда, и как только она появилась, Зуек вспомнил царство безобидных существ и захотел посмотреть, не покажется ли ему и с этой стороны царь Берендей.

Конечно, и тут царствовал Берендей, пузатый и круглый, он тут был везде, это была самая излюбленная фигура в царстве безобидных существ, и вслед за царем все в этом царстве круглилось и пузатилось, образуя тоже везде купола. а над куполом везде торчал верхний пальчик елки...

В этот раз Зуек успел отогнать от себя набегающую тревогу и вернулся из царства безобидных существ с радостной надеждой к следам. Очень скоро запорошенный след завернул и, все скашиваясь, подвел к той самой заваленной просеке, где молодой лиственный лес низко поклонился старому бору. Тут след выпрямился и пошел

самым краем бора вдоль заваленной просеки.

Пока Зуек разбирался в следах по редким, еле заметным воронкам, в природе совершалась великая перемена и решительно определилась новая жизнь. Смущенное солнце решило совсем покинуть свой трон и предоставить полную свободу всем живым существам, каждому жить, как только ему самому хочется. Сначала оно загордилось легкими корабликами почти прозрачных белых облаков, потом самому солнцу захотелось пожить для себя, и оно загордилось от мира темной дождевой тучей. После того закрылись и все голубые просветы на небе, начало моросить.

Наст еще не проваливался, и Зуек даже и не помышлял, что рано или поздно в тепле наст должен провалиться и глубина снежная, много больше его собственного роста, должна поглотить его, и эта глубина — не вода, а в снежной глубине плавать нельзя.

Так шел Зуек по следам возле самой просеки, и всю тревогу свою закрыл в себе вниманием к следам. Ступая над бездной по тоненькой пленочке, он, в сущности, стал одной из обреченных фигурок из царства безобидных существ. Мельчайшие капли тумана, оседая на верхних ветках, собирались, спускаясь все ниже и ниже, подтачивали все, чем держались фигурки на дереве.

Небольшая елочка с широкими ветками стояла на пути Зуйка. На пальчике верхней мутовки этой елки отдыхал только что прилетевший из теплого края маленький прозд-белобровик. Широкие ветки елочки были опущены в снег и там зажаты. Елочка со спущенными ветками стояла, как связанная Снегурочка с живой птичкой на верхнем пальчике.

Но вода, осаждающаяся на ветках деревьев, всем связанным существам несла свободу. Стекая по спущенным плечикам связанной Снегурочки, вода быстро подтачивала ледяные оковы мороза, и вдруг в лесной тиши сами собою веточки елки прыгнули вверх.

В изумлении Зуек остановился, а прозд-белобровик в безумном страхе забыл свою усталость от перелета из теплых краев и опять полетел куда-то вперед, дальше и дальше, на места своих гнездований.

Моросил настоящий дождь, а наст все держал, и Зуек ни сколько не думал о грозной бездне под своими ногами.

Вдруг с высокой сосны на просеку рухнул сам царь Берендей, ударил по склоненному дереву, и прямо перед самым Зуйком прыгнула вверх молодая стройная белая березка. Вслед за этой первой березкой подальше сама уже прыгнула осинка, и за ней началось в молодом лесу и по всей

просеке, как у людей, восстание всего молодого леса, и, тоже как у людей, старый лес бросал вниз на молодежь свои непомерные тяжести, и, тоже как у людей, старики не только не усмиряли, а помогали ходу восстания.

Всюду прыгали молодые деревья, всюду сбрасывали с себя белые шапочки, рассыпали свои белые саваны, раскачиваясь, шептались, охлестывали друг друга, как люди, радуясь теплу, охлестывают друг друга венниками в жаркий час.

Зуек видел, как мало-помалу просека, заградившая путь ему, вдруг вся встала, и далеко открылся вверх просвет, а сверху все падали, падали, рушились его волшебные кобылицы, и львы, и слоны.

Глухой шум падающих снежных фигур, самовольное движение веток, скрип и треск со всех сторон встревожили Зуйка до того, что в нем тоже самовольно стало нарастать стремление к побегу: бежать, не помня себя, бежать из этого безумия лесного туда, где столько хороших людей в большом разумном труде создают счастье великой суровой борьбой, делают что-то чудесное, чего не бывает в природе.

В этот момент Зуек понял: не туда он пошел и что Куприяныч был из того мира, где нет ничего человеческого.

И в то же время он понял: нельзя и просто бежать, бежать просто назад, и почему-то надо непременно ему дойти до конца, и там уже видно будет. А главное не в том, что он сейчас загадывает, а в том, что велит ему собственный его начальник, взявший власть над ним с того самого мгновения, как он вышел из дому.

— Вперед! — сказал теперь этот начальник.

Но только Зуек сделал один шаг вперед, как под ним что-то хрунуло и наст провалился.

К счастью для Зуйка, не очень давно была гололедица, и снег тогда еще покрылся тонкой корочкой льда. На корочку эту потом налетел снег, и весной на снегу сделался наст. Зуек теперь провалился до того первого наста-пола, сделанного гололедицей, и погрузился пока не глубже колена.

— Вперед, вперед! — требовал от него начальник.

Теперь итти вперед стало очень трудно и очень опасно: второй, тонкий наст на каждом шагу легко мог провалиться, и снег его проглотит так, что невозможно будет после того никакая борьба.

С трудом сделал Зуек несколько шагов, как вдруг впереди него рухнул один из пузатых царей и попал как раз в то место, где с вечера зарылись тетерева. Большие черные птицы с красными бровями и белыми подхвостниками вырвались из-под снега и полетели вперед друг за другом в лес, но

сам лес качался, и они в ужасе смешались в своем полете и бросились в разные стороны, ничего не понимая.

Откуда-то выбило глухаря, большую, черную, с небольшой бородой, краснобровую птицу, и он сел

без памяти на первую молодую нежную осинку, нелепо обременил ее и только что не сломал. Но не успел он опомниться, как снежный ком хватил его, сбил почти донизу, и глухарь, как и тетерева, обрушивая на лету во множестве фигурки безобидных существ, почмчался неизвестно куда.

Куда мчится безумный глухарь?

И пусть у маленького человека под ногой сейчас бездна, куда на каждом шагу может он провалиться, но человек этот все-таки слышит голос своего начальника, все-таки держит себя, и в себе у него собираются свои милые люди, и с каждым шагом делается ему они там все дороже и лучше. И так ведь не только маленький челсвечек над пропастью, но и самый серьезный воин умирает на войне, собирая в душе своей милых людей.

Как все-таки хорошо быть человеком!

И Зуек сейчас собирал милых людей, кого он узнал в этот год и так мало их тогда оценил. Только теперь над бездной он понял, что от них он, а не от бродяги, получил это устремление в прекрасную страну, что каждый там на строительстве трудился с мыслью создать совершенное.

Не этими словами, конечно, складывалась душевная мысль у маленького Зуйка, но мысль над бездной была у него все о том, как хорошо все-таки быть человеком!

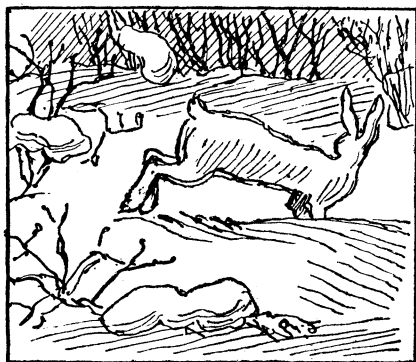
И эта лучшая песенка жизни о том, что хорошо быть человеком, уже началась в душе у Зуйка. А между тем падающие комья, снежные, мокрые, тяжелые, стали попадать в логовища и в стойбища зверей. Недалеко от Зуйка первая вышла на просеку и остановилась, обдумывая свой путь, прислушиваясь, осторожная лиса, вся рыжая, с белой грудкой. Сообразив что-то по-своему, она выбрала себе

путь вдоль просеки и пошла осторожно, проваливаясь по самое брюхо, а свою великолепную трубу, берега от мокроты, поставила вверх. В полном безумии, в панике неслись, не проваливаясь, белки, зайцы и валом валили прямо на Зуйка, как вдруг темный бор сбросил на них снег, и они все завернули на просеку, и тут белки мчались попрежнему, а зайцы отчего-то стали проваливаться, пахать брюхом снег и оставлять на нем широкие полосы.

Трудно было Зуйку!

Пролез на просеку, проваливаясь сквозь верхний наст, матерый волк-одиноц. И тут же, не обращая на волка никакого внимания, ломая с шумом и верхний наст и нижний, пронесся целый табунок огромных лосей.

После лосей Зуек сделал шаг вперед и вдруг ногою почувствовал край бездны: что-то хруснуло там, и стало несомненным: если только он шевельнется, то непременно провалится. Теперь надо было кломать себе много веток, укрепиться и ждать. Так он и хотел сделать, и потянулся, и вот-вот бы

достал, как вдруг с той стороны над самым снегом показалась бурая голова с маленькими глазками. Голова двигалась довольно быстро вперед прямо на Зуйка, а вслед за головой снег разваливался на две стороны до самой земли.

Совсем стало плохо Зуйку, но мысль о милых своих, дорогих людях не оставляла его. И, опять еще раз кругом посмотрев на все, мы скажем: как все-таки хорошо быть человеком!

Скоро поняв, что это большой медведь идет на него, Зуек быстро снял ружье и только хотел прицелиться, как вдруг под ногой у него сильно хруснуло, и охотник исчез в снегу с головой.

Каждое дерево в лесу во время дождя бывает похоже на реку: ствол — это сама река, несущая воду в землю, с веток впадают в реку малые речки, а веточки — это ручейки, и иголочки, листики — это как на земле отмочки и всякие родники.

А особенно бывает похоже дерево на реку ранней весной, когда, кроме дождя, еще бежит вода из-под загрузающих ветки снежных масс. Тогда по стволу в землю бежит настоящий поток, снег снизу вокруг дерева становится быстро зернистым, садится, и так образуется чаша: этими приствольными чашами и начинается в лесу весна воды.

Так было и с тем деревом, где провалился Зуек. При необычайно дружной весне этого года поток воды по стволу сразу же широко озернил снег вокруг ствола, сделал его очень слабым и сразу же сильно понизил. Зуек без труда пробился к стволу дерева, прислонился к нему, приготовил ружье и стал дожидаться медведя.

Но медведь, увидав, что человек внезапно нырнул под снег, сам ужасно перепугался, понимая по-своему: человек, наверно, под снегом бежит на него, и явится перед ним с неизвестной стороны, и хватит сразу.

Вот только тогда и можно понять, какая у медведя сила, если видеть его, когда вода или охотники выгонят его из берлоги, и он по уши в снегу бежит в нем, как конь по призовой дорожке, и снег над ним поднимается вверх, летит и спускается пылью: бурый, широкозадый, ворочает он своими ногами-бревнами, а над ним и после него идет снег.

Медведь от Зуйка круто повернул и пронесся просекой, раздвигая снег от низу и до верху двумя косыми стенами. Этот первый медведь был большой старой медведицей, за ней тем же следом понесся жилец той же самой берлоги — пестун, и еще за пестуном бежал небольшой медвежонок с белым пятнышком. Последний медведь после старших мог бежать легко, как по дороге, вперевалочку: трук-трук! — и побряхтывал.

Так и был проложен в весеннем непроходимом лесу отличный путь, и все звери, пересекая эту широ-

кую канаву, повертывали по ней, и все больше и больше уплотняли ее, и все больше и больше всяких зверей собиралось на медвежьей дороге.

Как только Зуек понял — медведь не придет, насквозь промокший от непрерывного дождя, он вскарабкался на дерево и увидел медвежью дорогу вдоль просеки. В лесное окошко с коротким по-

лем зрения ему уже не были видны медведи, но лоси прошли на его глазах, и волк еще ковылял, зайцев было множество и лисиц.

Нетрудно было догадаться, как можно скоро добраться до медвежьей дороги, и что только на этой дороге и можно теперь спастись маленькому царю природы: итти вслед за зверями, и звери укажут ему, как можно спастись.

Быстро он срубил с елки два больших сука и по одному, не проваливаясь, продвигался вперед, а другой сук за собой подтаскивал, и, ступив потом на этот, подтаскивал пройденный. Так, переступая с сука на сук, он добрался до медвежьей дороги и легко пошел по ней, как ходят везде по дорогам. И так оно было теперь, если бы посмотреть с высоты: впереди шли медведи, раздвигая зернистый снег, позади их во множестве шли разные звери Северного края — от огромного лося и до маленького горностая, а в конце плелся небольшой человек.

Сейчас Зук, промокший, озябший, усталый, не думал больше о соблазнителе, сулившем ему царство в природе, где ему не надо будет трудиться, и даже не слышал больше и голоса своего начальника, взявшего власть над его путешествием в край Звонкой борины.

Но мы погодим думать, что творческий дух человека, живущий в каждом из нас, совершенно покинул Зуйку. Нужно только вспомнить себя в прошлом, когда какой-нибудь наш жизненный план разлетался вдребезги. Помните? Мы хватались за что-то, и после это новое, непредвиденное оказывалось гораздо лучше нашего плана. Помните, как после победы мы вспоминали наш план, с благодарностью понимая, что только этот наш план, как леса при постройке, позволил нам приблизиться к лучшему и успеть за него ухватиться.

План Зуйки был совершенно разбит: не было в лесу царства, где можно было бы жить без труда. Но человеческая готовность Зуйки схватиться за переходное лучшее и случай какой-нибудь: Жар-птицу или Серого волка сделать своим конем спасения, в нем оставалась, и пусть он шел в унижение, он все-таки шел, как царь природы, и непременно, сам не зная того, не доверяя лучшему, таил в себе царство, как таит его всякий человек, начиная свой путь от рождения, от выхода из темной утробы на свет широкий и вольный...

А что теперь делалось в лесу со старыми следами? Эти следы, как плотно смятый снег, обращались в лед и таяли много слабее, чем снег, рядом лежащий, рыхлый. Следы теперь поднимались, и по мере того как снег опускался, они поднимались все выше и выше.

Особенно выдвигались вверх следы человека.

Бывает, они сохраняются на солнечной опушке, где уже земля показалась, и уже бабочки желтые летают, и пахнет корой своей осина; на черном стоят высокие ледяные трубы в обрез ноги человеческой: тumba за тumbой, как шел человек, так и остался его страшный след вдоль всей солнечной опушки. Страшновато бывает смотреть на эти тumbы, наверно, из-за того, что ведь это только ледяные тumbы остались от человека, а сам-то он, может быть, и не жив?

Остались ли хоть эти тumbы теперь от Куприяныча, или он и вправду обернулся в Гугая, как снилось Зуйку?

Была в тайге зимой плотная тропа, и по ней ходили все звери и всю зиму ее уминали. Не попал ли на нее в свое время Куприяныч, не по ней ли удалось ему уйти, куда-нибудь выбраться, когда внезапный дождь оторвал, отрезал ему путь возвращения к Зуйку? Теперь эта зимняя зверовая тропа, как ледяная плотная дорога, возвышалась над оседающим снегом, и на нее-то в конце концов вылезла усталая, измученная медведица. Совершенно не думая о том, что вслед за ней идут ее родные медведи и целый огромный обоз всяких зверей, медведица, когда вылезла на дорогу, села на нее, завалилась, выставила одну заднюю ногу флагом, а сама стала спокойно у себя тр ли что-то зализывать, то ли что-то ловить. Завидев издали протянутую вверх заднюю ногу медведицы, все звери, пережидая, приостанавливались: все понимали — бросаться в сторону некуда и надо ждать, пока лесная хозяйка не отдохнет.

Когда Зук подошел к этому месту, видеть он ничего не мог: медведица и за ней все звери шли по твердой зимней оледенелой и хорошо всем зверям известной тропе. Конечно, как только Зук вылез на зверовую тропу, ему уже стало много легче сравнительно с тем, что он пережил.

Может быть, звери понимали направление тропы? Зук шел последним и не знал, куда она ведет. Что же, он шел вперед совсем как слепой или, как неодоушевленный мир, катился под гору? Нет, он был человек в тот момент, когда по необходимости каждый из нас на своем пути должен бросить свой план. Но он не слепой! Весь свет его теперь сосредоточился внутри, и как только явится случай, он бросит этот собранный в себе мир на случайность и обратит случай слепой в ясный путь человеческий.

Он не знает, что получил этот свет у людей, создающих простой физический свет на темном севере. С этим светом соединенного человека он, может быть, ждет только случая, когда выйдет впе-

ред, а звери лягут у его ног. Или, может быть, он погибнет? — и это ничего: непременно придет за ним другой, имеющий власть, и природа ляжет у ног человека.

БЕЛЫЕ ОЗЕРА

Л. ПАВЛОВ

На обширной и ровной низменности Альфельда мало рек и почти нет лесов. Местами, в едва заметных для глаза понижениях рельефа, блеснет светлая полоска воды. Это небольшие соленые озера — так называемые «степные блюдца». Их особенно много в междуречье Тиссы и Дуная. Они лежат тут в понижениях между песчаными грядами и вытянуты в направлении с северо-запада на юго-восток.

Когда едешь по шоссе из Будапешта в Сегед, по обеим сторонам дороги остается множество таких озер. Ранней весной они заполнены водой, и порывистый ветер, обычный в это время года, рябит их сероватую поверхность. Летом, когда небо безоблачно и нещадно печет солнце, вода в озерах быстро испаряется. На их месте остается потрескавшаяся от жары почва с выцветами солей. Белые кристаллики ослепительно блестят на солнце. Отсюда и пошло название «Белое озеро», под которым в Альфельде известно около десятка таких впадин. Остальные носят другие названия. Много здесь и мелких безыменных озер.

Ветер поднимает с поверхности высохших водоемов мелкие кри-

сталлы соли, образуя пелену «тумана», порой настолько густую, что в нескольких метрах ничего не видно. Иногда соляная пыль оседает далеко от места ее возникно-

вения. Чаще всего господствующие здесь северо-западные и северные ветры уносят ее к югу или к юго-востоку от озер.

Такие «соляные туманы» наносят большой ущерб сельскому хозяйству Альфельда. Там, где на полях оседает соль, увядают растения, а почва надолго утрачивает плодородие.

Растительность озер очень скудна. Развитию растений препятствует тут не только присутствие солей в почве, но и непостоянное ее увлажнение. В одних бассейнах на влажных местах находятся участки пастбищ, в других на месте испарившейся воды видна лишь реденькая, худосочная травка. Чаще же всего от озера остается голая потрескавшаяся поверхность с мягкой, как сметана, почвой посреди-не. Края трещин приподнимаются, словно земля дышит.

Освоение Белых озер является частью общей задачи преобразования засоленных земель Альфельда. Эти бесплодные земли занима-

Вверху — Белое озеро близ Сегеда ночью. Внизу — вода из Тиссы по каналу Альдье течет в Белое озеро.

На берегу Белого озера.

ют здесь несколько сот тысяч гектаров.

Засоленные пересохшие водоемы промывают пресной водой. После этого одни из них используют под посевы, другие превращают в проточные пруды.

Для промывания и наполнения водой озер, лежащих вблизи деревень Фелдье, Дерекэдьхазы и Сегедских хуторов, будут использованы артезианские колодцы. Часть озер получит воду из каналов, проведенных от Тиссы и ее притоков — Кёрёша и Самоша.

Для освоения озер южного Альфёльда, где их особенно много, большое значение будут иметь проектируемые гидростанция и система водоотводных каналов у города Сегеда.

Пресные озера используются для водопоя. В некоторых из них разводят рыбу. На орошаемых полях, возникших там, где были пересохшие водоемы, прекрасный урожай дает рис.

Более глубокие, не высыхающие летом озера Дьепарош в Кишкундорожме, Керек в Орошхазе и самое соленое озеро Какашек в Ходмёзёвашархее используются в лечебных целях. Здесь построены и строятся здравницы для жителей Альфёльда.

Самое крупное из Белых озер находится в пределах городской черты Сегеда, в восьми километрах к северу от центра. Оно хорошо видно с шоссе, идущего из Кишкунфелдьхазы в Сегед.

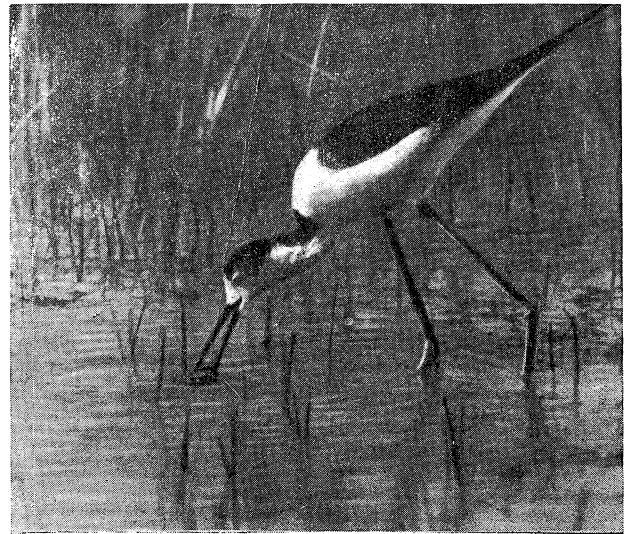
Озеро занимает большую площадь (1,5 тысячи гектаров), но глубина его совсем незначительна — она не превышает полуметра.

В сильно засушливые годы оно обычно пересыхало. С проведением из Тиссы водоотводного канала Альфёльда оно теперь постоянно наполняется водой. Канал делит озеро на две части: южная заполнена

пресной водой, северная — соленой.

В северной части есть небольшой островок, служащий местом гнездования птиц. Здесь расположен государственный заповедник.

Белое озеро у Сегеда лежит на пути перелета птиц из южных широт в северные страны. Здесь можно встретить до 60 различных видов птиц, в том числе и очень редких. При перелетах на остро-

В птичьем заповеднике. Ходулочник — род кулика, отличающегося очень длинными ногами — «ходульями».

Птенец морского зуйка.

ке делают остановку и морские птицы.

В капиталистической Венгрии территория озера была местом охоты богачей. Ежегодно тут истреблялось много редких и ценных птиц.

Теперь охота на озере запрещена. Сотрудники заповедника ведут работу по изучению этого интересного птичьего поселения.

Меньше всего птиц на озере зимой. В это время тут можно увидеть зимующих в Венгрии европейского гоголя и полярную гагарку, которые улетают затем в северные страны.

С наступлением весны, обычно в конце февраля, водная гладь оживает. Первыми прилетают дикие гуси и чибисы.

С начала апреля на островке появляются очень редкие для этих мест шилоклювки — птицы с узким и длинным клювом, дугообразно искривленным кверху.

Останавливаются на короткий отдых морские чайки, песочники, кряквы и многие другие птицы.

Осенью караваны птиц тянутся на юг, лишь ненадолго останавливаясь на озере. Улетают и постоянные обитатели этих мест со своими окрепшими за лето выводками.

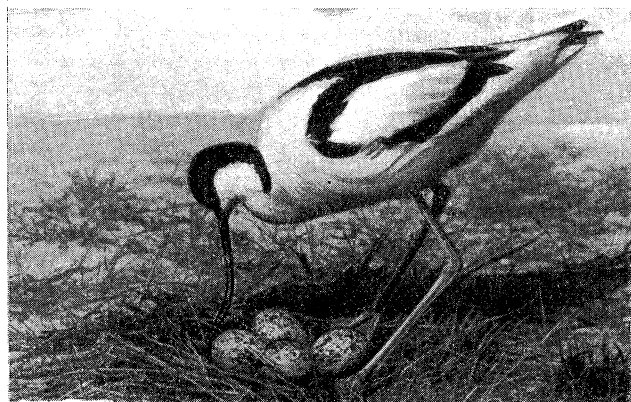
В пресноводной части Белого озера расположено одно из крупнейших в стране государственных рыбноводческих хозяйств. Кроме рыбы, здесь разводят водоплавающую птицу.

Преобразуются и другие «стелные блюдца» Альфёльда. Особенно быстро растет число пресноводных озер в пустыне Хортобадь, где ведутся сейчас крупные оросительные работы.

Крчка у гнезда.

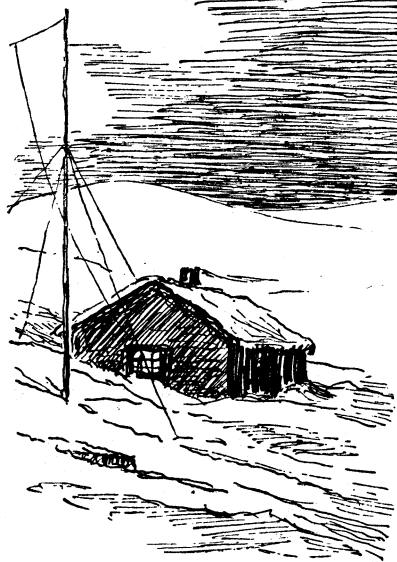
Шилоклювка.

Белозерская наблюдательная станция.

Арктика-Антарктика

Э. КРЕНКЕЛЬ

Рисунки В. Житенева

В августе 1929 года ледокольный пароход «Георгий Седов» входил в бухту Тихую на Землю Франца-Иосифа. Шуршали раздвигаемые кораблем льдины. Все свободные от вахты люди и семь человек первой смены новой полярной станции сгрудились у бортов. Не было обычных шуток и смеха. Говорили вполголоса. То ли туман съедал звуки, то ли как-то безотчетно каждый понимал, что мы движемся по историческим местам, по местам, куда человечество стремилось сотни лет.

Название свое эта бухта получила от славного сына русского народа Георгия Седова в благодарность за тихую и спокойную стоянку его корабля «Св. Фока»...

Пароход стал на якорь как можно ближе к берегу, чтобы ускорить выгрузку.

Круглые сутки было светло, круглые сутки кипела работа.

На берегу с каждым часом увеличивались горы бревен, ящиков и досок, — начало выгрузки было и началом строительства. Как на дрожжах, выросал самый северный в мире дом.

А 31 августа кончилось вековое молчание Земли Франца-Иосифа. Деловито запыхтел двигатель, и первые радиogramмы полетели на Новую Землю.

Неминуемо наступил и час разлуки. Последние рукопожатия и пожелания. Оставив нас, корабль ушел. Новая полярная станция вступила в строй.

Через некоторое время жизнь вошла в колею, стала размеренной и привычной. Каждый имел свои

твердые обязанности, сложился распорядок дня и как-то не думалось о том, что мы живем на одном из 150 островов этого обширного архипелага, разве только по ошибке именуемого землей. 87 процентов территории островов покрыто вечным льдом, погребено под ледниками, и лишь 13 процентов приходится на горы и прибрежные полосы.

В октябре зашло солнце. Далеко на юге его краешек еще прочерчивал горизонт, затем — несколько дней меркнувшей зари, и все. Наступила полярная ночь.

Работа, книги, миллион домашних дел, частые визиты белых медведей не давали нам предаваться меланхолии и скуке. Да они и несвойственны советским полярникам.

Встретили новый, 1930 год...

День 12 января ничем не отличался от предыдущих. Та же темь, все то же, что вчера, позавчера и месяц назад.

Радиот полярной станции Маточкин Шар дал «рдок», что на обычном человеческом языке означало: «Ваша радиogramма принята», и дневной сеанс радиосвязи был окончен.

Очередная метеосводка с Земли Франца-Иосифа двинулась на юг, чтобы через некоторое время непонятными для непосвященного значками появиться на синоптических картах всего мира.

Можно было, конечно, встать, включить приемник, задуть керосиновую лампу, просунуть голову в соседнюю дверь, сказать механику: «Шабаш», — и, не торопясь, по темному коридору пройти на кухню, к повару Володе. Сидя на ящике с макаронами, можно было бы завести непринужденную беседу о том, о сем, причудливо переплетая новости международной жизни с нашими сугубо местными темами.

Однако в этот день, 12 января 1930 года, обычный порядок был нарушен. По долголетней радиолюби-

тельской привычке, окончив служебную связь, я решил пошарить в эфире. Сорокаметровый любительский диапазон был пустоват и не предвещал ничего особенного. На разные лады свистели, булькали, а то и просто хрипели своими передатчиками радиолюбители Европы. Обычно они, как мухи на мед, падали на наш вызов, так как это был единственный не любительский позывной в любительском ералаше. Условный сигнал механику, и после нескольких чиханий двигатель стал набирать обороты. Соответственно накалялась и контрольная лампочка на щитке. Привычным движением включены рубильники, мимолетный взгляд на прибор в антенне — стрелка доползла до нужного деления, значит все в порядке, можно работать.

Всем, всем, всем! Я RPX! RPX! Работала самая северная в мире станция.

Наши радиоволны уходили на юг. Куда они упадут, кто нас услышит, кто нам ответит... В этом и заключался весь интерес, так понятный радиолюбителям. Три минуты однообразного стука на ключе и монотонного шума двигателя.

Я остановил двигатель, и в нашем доме наступила полная тишина. К сожалению, такая же тишина была и в эфире: любители исчезли.

Но «прокрутить» диапазон надо.

С некоторым опозданием нас начинает кто-то звать. Меня это сначала не взволновало: связь с любителями была обычным делом. Но в этом случае характер работы ключом не походил на любительский. Ровно, профессиональной рукой передавался наш позывной. Приемник предельно точно настроен на максимальную слышимость. Слышно не ахти как громко, но все же прилично. А вот и позывной моего корреспондента — «WFA». Несколько раз станция дала свой позывной и, пригласив меня ответить, замолчала.

Начинаю звать неизвестного пока собеседника, а сам соображаю: кто бы это мог быть?

Первое: явно не любитель. В любительских позывных всегда имеется какая-либо цифра. Второе: это береговая станция, так как позывные всех судовых станций имеют четыре буквы. И наконец буква «W» говорит о том, что это американец. А раз так, мы сейчас узнаем, кто нас услышал: международный список всех наземных радиостанций лежит тут же на столе. Правой рукой работаю ключом, а левой листаю справочник, ищу нужный мне позывной.

Увы! Его нет в списке.

Что же делать?

Беда не велика. Старательно выступаю по-английски: «Здесь советская полярная станция в бухте Тихой на Земле Франца-Иосифа», и задаю

вопрос: «Кто вы такой и где вы находитесь?»

Станция незамедлительно ответила:

«Дорогой мистер! Очевидно, мы можем поздравить друг друга с установлением мирового рекорда по дальности радиосвязи. С вами работает радиостанция американской антарктической экспедиции адмирала Берда. Поздравляю вас!»

У меня даже мурашки по спине побежали от такой удачи.

Начался оживленный обмен сведениями. В лагере экспедиции, именуемой «Маленькая Америка», или «Город холостяков», — сорок два человека. Январь в Антарктике — разгар лета, и погода соответственно летняя — два градуса тепла, густой туман и круглосуточное солнце.

Со своей стороны я сообщаю нашу

обстановку: ночь, тридцать градусов мороза.

Мы сообщили друг другу все, что могло нас интересовать, обменялись взаимными приветствиями и договорились о встрече в эфире на следующий день.

Так была установлена двусторонняя связь между самой северной и самой южной радиостанциями земного шара.

* * *

Через несколько лет, просматривая американские журналы, я увидел рекламу, в которой сообщалось: «Адмирал Берд установил связь с Землей Франца-Иосифа только потому, что пользовался изоляторами нашей фирмы! Покупайте изоляторы только у нас!»

Вот этого я не знал!..

„КАМЕННАЯ ГОЛОВА“

Везде, где горные породы не защищены почвой и растительностью, а выступают в виде скал и огромных камней, они неизбежно разрушаются.

Самые различные силы природы участвуют в этом процессе.

«...Изо дня в день, из года в год, из века в век работают эти незаметные силы над разрушением горных пород, над их выветриванием, — пишет академик В. А. Обручев. — Как они работают, мы не видим, но плоды их трудов замечаем везде: сплошной твердый утес... оказывается под действием выветривания более или менее сильно разрушенным; первые трещины расширены, появились новые в еще большем числе; от всех углов и краев отвалились мелкие и крупные куски... Гладкая поверхность утеса стала шероховатой, изъеденной...»

Все эти силы — жар и мороз, роса и тающий снег, вода, просачивающаяся вглубь, и растения — работают, так сказать, не только сами для себя, но, кроме того, облегчают работу других сил природы — дождя и ветра».

Песчинки, переносимые ветром, ударяются о камни и отбивают от них новые песчинки, а дождевая вода, просачиваясь вглубь, растворяет часть породы и уносит с собой.

Корни растений, углубляясь в трещины, расширяют их. Мхи и лишайники выделяют кислоты, которые разъедают горные породы. Участвуют в разрушительном процессе и многие микроорганизмы.

В результате выветривания горы, скалы и утесы меняют свою форму, принимая часто причудливые очертания, напоминающие то животного, то птицу, то человека.

На снимке: скала «Каменная голова» в предгорьях хребта Баян-Аул в Казахстане.

Фото Г. Дудина.

НА РАВНИНАХ АЛЕНТЕЖУ

Когда на пустынных равнинах Алентежу — юго-восточной области Португалии — наступает унылая осень, оголяются склоны холмов и резкий ветер несет тучи мелкой пыли и песка, сотни крестьян с женами и детьми, завернувшись в накидки из овечьей шерсти, в платках и войлочных шляпах, понуро шагают по дорогам. Худые клячи, запряженные в маленькие тележки, везут их скарб.

Куда они идут? Чего ищут?

У них нет своей земли. Вся пригодная для обработки земля принадлежит в Алентежу помещикам. Весной, после зимних дождей, они сдают бросовую землю в аренду крошечными участками. Вместе с семьей крестьянин трудится день и ночь, очищая землю от камней, выкорчевывая пни. Затем он засеивает ее бобами и кукурузой.

Летом пересыхают мелкие речушки. Жизнь на полях замирает, только ястребы парят над отарами овец, пасущихся в долинах рек Гвадианы и Садо. Истощенная почва родит очень мало.

А осенью, когда урожай собран, помещик забирает львиную его долю и сгоняет арендатора с земли. Так он подготавливает бросовые, негод-

ные земли для орошения и посевов доходных культур: пшеницы, ячменя и риса.

Каждый день на расвете на поля огромных помещичьих латифундий стекаются толпы батраков. Они или готовят землю под посевы, или жнут серпами, или, стоя по колено в воде, сажая рис в долинах, окруженных белыми песчаными холмами, поросшими редкими соснами. Это крестьяне из алентежских деревень, расположенных иногда за многие десятки километров от поместий.

Странно выглядят деревни среди безлюдных равнин и редкокося: беспорядочное нагромождение длинных построек из камня, побеленных известью, иногда с патио, в середине которого торчит колодезный журавль. Не видно ни полей, ни садов, ни огородов. Нет хлевов, конюшен или сараев: крестьянская земля не годится для посевов и пастбищ.

В XV веке Алентежу была полем сражения португальцев и арабов. Урожай уничтожались, крестьяне покидали свои земли. После изгнания арабов из Португалии короли, раздавая дворянам-воинам небольшие хутора на севере, даровали монашеским рыцарским орденам в суровой Аленте-

жу огромные поместья: они были безлюдными и малодоходными. Так возникли латифундии, которых нет ни в одной другой области Португалии. Их владельцы круглый год живут в старинных городках Эворе и Беже и только наездами бывают в своих поместьях.

Теперь в Алентежу, которая знала виноград и маслины еще до римских времен, фрукты появляются только на столе помещиков.

Крестьянин - арендатор мог бы выращивать маслины, а покупает оливковое масло; ему выгодно было бы сажать рис и

пшеницу, а он сеет бобы и кукурузу. Ему не успеть за короткий срок аренды заняться орошением и удобрением земли: ведь он на ней временный гость...

Каждый год, едва соберет он скудный урожай, как его сгоняют с земли.

Вот почему сотни крестьянских семей скитаются по дорогам Алентежу.

ПОДЗЕМНЫЕ МАСТЕРСКИЕ

В Мексике, на полуострове Юкатан, живут индейцы племени майя.

В некоторых сельских районах здесь развиты кустарные промыслы, среди которых видное место занимает выработка шляп типа «панам».

Индейцы плетут эти шляпы из листьев пальмы хипи, растущей на Юкатане и в тропической Америке.

Листья пальмы расщепляют на тонкие узкие волокна, которые затем отбеливают на солнце.

Для того чтобы волокна не высохли и не теряли гибкости, их хранят в подземных помещениях, где воздух влажен и низка температура. Здесь же изготавливают и шляпы.

В некоторых деревнях производством шляп занимаются все жители. Одной из них является Бегаль с населением в 1500 человек.

В Бегале нет крестьянского дома, на задворках которого не было бы хода, ведущего в пещеру, где целыми днями трудится вся семья. С самых малых лет этому ремеслу обучают и детей.

Шляпы, изготовленные в деревнях майя, поступают не только в различные города Мексики, но и вывозятся за пределы страны.

Молодость ВАСКО ДА ГАМЫ

Г. ХАРТ

Рисунки П. Павлинова

На западном побережье Португалии, на полпути между рекой Тежу и мысом Сан-Висенти, в шестидесяти милях по прямой линии к югу от Лиссабона, стоит приморский городок Синеиш. От него рукой подать до мыса, который носит то же название. Городок располагает маленькой гаванью. От берега в направлении мыса тянется похожий на палец гористый выступ, образуя узенькую бухточку, слишком тесную для более крупных судов, но достаточно вместительную, чтобы принять и приютить живописные рыбацьи лодки, издавна выходявшие отсюда в море и возвращавшиеся с богатым уловом.

Эту бухточку, согретую лучами южного солнца, обгибает извилистая золотая полоска песка, затем скалистый берег довольно круто поднимается. Он описывает пологую кривую, подобно древнегреческому театру, и весь порос темнозеленым кустарником. Выделяются лишь пламенно-желтые цветы дрока, пятнами разбросанные по берегу; их редко встретишь в другом месте. По обеим сторонам мыса почти к самой воде сбегают темные сосны, с террас его склонов, словно следя за сменой прилива и отлива, склоняются к морю пальмы.

От берега моря, взбираясь на холм, где расположен укрытый от западных морских ветров Синеиш, вьется песчаная дорога. Домики крыты красной черепицей и окрашены в яр-

кие цвета — белый, желтый, зеленый и розовый, которые так дороги сердцу португальца, что в них он окрашивает свои жилища, куда бы ни попал. Домики то лепятся по склону холма, нависая над морем, то тянутся к белым песчаным дюнам, образуемым здесь повсюду прибрежными ветрами. И хотя цвета домов поблекли и потускнели от времени, ветра, солнца и тумана, они представляют собой резкий контраст с серыми зубцами и башнями древней крепости Синеиша, к самым стенам которой эти дома подбираются, словно стремясь найти здесь защиту от стихий.

Дома здесь по большей части низенькие, каменные, многим из них по несколько сот лет. Тут и там зеленеют маленькие огородики, обнесенные тростниковым плетнем. Ростки овощей с трудом пробиваются сквозь песчаную почву. На западной окраине города стоит в сторонке старинная скромная церковь Носса Синьора даш Салаш (богоматери Салашской). Ее белая кровля и стены видны с моря за много миль: более шести столетий они были радостным ориентиром для рыбаков и мореходов, направлявших зрение, чтобы увидеть первый клочок родимой земли.

Окраины города очаровательны. У подножия склона, по окатаным водой валунам, неподалеку от естественного скалистого волнолома, течет прозрачный мелкий ручей. По утрам здесь с давних времен собирались женщины полоскать белье; весело смеясь и щебеча, как птицы, наклоняясь и распрямляясь, они скреб-

ли, полоскали, выкручивали белье, а затем расстилали на скалах для просушки, и оно пестрело голубыми, красными, белыми, зелеными пятнами. Когда солнце стояло над головой, вода в гавани мерцала бледнозелеными и розовыми искрами, отливала аметистами и бирюзой, сверкала на поверхности сапфирами, алмазами и изумрудами. Меж черных острокопечных скал бурлила темносиняя вода; пенясь и грохоча, в брызги разбивались об утесы обесиленные громадные волны Атлантики, течение подхватывало и уносило охапки пурпурных и зеленых, как яшма, водорослей.

Посреди гавани находился маленький островок Пессигейру, а на нем развалины заброшенной крепости и часовни. На север простирались голые песчаные дюны Прая-ду-Норти, на юго-восток поднимались окутанные туманом далекие вершины Серкал, Моншики и Сан-Домингуш¹. При ясной погоде далеко на юге можно было разглядеть и мыс Сан-Висенти; он, как последний страж материка на западе, вздымал свою скалистую вершину, бросая вызов жестоким штормам Атлантического океана.

В Синеише вся жизнь была связана с морем, море было кормильцем и

¹ Прая-ду-Норти — северный пляж. Серкал — поселение в холмистой местности к юго-востоку от Синеиша. Моншики — поселение в горах южной области Алгарви. Сан-Домингуш — название нескольких пунктов в Португалии; здесь, вероятно, идет речь о поселении, находящемся на границе с Испанией.

Из книги «Морской путь в Индию». Перевод с английского Н. Ванникова.

поильцем, — пески делали земледелие невыгодным. Целые столетия, может быть, еще до того, как три тысячи лет назад на своих больших галерах плыли вдоль этих берегов по пути к Оловянным островам финикийцы, жители синишской гавани добывали себе пропитание в океане. Они и сейчас отплывают на запад с сетями, а их крепкие женщины присматривают за домом и детьми; а когда тяжело нагруженные серебристой рыбой лодки возвращаются, жены и дочери выходят на берег, чтобы помочь выбрать из лодок улов. И сейчас, как в старину, бронзовые от загара рыбаки расстилают на солнце для сушки и тут же чинят свои красновато-коричневые сети, прорванные случайным камнем или рыбой. Они говорят о приливах и отливах, о ветрах и крушениях, передают друг другу сказания, такие же древние, как и само мореплавание...

Все здесь примитивно, все просто, все неизменно. Короли приходили и уходили; много лет прошло с момента установления в Португалии республики. В мире разгорались большие войны, а Синиш стоит, как и стоял. Лишь одна дорога — да и то плохо содержимая — связывает его с соседними городами, и, несмотря на его ласковое солнце, великодушное побережье, притягательную красоту, он мирно спал, не тревожимый целые столетия.

В городе есть один маленький домик, скромный, как и все остальные, в нем нет ничего примечательного или особо красивого. Он стоит в ряду полуразрушенных домов, тянущихся по дороге между городом и церковью Носса Синьора даш Салаш. За пять с лишним столетий грубые камни стен плотно приросли к фундаменту.

Этот домик имеет большое право на славу; к нему даже совершалось самое настоящее паломничество: здесь родился примерно около 1460 года¹ мальчик, которому судьба уготовила великие подвиги.

Это был Васко да Гама, впоследствии дон Васко, адмирал, граф Видигейры, вице-король Индии.

Род Гама происходил из Алентежу². Хотя род этот не блистал ни богатством, ни особой знатностью, он имел длинную почтенную историю. Так, один из предков Васко да Гамы был знаменосцем при короле Афонсу V.

О ранних годах жизни Васко да Гамы известно очень немного. Родившись на берегу моря, он рос вместе с сыновьями моряков и рыбаков, рано научился плавать, грести, управлять парусом и тянуть вместе с товарищами рыбацкую сеть. Подобно им,

он не представлял себе будущей жизни вне моря. У него, повидимому, проснулось непреодолимое стремление к приключениям — ведь в детстве все вокруг говорило ему о море. Он узнал не только рыбацье ремесло в Синише и соседних городках побережья, — вскоре он познакомился с устройством и оснасткой каравелл, которые, покачиваясь на волнах на открытом море, направлялись в Лиссабон, в Опорто и даже дальше — во Францию, Нидерланды и Англию. Утренней зарей или на закате перед его глазами нередко проходили на горизонте тяжело нагруженные корабли, направляясь на юг, в порты Средиземного моря, в Марокко или к почти неизвестным, диким берегам и островам Западной Африки.

Кое-кто из старых рыбаков в Синише сам плывал на этих кораблях. Васко, его братья и все другие мальчики собирались вокруг стариков, которые за работой рассказывали им таинственные и невероятные истории о том, что они видели и слышали. Внимая рассказам о бурях и штормах, о кораблекрушениях и высадках на неизвестных берегах, мальчики сидели, разинув рот и широко раскрыв глаза. Они узнавали о черных людях с большими губами и налитыми кровью глазами, едва прикрытых одеждой, с кольцами в ушах и в носу, о голых людоедах со свирепо оскаленными, подпиленными зубами, об огромных волосатых обезьянах, которые бьют себя по груди, как по барабану, и могут легко задушить человека, обхватив его руками. Мальчики слушали рассказы о множестве необыкновенных растений, о том, как черные люди добывают из речного песка золото, об охоте на громадных слонов, бивни которых жители Гвинеи продают капитанам португальского короля Афонсу.

У мальчиков дыхание перехватывало от волнения, когда седые морские

волки заводили рассказы о высадках на берег, о набегах на мирные селения, об убийстве несчастных, беспомощных чернокожих, пытавшихся оказать сопротивление закованным в броню португальцам, о том, с каким бессердечием бросали на голодную смерть в селениях стариков и больных, а здоровых мужчин, женщин и детей связывали и угоняли, как скот, перевозили на лодках и сваливали между палубами кораблей, где на пленников не обращали никакого внимания... О том, как чернокожие умирали, как их выбрасывали за борт жадным акулам, которые постоянно гнались за невольничьими кораблями, словно зная, что у них не будет недостатка в пище...

Так Васко и его братья узнавали, что такое море, корабли и мореходы. Постепенно Васко усваивал основы практической навигации, учился различать звезды и ветры, облака и течения, вести лодку и управлять парусом.

Когда Васко достиг школьного возраста, то, как полагают, его отправили в Эвору, расположенную среди холмов в семидесяти милях к северо-востоку от Синиша: в сплошь неграмотном рыбацком Синише трудно было дать образование сыну королевского офицера.

Стоило мальчику взглянуть на белые стены и уходящие в небо башни церковью Эворы, как перед ним открылся новый мир. Несмотря на то, что Эвора насчитывала лишь около десяти тысяч жителей, это был второй город в королевстве и любимая резиденция короля. Город был древний, его основали еще кельты — они поселились здесь потому, что это место легко было защищать.

По пути в Эвору Васко любовался прекрасной пересеченной холмами равниной, через которую проходила дорога к городу. То и дело мелькали плантации пробкового дуба, фруктовые сады, оливяковые рощи, цветущие

¹ Точная дата рождения Васко да Гамы не установлена. Не сохранилось никаких официальных записей, а даты, приводимые различными авторами, колеблются между 1460 и 1469 годами.

² Алентежу — см. заметку «На равнинах Алентежу» на стр. 47.

усадыбы, поля ржи, тут и там перемежающиеся с виноградниками и каштановыми рощами. Все было ново для мальчика, все было так не похоже на унылые пески, кустарники и море. Навстречу попадались крестьяне в коротких штанах, в шерстяных гамашах, в черных остроконечных шляпах. Кнутом и руганью они погоняли волов или ослов, запряженных в тяжелые повозки с высокими деревянными колесами, которые скрипели и визжали, как от боли; возы были нагружены дровами, бочонками, зерном, овощами.

Мальчик наблюдал, как медленно двигались длинные ряды мужчин и женщин, жавших хлеб; как молотили, удаляя снопами о камни или гоня по колосьям быков и ослов. Он видел, как собирают оливки, сбивая их палками, — тем же расточительным способом, который применяется и поныне, — как мальчики насыпают оливки на тульаш (каменные круги) для выжимки масла. По обе стороны дороги тянулись заросли дикой лаванды, желто-белого и розового ладанника, васильков, маргариток, темнопурпурного воловика и асфоделий; на лугах, позвякивая колокольчиками, щипали траву коричневые овцы и широкогоргие коровы. На холмах стояли ветряные мельницы с острыми черепичными или тростниковыми крышами,

там и сям были разбросаны низкие домики с высокими трубами. Город Эвора лежал в прекрасной, счастливой, цветущей местности!

Когда Васко оказался в Эворе, он ощутил под ногами уже не мягкий песок или дерн. Он шагал по узким

улицам со странными названиями: улица Двояродного брата его высочества, проезд Кошек, аллея Маленького дьязола, улица Благородных девиц почетной свиты, переулок Топора. Вымощенные грубым булыжником, эти сумрачные улицы с перекинутыми через них арками, с деревянными аркадами у домов были уже старыми, когда тысячу лет назад отсюда уходили бряцающие оружием римские легионы. Высокие каменные дома с зелеными ставнями пропускали внутрь лишь слабый свет.

Камни жгли подошвы мальчика. Попав в город и пройдя первые улицы, он набрел на такой огромный дом, какого ему не доводилось видеть раньше. Это был дворец, построенный королем доном Дуарти, который в 1421 году пышно отпраздновал здесь свою женитьбу на королеве Леоноре. В то время как мальчик с удивлением и благоговением взирал на дворец и стоявших вдоль стен и у дверей стражей в блестящих шлемах и кирасах, он едва ли мог мечтать, что наступит день, когда он будет проводить немало времени в этих мрачных залах в присутствии короля, и что эти надменные стражи, не замечавшие маленького провинциального мальчишки, будут низко кланяться ему, а он пройдет мимо, гордый своим крестом ордена Христа, титулом графа Видигейры и званием адмирала.

Мальчик заметил, что около дворца что-то строили — люди работали на лесах и на лестницах, в руках у них мелькали стамески и деревянные молотки, лопатки и отвесы. Они, как мухи, облепили стены здания — его зубчатые крыши и узкие окна, казалось, доходили до неба. Мальчику сказали, что это новая церковь Сан-Франсишку и что ее будут строить много лет. И действительно, строители трудились сорок лет, церковь закончили только в 1500 году, когда Васко уже возвратился из своего первого плавания в Индию. Церковь эта стоит и до сих пор, но к ней позднее сделана пристройка.

Мальчик бродил по кривым и узким улицам, проходил мимо дворцов

и красивых во всей Португалии — Сэ (кафедральный собор). Его серо-коричневые стены уже и тогда казались мрачными и старыми — собор начали строить в 1186 году, а освятили в 1250. Он напоминал собою столько же церковь, сколько и крепость — зубчатые стены, острые башенки. Васко вошел через сводчатый мрачный вход внутрь собора, чтобы, как набожный португалец, помолиться, и с мальчишеским любопытством огляделся вокруг. Он заметил, что здесь как-то странно выделяются линии известки в тех местах, где камни соединялись, — так делали только в Эворе; он оглядел взлетающие ввысь арки, розовый и серый мрамор, полюбовался на солнечные

и зашнуровывались, а у тех, кто это мог себе позволить, застегивались серебряными пряжками. Головные уборы тоже казались странными — это было нечто похожее на фригийский колпак, опускающийся на глаза, чтобы защитить их от солнца.

Васко часто останавливался на площадях около древних фонтанов из серого камня, смотрел, как идут сюда с пустыми бочками водоносы, как женщины наполняют свои большие красные глиняные кувшины и грациозно, без всяких видимых усилий несут их на голове. В Эворе Васко познакомился и с иностранцами, с их взглядами на мир — в городе по пути в знаменитую на всю Европу своим виноградом Алгарви¹ останавлива-

знати с их четырехугольными башнями. Он побывал на многолюдной центральной площади. Еще подростком Васко если не видел своими глазами, то, должно быть, слышал о казни могущественного герцога Браганского, которая свершилась по приказу донна Жуана II на этой площади. Позднее здесь разносилось эхо монашеских песнопений, крики и стоны умирающих — это инквизиция сжигала свои жертвы; в одной Эворе было приговорено к костру 22 тысячи женщин и мужчин. Здание инквизиционного суда сохранилось до сих пор, в его подземельях можно еще разглядеть под известкой пятна крови невинных жертв.

Пройдя площадь по направлению к востоку и выбравшись, может быть, на ту улицу, которая позднее была названа его именем, Васко увидел другой храм, один из самых боль-

лучи, бьющие сквозь чудесные розовые окна. Потом, когда он стал взрослым и познакомился с архитектурой арабов, он, вероятно, вспоминал каменное убранство собора Эворы и понял, что долгое пребывание арабов в Эворе оставило явный след на работе строителей собора, венчавшего, подобно короне, весь город.

Провинциального мальчика зачаровали люди на улице, ибо их лица и одежда были не похожи на бронзовые от загара лица и грубую одежду его земляков. И мужчины и женщины Эворы были выше ростом и более худощавы, чем остальные португальцы (так это остается и поныне), в их важной осанке и мерной поступи было много арабского. То и дело попадались мужчины в одежде из коричневых бараньих шкур, нередко шерстью наружу. Штаны у них были с разрезом на внутренней стороне ноги

лись фламандцы и путешественники из разных стран.

Иногда по винтовым гранитным лестницам Васко взбирался на башню собора и смотрел поверх всей Эворы на юг, где за солнечной плодородной долиной, за туманным пурпурно-голубым горизонтом был город его детства — Синиш. Иногда он гулял по тенистому саду монастыря Сэ, где разливали свой аромат усыпанные плодами лимонные деревья и золотистая мушмула. Было где провести время в милой старой Эворе.

Быстро текли годы, и Васко из подростка превратился в юношу.

Он был наделен великолепным здоровьем, был хорошо подготовлен к трудностям жизни моряка тех дней, познал искусство кораблевождения и управления людьми. Он завоевал

¹ Алгарви — южная область Португалии.

репутацию замечательного морехода в той стране, где опытных моряков, превосходно знавших воды африканского побережья, было полным-полно в любом порту...

Король Мануэл, повидимому, считал Васко да Гаму тем человеком, который сумеет возглавить экспедицию в Индию, и потому остановил на нем свой выбор.

Получив назначение, Гама принялся за первое дело, которое поручил ему король, — стал наблюдать за окончательной подготовкой кораблей, их оснащением и погрузкой запасов, начал набор офицеров и судовых команд.

* * *

Великолепное зрелище представляла река Тежу в тот достопамятный июльский день, когда она была усеяна лодками, наполненными моряками в блестящих латах или в алых, зеленых, желтых, белых, синих и пурпурных одеждах. Флаги и вымпелы всевозможных форм, размеров и цветов реяли на ветру, пестрые ливреи слуг и яркие одежды толпившихся на берегу людей вместе с серебристыми отблесками от поднимающихся и опускающихся весел дополняли эту яркую картину. Это было волнующее зрелище, ибо, по словам одного старого автора хроник, «казалось, что это не море, а цветущий луг».

Выстроившись на палубе, солдаты громко затрубили в трубы. На мачте флагманского корабля «Сан-Габриэл» был поднят королевский флаг, барабанщики забили дробь, заиграли волынки и бубны, тамбурины и флейты, заглушая крики, плач и жа-

лобы тех, кто был на берегу или в утлых лодках, выплывших на рейд, чтобы поймать с борта корабля последний взгляд близких людей.

Было уже за полдень, и когда тени стали удлиняться, то, как обычно в это время года, вдоль реки к морю пошел порывистый ветер... Адмирал решил воспользоваться ветром и приказал поднять якоря. Матросы энергично взялись за дело, стараясь забыть о тех тягостных минутах, когда им приходилось вырываться из объятий опечаленных родителей, родственников и друзей. Якоря мерно, как бы нехотя, поднимались из речного ила под возбуждающий ритм старой морской песни. С якорных цепей капала вода.

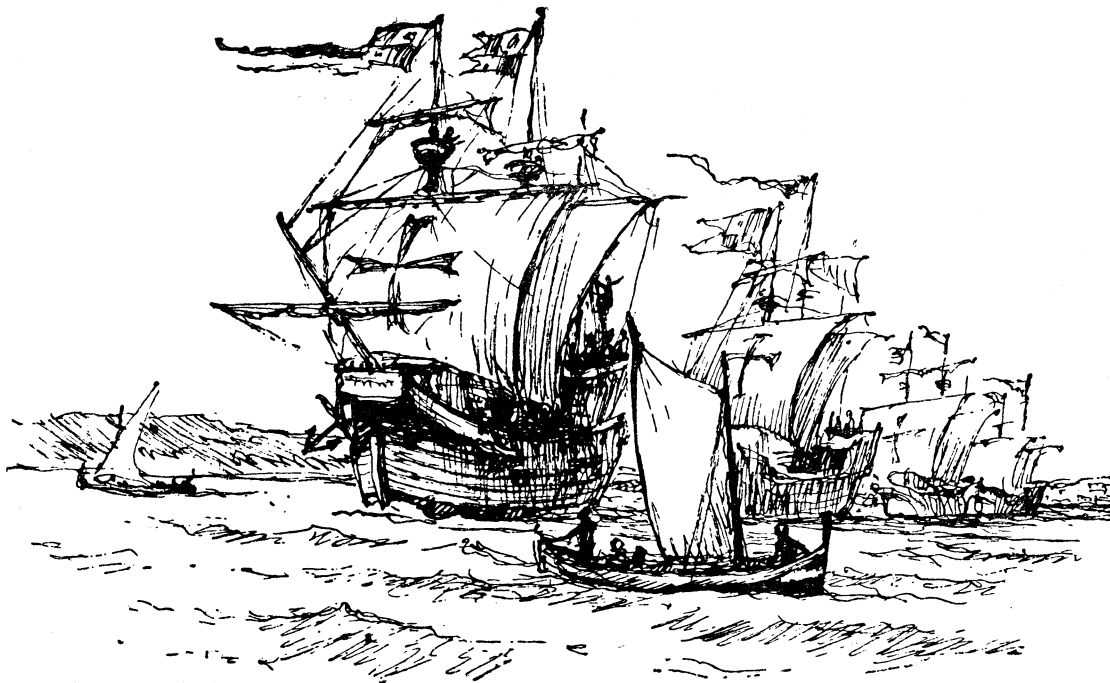
Последовал приказ поставить паруса. Команда подняла их, и огромные полотнища заплескались на ветру, надулись, и на каждом парусе стал виден большой алый крест ордена Христа, тот же крест, который был на знамени, врученном Васко да Гаме доном Мануэлом несколько дней назад в Монтеморей-у-Нову. Корабли впервые ощутили силу ветра, — этот ветер должен был стать их слугой (только слишком часто слугой мрачным, яростным и мятежным) на многие-многие тысячи трудных миль, — и, послушные рулю, они слегка накренились и медленно двинулись вниз по реке.

Народ все еще толпился на берегу, напрягая зрение, чтобы увидеть последние приветственные жесты отплывающих. Люди махали руками, шарфами; возгласы и крики слабо доносились до кораблей — течение и ветер несли их к морю. Матросы

толпились у бортов, взбирались на мачты, офицеры теснились на корме и у окон кормовых башен. Все стремились в последний раз взглянуть на толпу, на любимый Лиссабон, с его холмами и долинами, с его дворцами и церквами — теперь все это постепенно уходило все дальше и дальше. Косые лучи заходящего солнца отражались на копьях и на пушках, на снастях кораблей и на шлемах, а на берегу они освещали злато-багряным пламенем камни и леса наполовину возведенного кафедрального Собора Моря. Они блеснули еще раз в водах Тежу, которые стали сизыми, как вороненая сталь. Затем солнце зашло.

С наступлением темноты толпа на берегу понемногу рассеялась, люди небольшими группами расходились по домам. Ветер крепчал, по мере того как корабли приближались к морю. В серой полумгле несколько рыбацких лодок под блекло-желтыми парусами поспешно отошли в сторону, уступая дорогу надвигающимся на них большим кораблям. Флаги спустили и спрятали в рундуки, установили ночную вахту, на мачтах были подняты фонари, и на море, на землю и на реку спустились сумерки.

В ту ночь на кораблях спали лишь немногие. Слишком переполнены были сердца, слишком велико было возбуждение. Но едва забрезжил новый день, все было на ногах, все в движении. Корабли уже прошли отмель, берега скрылись из виду, и люди остались наедине с морем, небом и богом — лишь белые и серые чайки, пронзительно крича, будто бранясь, летели за кораблями, провожая их далеко на запад, в океан...

ИСЧЕЗАЮЩИЕ ПТИЦЫ

Не так давно в Западной Германии были густые сосновые рощи и обширные смешанные леса. За послевоенные годы леса сильно поределели, а в некоторых областях сейчас вырубаются и последние их остатки. Естественно, что в связи с этим обеднел и животный мир страны. Немецкие ученые-зоологи вынуждены призвать, что из-за непрерывных маневров оккупационных войск, отравления рек сточными водами военных химических заводов и хищнической охоты в Западной Германии исчезают многие виды животных.

Примером может служить судьба черного аиста — красивой и крупной птицы.

Черный аист несколько меньше белого и отличается от него чернотелым с зеленоватым отливом оперением. Так же как и белые, эти аисты питают-

ся лягушками, ящерицами, мышами и червями.

В то время как белый аист охотно гнездится вблизи от человеческого жилья, черный аист большей частью живет глубоко в лесу.

Живут они постоянными парами, устраивая огромные гнезда (до двух метров в диаметре). Самки и самцы высидывают яйца по очереди. Зимуют эти птицы в Центральной Африке. При перелетах черные аисты могут преодолевать за ночь расстояние свыше четырехсот километров.

Еще не так давно они были весьма распространены в Западной Германии. Сейчас это самая редкая птица в стране: черные аисты обитают только у города Люнебурга. В этом году в одном гнезде было обнаружено пять птенцов. Это последнее гнездо черных аистов.

На снимке: черные аисты в лесу около Люнебурга. Эти птицы очень осторожны, и подойти к ним чрезвычайно трудно. Снимок сделан фотографом с большого расстояния при помощи телеобъектива.

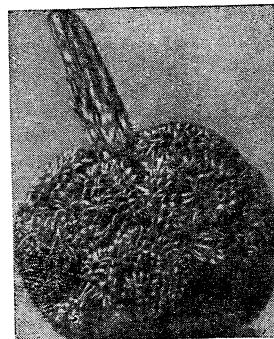
ПАЛЬМА—СЛОНОВАЯ КОСТЬ

В Панаме, Колумбии и Эквадоре растет невысокая пальма — тагуа. В науке она известна под названием «фителепас макроркарпа». За твердые семена ее называют еще «пальма — слоновая кость».

Живет тагуа до ста лет, все время продолжая давать плоды — большие орехи с шерстистой оболочкой, весящие по десять и больше килограммов. В них несколько ячеек, в каждой из которых заключено от шести до девяти семян.

Из этих семян вырабатываются пуговицы и бусы, но твердость не уступающие слоновой кости.

Представляет ценность и ствол пальмы, из кото-

рого изготавливают паркетные планки. Волокна тагуа идут на выработку веревок, а из больших перистых листьев делают щетки.

На снимке: плод пальмы тагуа.

НОСУХА

Это животное относится к семейству медведей. Но внешне у носухи мало общего с медведем. Она скорее напоминает полоскуна, или енота, принадлежащего к тому же семейству.

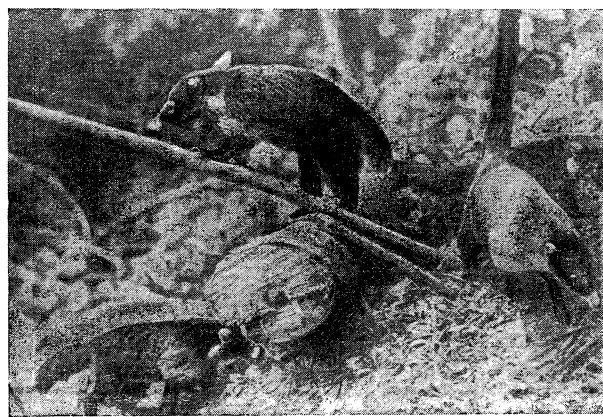
Свое название животное получило за удлинненный хоботообразный нос. Обычно носуха не превышает в длину одного метра, причем почти половина приходится на хвост. Шерсть у животного на спине яркорыжая или серовато-бурая, на боках и

в Центральной Америке обитает другой вид этого животного — белоносовая носуха.

Особенно много носух водится на острове Барро Калорадо в зоне Панамского канала.

Это довольно безвредное животное. Оно предпочитает уйти от опасности и, лишь оказавшись в безвыходном положении, пускает в ход свои острые зубы.

Питается носуха мелкими животными, насекомыми и их личинками, а так-

брюхе переходящая в желтоватую. Над глазами белые пятна.

Обыкновенная носуха, или, как ее иначе называют, коати, населяет леса Южной Америки от Венесуэлы до Парагвая,

же растениями и разными плодами.

На носуху охотятся ради ее мяса и меха, правда не имеющего особенной ценности.

На снимке: белоносовая носуха.

**На суше
и
на море**

Экран жизни

Научно-фантастический рассказ

А. МАТЕЮНАС

Рисунки В. Таубера

Кратко изложив сущность задания, редактор добавил:

— Надеюсь, вы понимаете: очерк должен быть написан интересно, с живыми зарисовками. Не дели вам достаточно?

Отвечив утвердительно, я вышел из кабинета. Но потом попытался представить себе ожидавшую меня работу, мысленно составить план. Даже летая на самолете, невозможно...

Задание было такое: рассказать о типах лесов нашей Родины, расположенных за десятки тысяч километров друг от друга. Да еще, как выразился редактор, «с живыми зарисовками». Это значило — увидеть все своими глазами.

Решив посоветоваться, я позвонил в Институт леса и рассказал, какая неразрешимая у меня задача.

— Неразрешимая? — удивились там. — На осмотр основных типов леса вам понадобится не больше одного дня. Поезжайте на станцию «Карта-3», к профессору Ларину.

— Но я хотел бы видеть леса, существующие в действительности, а не на станции! — возразил я, решив, что на станции профессора Ларина искусственно созданы коллекционные участки различных типов леса.

— Там вообще леса нет, — последовал ответ. — Это географическая станция.

На следующий день с утра, сев в автомобиль, я отправился на станцию «Карта-3».

Широкое загородное шоссе, окаймленное стройными пирамидальными тополями, вело к мало кому еще известной географической научно-исследовательской станции.

Расположенное на холме высокое четырехугольное здание, к которому со всех сторон поднимались широкие гранитные ступени, стояло как на пьедестале. Массивные мраморные колонны поддерживали кровлю. Круглый купол крыши переходил в устремленную в небо огромную конусообразную антенну.

В приемной комнате станции мне не пришлось долго ждать. Профессор вошел быстрой походкой человека, у которого много разных неотложных дел. Его сопровождала невысокая девушка, ассистент. Мы познакомились.

— Значит, вас интересуют леса? Так, так, — сказал профессор и, критически осмотрев меня с ног до головы, добавил: — Прежде всего, вам придется сходить к врачу.

«Может, я неправильно понял то, что мне сообщили в Институ-

те леса? — подумал я. — Здесь какое-то недоразумение, раз профессор, едва услышав о моем желании осмотреть все леса сразу, заговорил о врачах».

— Я и не считал, что это возможно, но мне сказали... — начал я.

— Вам правильно сказали, — прервал меня профессор.

Когда я вернулся от врача, находившегося там же, на станции, профессор разговаривал с ассистенткой:

— По плану у нас сегодня дешифрирование. Сведения с мест вы получили? Хорошо. Очередность просмотра наметили? Карты на мой стол не забыли положить? Да... Не забудьте также напомнить мне, что ровно в четыре я должен быть на ученом совете. — И, заметив меня, профессор уже другим тоном добавил: — Просторжнее, Лена: человек первый раз на нашей станции.

— Напрасно вы беспокоитесь. Я спортсмен, прыгал с парашютом, — еще не зная, что он имеет в виду, на всякий случай заметил я.

Профессор слегка наклонил голову, посмотрел на меня поверх очков и только сказал:

— Так, так...

Я успел заметить, что ассистентка улыбнулась. Но не придал тогда этому никакого значения. Добродушно-ворчливый тон профессора, его манера разговаривать со всеми, как с детьми, вызвала и у меня улыбку.

Пройдя ряд комнат, мы вошли в огромный зал. Узенькая дорожка вела к его центру, где возвышалась примерно на полметра небольшая площадка. На ней стоял письменный стол. По обе его стороны помещались два глубоких мягких кресла.

Стены, пол и потолок зала отливали серебристым металлом. Они выглядели полупрозрачными.

— Присаживайтесь! — пригласил меня профессор, когда мы с ним вдвоем вошли по ступенькам на площадку. Он полистал лежащие на письменном столе карты и сел в кресло.

В зале погас свет. И в тот же миг я увидел, что это вовсе не зал, а большой ангар. Прямо против площадки были огромные, во всю стену ворота. Мы с профессором, сидя на площадке в креслах, висели в воздухе и покачивались, будто приготовившись к вылету.

В следующую мгновение створки ворот стали медленно раздвигаться, маленькая площадка пошатнулась и... бесшумно поплыла по воздуху, направляясь к выходу из ангара.

Тому, что произошло дальше, трудно поверить. Но, дочитав рассказ, вы убедитесь (как и я в конце путешествия) — преувеличений здесь нет.

Мы выплыли из ангара, и я увидел знакомый пейзаж: шоссе,

окаймленное полоской пирамидальных тополей, монументальное здание станции «Карта-3», возле него небольшой, покрытый рябью пруд и вдалеке город, похожий на макет декорации. Ощущение было такое, как при взгляде на землю с взлетающего самолета.

Внезапно, со свистом рассекая воздух, площадка рванулась вверх. Я вздрогнул и вцепился в ручки кресла... Представьте себе чувства человека, который неожиданно понесся бы в кресле с бешеной скоростью прямо на небо. А профессор между тем сидел спокойно со мной рядом и смотрел на меня, по своей привычке чуть-чуть наклонив голову, поверх очков. «Так, так, — казалось, говорил он. — Значит, спортсмен и с парашютом прыгал?»

Наш бешеный полет продолжался до тех пор, пока неожиданно не стих вой ветра, разбивавшегося о невидимый купол над нашими головами.

Прозрачное, подернутое нежно-голубой пеленой пространство окружало нас. Я посмотрел вниз. Изумрудно-зеленая поверхность земли, лежавшей в синеватой дымке, сверкала блестящими искусственными водоемами, и в них, как в мелких, аккуратно разложенных осколках зеркала, отражались солнечные лучи.

Хлопьями растрепанной ваты двигались под нами облака. И казалось, было видно, как они растут, клубами отделяясь от лесов и водоемов.

Трудно сказать, что я испытывал, сидя в кресле на высоте пяти тысяч метров от земли. Невесомой пушинкой держалась в воздухе наша площадка.

Профессор, видимо, не разделял моих ощущений. Он расположился за письменным столом, как у себя в кабинете, сверяя какую-то карту с местностью.

На воздушном океане,
Без руля и без ветрил,
Тихо плавают в тумане... —

негромко нараспев повторял профессор. Затем замолчал, смотрел в бездну, снова вычерчивал что-то на карте и продолжал:

Средь полей необозримых
В небе ходят без следа-а...

Полюбовавшись тем, что начерчено, профессор проговорил:

— Ну-с, готово! Можно двигаться дальше!

И как бы повинувшись его словам, площадка стала падать вниз, слегка покачиваясь из стороны в сторону. Под нами стался толстый, бугристый ковер леса.

— Вот теперь и займемся исследованием, — наклоняясь ко мне, сказал профессор. — К нам на станцию приходят прогнозы обо всех возможных изменениях земной поверхности — сдвигах, сбросах, обвалах и тому подобном. Мы

уточняем эти сведения и вносим поправки на карты, по которым геологи судят о залежах полезных ископаемых.

Профессор напомнил мне, что рельеф, характер рек, растительность, почвенные образования, цветные, тональные особенности ландшафта земной поверхности связаны в известной мере с ее геологическим строением. Это и дает возможность по аэроснимкам определять месторождения ископаемых.

Постепенно замедлив движение, площадка замерла метрах в пятидесяти от земли, точно кто-то придержал нас за невидимый трос.

Мы повисли между двух огромных холмов, заросших густой щетиной леса. Был яркий солнечный день. Вдали над бескрайним лесным массивом проплывали небольшие золотистые тучки.

Я испытывал состояние такого подъема чувств и мыслей, так легко и свободно мне было, что думалось: взмахни руками — и полетишь даже без площадки. Поднимешься, невесомый, медленно над всем этим великолепием и поплывешь, — стоит только захотеть. Наверно, так себя чувствовал Архимед, когда изобрел рычаг. Поняв его великое значение, он проговорил: «Дайте мне точку опоры, и я подниму земной шар».

... Долго летели мы над просторами леса. Вблизи зеленоватый, дальше — отливая синевой, он тянулся сплошным покровом, отмечая горизонт темносизой линией. Над лесным массивом возвышались вершины могучих, гигантских деревьев.

Изредка лес раздвигался, чтобы пропустить реку, стальную полосу железной дороги или освободить место для селения, а затем снова стоял таинственный, молчаливый...

На лесной опушке, над верхушкой одной из сосен, площадка остановилась. Было похоже, что мы сидим на пошатывающейся вышке. Из лесу доносился свист, щебет, щелканье невидимых птиц. Профессор работал с картами.

Я прижстал, огляделся вокруг и тотчас заметил на соседнем дереве белочку. Увидев нас на таком необычном для людей месте, она от удивления даже выронила шишку, которую держала в лапках. Затем некоторое время с любопытством наблюдала за нами. Но, решив, что все-таки такое соседство опасно, пугливо оглянулась. Перескакивая с дерева на дерево, подерживаемая в воздухе своим пушистым хвостом, она скрылась в чаще.

Заметил я и красногрудого снегиря, с увлечением насвистывавшего что-то. Он не обращал на нас никакого внимания, видимо приняв за родню (раз мы прилетели!), но только другой, неизвестной ему породы. Невдалеке, взмахнув крыльями, на мгновение появи-

лась и исчезла за стеной леса ворона.

— Отсюда и начнем «прочесывать» местность вдоль и поперек! — сказал профессор, обращаясь неизвестно к кому. Он встал, прошелся по площадке, потирая руки в предвкушении чего-то необычайного.

Мы полетели над лесом так низко, что можно было различать породы деревьев.

По краю зеленоющего луга росли березы, липы, клены, дубы, потом постепенно их сменяли сосны и ели, встававшие на полянке тесной стеной хвойного леса.

Иногда лес редел, уступал место полянке. Лесное болото можно было отличить от нее по блестящей от воды зелени. То справа, то слева попадались лощины, луга, ручьи.

Через некоторое время мы снизились и стали углубляться в чащу леса. Площадка осторожно обходила могучие, в несколько обхватов, стволы деревьев, лавировала между ними, сворачивая то вправо, то влево, опускалась и поднималась.

Это был дикий, девственный лес. Неподвижно стояли 20—30-метровые сосны и дубы, которым насчитывалось по несколько сот лет. Здесь было тихо, как в тайге, но не мрачно. Всюду, рассыпаясь по причудливым изгибам веток и трещающим листьям, играли солнечные зайчики.

Пересекая шоссе, площадка пала как бы в гигантскую беседку. Мы пролетели под тенистым навесом из переплетенных веток деревьев метрах в пятнадцати-двадцати от земли.

Попались нам среди бурелома и созданные природой «ворота». Сломанное когда-то пополам дерево, падая, повисло на соседнем. И теперь высоко над землей, на верхней перекладине «ворот» росла стройная молодая елочка.

Заметив мой взгляд, профессор объяснил:

— На надломанном дереве поселился мох, оседали и гнивали листья, — так образовалась там плодородная почва для этой елочки. И, заметьте, на осине выросла! На лиственных породах поселяются, как правило, только хвойные, на хвойных — лиственные.

— А что там? — спросил я, увидев ряды одинаковых бугорков.

— Это кладбище деревьев. Подо мхом лежит их истлевший прах, ставший жилищем для насекомых. Если наступите на такой бугорок, нога провалится.

Неожиданно площадка остановилась недалеко от сломанной ветром гигантской сосны.

Возле нее копошилось что-то темное, ворочалось и, мне показалось, сопело. Потом пятна начали вытягиваться и нашим взорам предстали силуэты двух медвежат. Они боролись. Когда какому-нибудь из них удавалось забраться на широкий ствол сосны, другой хватал его за задние лапы и стаскивал.

Где-то совсем рядом с нами застрекотала сорока. Медвежата сразу насторожились. Незамеченная нами прежде, в тени деревьев шевельнулась медведица и коротко, предостерегающе проворчала. Через несколько секунд все семейство, прижав уши, поторопилось скрыться в чаще.

— Как не вовремя появилась! — проворчал профессор. — Недаром говорят, что «сорока восточку на хвосте носит».

Эта сценка прошла перед нами, как в увлекательном кинофильме, когда зрители забывают о том, что все это в конце концов иллюзия, и начинают выражать свои чувства вслух.

Затем мы некоторое время молча двигались по чаще, как путешественники в незнакомом лесу, готовые ко всяким случайностям.

Неожиданно сразу стемнело. Тихий, задумчивый стоял лес... И вдруг неподалеку от нас всколыхнулась вся и затрепетала осина. Легкий холодный ветерок за-

путался среди ее листочков, висящих на длинных тонких стебельках. И сразу зашептались деревья, передавая тревожную весть все дальше и дальше, как эстафету. Дошла она до старого бора, — заволновался, зашумел он. Как эхо откликнулся ему где-то второй. И вскоре весь лес гудел, как растревоженный улей.

Надвигалась гроза. Темные свинцовые тучи заволочили небо. Сверкнула молния. Лес вспыхнул синеватым пламенем. Налетел ветер. Под его напором вековые, в несколько обхватов деревья гнулись и трещали. Гром гремел все сильнее. Небо раскальвалось над нашими головами, и оттуда одна за другой сыпались молнии. Вдали все — деревья, тучи, земля, небо — смешалось с огнем и водой.

Наша маленькая деревянная площадка вздрагивала и металась, как в бурном потоке лодка, привязанная к берегу. На тему об иллюзиях размышлять было некогда. Каждую секунду мы могли разбиться вдребезги. Я даже не подумал о том, почему до нас не доходит ветер. Мы сидели на площадке, будто прикрытые невидимым колпаком.

Темная стена бури приближалась, выворачивая с корнями могучие деревья и поднимая их в воздух.

— Много придется здесь поработать! — прокричал профессор. Он имел в виду, что на карту этого леса придется вносить поправки.

И тотчас, преодолевая силу ветра, навстречу темным тучам взвилась наша площадка. Со скрежетом пробилась мы сквозь гущу ветвей, и наши маленькие фигурки затерялись в хаосе огня и воды.

Дальше все закрутилось с бешеной скоростью. Свет и тьма менялись мгновенно, и я уже не понимал, что происходит вокруг.

— Ну как? — донесся до меня через некоторое время спокойный голос профессора. — Не очень утомительно это для вас?

Он стоял возле меня на самом краю площадки. Бездонное горное ущелье развернулось под нами.

— Ничего. Все нормально. А что? — растерянно проговорил я. Но оправдываться было бесполезно. Потрясенный происходящим, я произнес эти слова тихим, надтреснутым голосом.

Профессор не подал и виду, что заметил мое состояние. Он начал говорить о том, что в ущелье, над которым мы проплывали, часты обвалы и поэтому сюда опасно заходить экспедициям.

— Но чуется мое старое сердце, — заключил он, — недаром природа так ревностно охраняет эту свою сокровищницу... Если не возражаете, попробуем заглянуть туда...

— С вами хоть в ад, — с радостью согласился я, несколько

оправившись от впечатления, про изведенного на меня бурей. Мне все больше и больше нравился этот спокойный человек.

Наклонив слегка голову, профессор сказал:

— В аду я не был, но здесь, мне кажется, хуже...

Медленно снижаясь, мы спускались вниз, как в глубокий темный колодезь. Свет пробивался сверху тусклыми, безжизненными полосами. Все живое стремилось скорее уйти отсюда. Ползли, карабкались по трещинам в скалах уродливо изогнувшиеся, выросшие без света деревья. Лишь высоко вверх, на фоне голубого неба, вырисовывались стройные силуэты сосен и елей, которым посчастливилось туда забраться.

Над нашими головами нависали причудливые громады голых каменных скал, напоминавших чудовищ. Снизу доносились скрежещущие и стонущие звуки бурного

потока, где перетирались друг о друга каменные глыбы. Внезапно страшный удар потряс воздух. Где-то рухнула гора.

Собравшись спросить профессора, что здесь можно встретить интересного, я негромко откашлялся:

— Kхал..

И в тот же миг ущелье ответило мне в тысячу глоток со всех сторон.

— Ха, ха, ха!.. — несло всюду. Кричали горы, скалы, деревья. И этот жуткий хохот, почудилось мне, полетел вдоль ущелья, ударился о его стены и, нарастая, стал возвращаться к нам. Он несся откуда-то сверху, сливаясь с грохотом каменного потока...

Я поднял голову. Опромяная гора, поворачиваясь у своего основания, нависала над площадкой... Я оглянулся назад. Переворачивалось все: скалы, ручей, профессор, деревья, я..

Закружилась голова. Мне показалось, сейчас я буду падать. Но куда?.. Над головой, на месте облаков, гремел ручей, а с неба, находившегося под площадкой, круша все на пути, поднималась вверх каменная лавина горного обвала.

И вдруг кто-то тихо, но настойчиво произнес: «Закройте глаза!» Я решил, что это был голос моего подсознания.

Все промелькнуло в какие-то доли секунды.

Когда я открыл глаза, можно было смело сказать, что свершилось чудо...

Возле площадки бежал прозрачный ручеек. Извиваясь между камнями, он звенел чисто и нежно, как песня во сне, как воспоминание о чем-то. А впереди — лиственные деревья, соединившись вершинами высоко над землей, образовывали вход куда-то. В нем под хрустальную песнь ручейка, переливаясь, сияла радуга.

Площадка подплыла к этим естественным воротам. Здесь ручеек падал с высоты обрыва и разбивался о камни на миллиарды брызг, вспыхивающих всеми цветами радуги.

Внизу лежало озеро, вправленное в пышную изумрудную рамку. Острые вершины елей, мохнатые шапки сосен отражались в его дымчато-голубоватых водах мечетями и минаретами древнего восточного города. В тишине долины озеро напоминало крупный бриллиант, никем еще не найденный. В водах его тихо и торжественно рождалась сказка без слов...

На наших глазах у противоположного берега, будто выплыв из глубины, возник небольшой городок с высокими башнями готических замков и медленно двинулся по направлению к нам.

Я наклонился вперед и, уже больше не сдерживаясь, протер кулаками глаза. Что происходит?..

Подмыв почву под частью леса, вода отколола кусочек его. В пористой плодородной земле меж тесно сплетенных корней содержалось много воздуха, и деревья не тонули. По озеру плыл, конечно, обыкновенный островок. Но в тот момент я не понял этого сразу.

— Вот, батенька мой! А вы говорите, с парашютом прыгал... На нашей площадке в один миг от ада дорая добраться можно, — улыбнулся профессор и опять, наклонив немного голову, лукаво взглянул на меня поверх очков: «Рассказали, мол, взрослому человеку сказку, а он и поверил, как совсем маленький мальчик, что можно летать, не выходя из своего кабинета, даже в кресле, сидя за письменным столом».

Этот взгляд подействовал на меня освежающе. Ведь и прежде мне казалось, что все вокруг происходит, как в кино, но только в каком-то необыкновенном. Здесь,

как и в зрительном зале, волнуешься, переживаешь, а вмешаться в жизнь на экране не можешь.

«Зал станции «Карта-3» — это, вероятно, очень искусно сделанный, незаметный экран для воспроизведения стереоскопических, объемных кинокадров», — подумал я, твердо решив ничему большому не удивляться.

Приблизившись к озеру, мы двинулись вдоль его берега. Тихие гавани-заливчики в рамках камышовых зарослей потеряли в моих глазах всю прелесть новизны. Я нисколько не удивился, когда прямо по-домашнему из такого заливчика выплыла утка. Она неторопливо двигалась, таща за собой цепочку, штук семь, совершенно одинаковых своих копий, только уменьшенных в несколько раз. Сценка была трогательна. Мамаша беспокойно озиралась по сторонам, а малыши деловито следовали за ней в открывающийся мир, где, конечно, все было создано только для их развлечения...

По озеру стрелой пронеслась темная острая тень. Разбрызгивая воду, с криком поднялась в воздух утка. Рассыпалась живая цепочка, и беспомощно, как соринки, закачались на волнах, поднятых мамашей, ее маленькие копии.

В полной тишине слышалось частое судорожное хлопанье крыльев. Ястреб преследовал крикву. И она не улетаала от него, а только старалась ускользнуть от цепких когтей, увести подальше, ценой собственной жизни спасти малышек...

Кружась в воздухе, перья и легкие пушинки медленно оседали на зеркальную поверхность озера-бриллианта. А в стороне, под сенью высоких елей, на маленькой деревянной площадке стоял письменный стол, и два человека, сидя в креслах, наблюдали эту картину.

Профессор был взволнован. Безусловно, как зритель в кинотеатре. Он поминутно нервно поправлял очки, ерзал на своем кресле и сердито покашливал.

Зато я теперь чувствовал себя абсолютно спокойно. Более острых ощущений, чем в ущелье ужасов, быть не могло.

— Сейчас появятся охотники, — произнес я, — и в самый критический, последний момент застрелят ястреба. Не беспокойтесь, утка не останется без мамашки...

— Вы так думаете?! — серьезно переспросил меня профессор. Теперь он очень напоминал человека, который так увлекся происходящим на экране, что забыл про все окружающее.

Загремел выстрел, эхом прокатился по лесу, и облачко синего дыма поплыло в воздухе над озером. Ястреб, с выпущенными когтями опускавшийся на свою

измотанную жертву, так и повис на мгновение в воздухе.

С раскинутыми крыльями, опустив голову, точно высматривая что-то в глубине вод, падал он мертвым...

— Ваша дальновидность поразительна! — сказал профессор.

Этот эпизод окончательно укрепил мое убеждение в том, что мы просматриваем новые кадры стереофильма.

Кряква благополучно опустилась к своим утятам, они выстроились позади нее живой цепочкой и опять двинулись в тот мир, где их ожидали одни веселые приключения... Ничего, что мамаша отлучилась на несколько минут. Мало ли какие у нее бывают дела!

Метрах в тридцати от нашей площадки, выйдя из леса, появился охотник. Высокий, широкоплечий человек в кожаном костюме и длинных болотных сапогах не спеша закинул за плечо ружье и огляделся кругом. Потом, будто увидев нас, направился в нашу сторону.

Охотник остановился в нескольких шагах от площадки и внимательно посмотрел на нас. Мороз подрал спину, когда я увидел, как он улыбается. Но и здесь я не дал разыграться своему воображению.

И вдруг...

Я не растерялся так, когда увидел ручей, текущий по небу в ущелье ужасов, но здесь холодный пот выступил у меня на лбу.

— Привет Николаю Петровичу! — поздоровался с пришельцем профессор. — Ну рассказывай, что у тебя нового?

Человек в охотничьем костюме ответил на приветствие и негромко сказал:

— Да ничего особенного не случилось. Свалилась пара деревьев на юго-западе. Знаешь, там, где мы с тобой в прошлом году ручеек обнаружили?

Лесничий присел на пенек. Я молча наблюдал за происходящим.

— Да, да. Как же, помню, — ответил профессор.

Если все это каким-то образом заснято на кинолентку и теперь воспроизводится со звуком, то как мог быть сделан такой разговор? Ведь нельзя же поверить в то, что, сидя в зале кинотеатра, зритель может получать ответы на свои вопросы у двигающегося по экрану снимка человека? «Лесничий — иллюзия. Ладно, — думал я. — Но профессор-то не иллюзия?!»

А они продолжали разговаривать.

— Ловко ты его подстрелил, — говорил профессор. — Еще момент, и пришлось бы убивать обоих... Но как ты очутился в этом лесу?

— Неожиданно получилось? — улыбался лесничий. — Небось, думал, раз летаешь в кресле, ничто уж на свете тебя поразить не мо-

жет, да?.. Когда я вчера давал сводку твоей ассистентке о происшествиях в лесу, она меня предупредила, что тебя можно ожидать возле озера приблизительно к этому времени. А ведь ты даже не позвонил...

Упрек в присутствии меня, постороннего человека, действовал. Профессор посмотрел в мою сторону поверх очков.

— Извини, Николай!.. — сказал он. — М-м... Со мной рядом сидит журналист Веснин. Познакомьтесь!

— Очень приятно. Моя фамилия Комаров, лесничий, — сказал охотник и поклонился.

Никогда прежде не приходилось мне разговаривать с человеком-иллюзией. Я встал, проговорил что-то неопределенное и невольно поклонился, чувствуя нервный озноб. В это время внутри меня что-то хохотнуло. Эдак: «ха, ха!» — будто кого-то давил смех, но он сдерживал его, закрывая рот рукой. Голос был очень знакомым.

«Либо я схожу с ума, либо все это сон, либо... либо и буря, и ущелье, и утка — самая настоящая действительность», — мелькнула мысль.

Лесничий и профессор улыбались.

— Вы, верно, первый раз в таком путешествии? — спросил меня Комаров. — Ничего, привыкнете. Алексей Иванович тоже долгое время, здороваясь со мной, протягивал руку. Я это узнавал по его «так, так, стареем понемножку», обращенному к себе, и по смеху...

— Ах! — воскликнул профессор. — Без пяти четыре. Ученый совет.

Лесничий не успел закончить начатую фразу и заговорил о другом.

— Узнаю тебя, Алеша. Помнится, ты и раньше всегда опаздывал.

Они коротко попрощались, договорившись все исследования в этом лесничестве в дальнейшем проводить вместе.

В моем разгоряченном мозгу одно за другим возникли предположения. А почему, собственно, нельзя летать в кресле? Разве невозможно придумать невидимый колпак из такого материала, который бы пропускал все звуки из внешнего мира и одновременно предохранял от ветра, и какое-нибудь приспособление, снижающее инерцию?

Неизвестно, что я стал бы думать дальше, если бы профессор не прервал мои мысленные рассуждения.

— К сожалению, нужно возвращаться!

Озеро, охотник, лес — все пошатнулось, вздрогнуло и слилось в мелькающие полосы. Загрохотал разрываемый воздух. Мы вылетели, как из пушки снаряд...

Перелет закончился так же внезапно, как и начался. Скрип, скрежет и вой ветра... Я даже не успел почувствовать испуга.

Площадка плавно опускалась на окраине города, возле того самого здания с колоннами, из которого началось наше необычайное путешествие. Внизу лежало то же шоссе, рядом со станцией поблескивал небольшой пруд.

Мы спустились еще ниже, и стало видно: в этом естественном зеркале отражалось все, кроме... нашей площадки. На ее месте на фоне белых облаков плыл какой-то остроносый предмет, на котором сверкали похожие на иллюминаторы огромные линзы...

Площадка проплыла в открывшиеся ворота ангара и стала на свое прежнее место. Вспыхнул свет, и мы оказались снова в зале. От стены, разматываясь, как рулон ковра, к площадке пролегла дорожка...

Когда мы вышли из зала, профессор попрощался со мной, сказав, что он не опаздывает, но спешить на ученый совет уже надо.

В город я возвращался вместе с Леной, ассистенткой профессора. Пока мы ехали в автомашине, девушка рассказывала мне, почему и как возникали и менялись картины в зале. Правда, я и сам уже догадывался, что мы с профессором не вылетали из станции, а все время необычайных «странствий» провели в креслах на неподвижной деревянной площадке посреди зала.

«Живая карта», как иначе именovali станцию, называлась живой потому, что показывала существующую во всякий данный момент действительность, а картой — так как была способом показа этой действительности.

Это был экран жизни. В тот день по стране путешествовала атомная, управляемая по радио ракета с телевизионной установкой. Она и передавала на специально оборудованные стены, пол и потолок зала станции «Карта-3» объемное, стереоскопическое, цветное, озвученное изображение всего, что мы видели и слышали.

Ракета движется в любом направлении, может останавливаться и поворачиваться благодаря тому, что у нее с разных сторон несколько сопл. Специальные глу-

шители не только устраняют шум двигателя, но и предохраняют окружающие предметы от вредного воздействия, связанного с распадом атомов.

Из комнаты, расположенной над потолком зала, Лена управляла ракетой по радио, ориентируясь по местности, которую она наблюдала вместе с нами. Девушка пользовалась и обыкновенной картой, когда нужно было перебросить ракету в отдаленный район.

Ракета оборудована и своими «глазами» в виде фотоэлемента. Она или автоматически постепенно останавливается, не достигая нескольких десятков сантиметров до препятствия, или уклоняется от него, если оно само летит.

В письменный стол на площадке вделаны чувствительные микрофоны и динамики. Так что Лена не только слышала весь наш разговор с профессором, но и сама могла вставить словечко.

Чтобы камни горного обвала не повредили линзы, девушка поспешила повернуть ракету и не успела выключить видимость в ущелье. Но, стараясь избавить нас от непонятного зрелища, все-таки посоветовала: «Закройте глаза!»

Лена видела и то, как я поклонился лесничему, и засмеялась, потому что перед ним, кроме небольшой ракеты, ничего не было, а разговаривал он с нами по радиотелефону.

— Извините, — сказала Лена, вспоминая об этом. — Но, согласитесь, ужасно ведь смешно смотреть, как в спокойной обстановке зала люди вздрагивают, дергаются и даже... кланяются. Иллюзия зрения и слуха в нашем зале создает настолько полную, что некоторые уверяют потом, будто во время «странствий» ощущали даже запахи трав и цветов.

— А я почувствовал еще и вкус, — сказал я серьезно.

— Вкус?! — искренне удивилась Лена.

— Да, вкус к путешествиям...

Лена весело рассмеялась. Ассистентка профессора была самой обыкновенной, невысокой, белокурой, чуть-чуть смешливой девушкой.

Я тоже слушал ее рассказ с улыбкой. Голос ассистентки, который я принял сначала за голос своего подознавания, приятного низкого тембра, был также самым обыкновенным. Может, поэтому в день всего необычайного, удивительного мне так было приятно ее общество и казалось, мы знакомы уже много лет.

— А вы знаете? — оживленно говорила Лена. — Уже разрабатываются проекты кинотеатров с такими экранами, как у нас. Ходят слухи, что не только в научно-исследовательских учреждениях, институтах и школах, но и в больших жилых домах будут устроены специальные телевизионные комнаты.

Представьте, идет где-нибудь гигантское преобразование целых краев. Вся страна сможет следить за ходом этих работ. Отправится же куда-нибудь интересная экспедиция, — вместе с ней будут «путешествовать» и многие зрители.

...Через несколько дней я привез редактору рукопись. Прочитал он с большим интересом. Но насколько не удивился.

— Так вы знали о существовании станции?! — спросил я.

— Да. Но намеренно не сообщил вам. Хотелось, чтобы впечатление первого журналиста, который напишет об этом, были живы и непосредственны.

В ЗЕЛЕНОМ МИРЕ РАСТЕНИЙ

«Эту книгу лучше читать поздней осенью или зимой, когда за окном снег, когда однообразная белая пелена сменила радостную зелень с пятнами цветов и деревьев, лишенные листьев, скованы морозом.

В это время даже равнодушные к природе люди с грустью вспоминают лето и с нежностью смотрят на зеленые растения, стоящие на окне».

Так начинается своя повесть «Путешествие с домашними растениями»¹ ботаник, вдумчивый педагог и неутомимый путешественник Н. Верзилин.

Уже третий раз издается эта книга, но ее все равно невозможно купить. В библиотеке «Путешествие с домашними растениями» зачитывается, что называется, «до дыр» и, что особенно интересно, подолгу не возвращается на библиотечные полки.

Нас заинтересовало это, и мы с одним библиотекарем отправились однажды по адресу такого «злостного» читателя, чтобы выяснить на месте обстоятельства дела.

Читателя, светлоглазого подростка, ученика 7-го класса одной из московских школ, мы застали «на месте преступления». Он читал книгу «Путешествие с домашними растениями». Но чтение это было, на первый взгляд, странным: мальчик стоял у стола и, низко склонившись, искал что-то на страницах раскрытой книги. В одной руке он держал обрезок кактуса, в другой — лезвие безопасной бритвы. На подоконнике стояло множество горшочков с растениями.

Увлечение читателя было глубоким. Он даже не оглянулся при нашем появлении.

— Молодой человек, — сказал библиотекарь, — а мы пришли за книгой. Вы ее читаете уже второй месяц.

Мальчик быстро повернулся к нам и густо покраснел. Было очевидно, что он сразу понял, о какой книге идет речь.

— А как же... — произнес он растерянно, — как же мне с прививками? Я еще ничего не успел сделать, и книга мне очень нужна.

Трудно было возразить что-нибудь этому читателю. Очевидно, он залпом прочел книгу и теперь у него началось самое интересное — опыты, практическое применение тех знаний, которыми так увлек его автор.

И, конечно, отобрать у него книгу сейчас было совершенно невозможно.

Когда Н. Верзилин писал «Путешествие с домашними растениями», он отчетливо представлял себе ее будущих читателей — это ученики 5—9-х классов, юные натуралисты. Каково же было удивление автора, когда по

выходе книги он стал получать десятки писем не только от школьников, но и от взрослых — учителей, инженеров, студентов, профессоров, домашних хозяек, пенсионеров. В этих письмах была горячая благодарность, вопросы, раздумья, советы.

«Дорогой товарищ Верзилин! — писал учитель С. Смирнов из Ростова. — Вы своей книгой неожиданно открыли передо мной новый мир, удивительный и интересный. Прочитал ее, не отрываясь, за две ночи, хотя речь в ней идет и не о головокруглительных приключениях и не о манящих фантастических открытиях».

«Что будет, если попробовать привить фикус к магнолии?» — спрашивают юннаты из Сочи. «Растет ли наша береза в Индии?» — пишут школьники из Рязани.

Что же это за книга? Пособие по выращиванию комнатных растений? Справочник?

Для тех, кому еще неизвестно содержание книги Н. Верзилина «Путешествие с домашними растениями», коротко расскажем о ней.

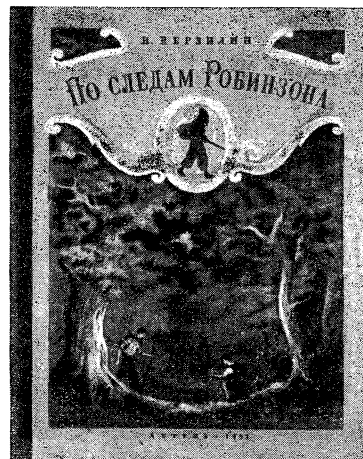
Кто не встречал на окнах деревенских и городских домов разнообразных, порой причудливых растений? Столетник, фикус, бегонию, ваньку-мокрого можно встретить где угодно: в Подмоскowie и в Архангельске, в Казахстане и в Закарпатье. Они никогда не покидают уютных подоконников человеческого жилья, но никто из нас не встречал их в природе.

Откуда же взялись эти растения в наших домах? И почему так прочно прижились они около человека?

«Почти все домашние растения, — пишет Н. Верзилин, — питомцы далеких стран. Чтобы поближе познакомиться с ними и с необходимыми для

них условиями жизни, нам нужно отправиться в путешествие вокруг света. Это путешествие необыкновенное: оно будет мысленным и в то же время конкретным, так как растения которые мы будем рассматривать во время путешествия, настоящие, живые, растущие в нашей комнате».

И действительно, читатель с помощью автора совершает увлекательное путешествие.

Читатель-путешественник побывает во влажных тропических лесах Амазонки, чтобы познакомиться с интересным растением — лианой, листья которой часто «плачут» от избытка влаги в воздухе. Это растение так и прозвали в народе — «плаксо́й». В поисках «ваньки-мокрого» автор поведет молодого натуралиста в леса острова Занзибар у берегов Африки, а чтобы найти удивительное растение с четырьмя тысячами цветов — агаву, придется отправиться в путешествие по безводной земле далекой Мексики.

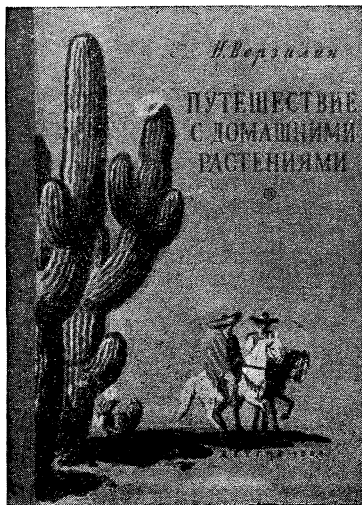
Но все эти диковинные растения далеких стран живут и около нас, в нашей комнате.

Оказывается, наши комнатные фикусы, кактусы, бегонии, столетники — это в десятки, сотни, а иногда и в тысячи раз уменьшенные потомки гигантских тропических и субтропических растений. Потому-то и ужасались они в наших комнатах, что климат здесь сходен с климатом их родины.

Но автор не только увлекательно описывает путешествие с домашними растениями; он обязательно здесь же расскажет и о том, какие интересные опыты можно проделать над ними. И вот ваш подоконник превращается в лабораторию, где можно «научиться» воспитывать растения, управлять их развитием; размножать семенами, отводками и черенками; прививать и скрещивать их, а главное, научиться наблюдать и понимать жизнь растений и по-мичурински любить их».

Органическое слияние увлекательного, захватывающего чтения с возможностью немедленного действия и составляет основу успеха книги «Путешествие с домашними растениями».

Этот же принцип положен автором

¹ Н. Верзилин, Путешествие с домашними растениями. Издание третье. Детгиз, 1954 г., 336 стр., ц. 10 р. 30 к.

в основу его второй книги — «По следам Робинзона»¹.

В ней повествуется уже о наших, «исконно русских» деревьях, цветах и травах, повсюду окружающих нас с детства. Страницы книги населяют лопухи, дубы, кувшинки, рогозы, щавель, черемуха, подорожники. Но и здесь автор находит возможность показать этих завсегдаев наших лесов, лугов и полей с неожиданной стороны. Оказывается, и лопух, и дуб, и кувшинка, и щавель — удивительные растения, обладающие массой полезных и интересных свойств. Мало кому, например, известно, что щавель — указатель кислых почв, так как он растет только на этих почвах.

А каким полезнейшим деревом является наша черемуха! Соком ее плодов подкрашивают различные напитки и вино; из самих плодов варят кисели и делают наливки; корой дерева расцвечивают ткани в зеленый или буро-красный тон, а настой из коры употребляется в народной медицине как потогонное. Настой цветов черемухи используют для лечения глазных болезней, а настой из листьев — для легочных. Наконец советские ученые открыли еще одно удивительное свойство черемухи: сильный запах ее цветов и листьев очищает воздух, убивая микробов.

Умело автор приводит молодого читателя к мысли о том, что в зеленом океане растений нет бесполезных, а есть такие, свойства и качества которых мы еще не знаем. На изучение их и наталкивает каждая страница книги.

И опять-таки, рассказывая все самое интересное о растениях, вплоть до поверий, легенд и пословиц, Н. Верзилин так строит свою книгу, что при ее чтении у темпераментного молодого читателя появляется потребность действия; у него оказывается при этом занятой не только голова, но и руки. Разбуженная пытливая мысль претворяется в дело.

***

Книги Н. М. Верзилы — новое, интересное явление в научно-художественной литературе для детей и молодежи. Его книги обладают, если так можно выразиться, политехничностью: они дают не только точные знания, пробуждают интерес к этим знаниям, но и прививают читателю трудовые навыки, умение применять полученные знания к делу — учат не только понимать и знать природу, но и любить осмысленный творческий труд в ней.

В этом и секрет их успеха.

Кем бы впоследствии ни оказался читатель этих книг, он всегда будет с благодарностью вспоминать их. Знания и практические навыки, полученные с их помощью, пригодятся ему в дальнейшей жизни.

В. л. ЕЛАГИН

¹ Н. Верзилин, По следам Робинзона. Издание второе, дополненное. Детгиз, 1953 г., 278 стр., ц. 8 р. 45 к.

В зарубежной печати Африку часто называют «континентом будущего».

Это звучное определение внушено открытием в Африке крупных месторождений ценных ископаемых. Наиболее сенсационным для капиталистического мира было открытие редких минералов, применяемых для производства атомной энергии и создания реактивных двигателей.

Рудные залежи «Черного материка» еще слабо разработаны. Но уже сейчас его доля в мировой добыче многих видов промышленного сырья

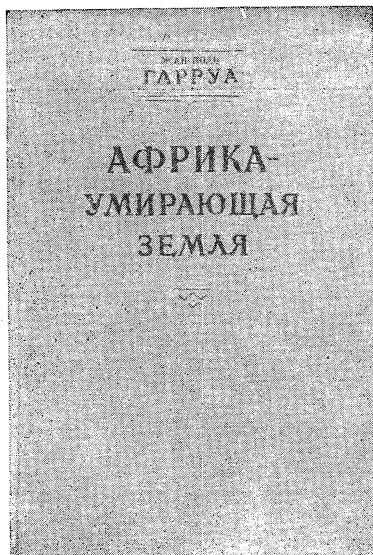
пищеские продукты: пальмовое масло, какао и кофе, гвоздика и ваниль, сизаль. Доля Африки в мировом производстве бобов какао, пальмового масла и пальмовых ядер составляет около 70 процентов, сизаля — более 75, земляного ореха — 22, кофе — 15 процентов и т. д.

В послевоенные годы возникло немало планов широкого использования африканских ресурсов. Есть английский план «развития» колоний. Есть французский план «модернизации и оснащения заморских территорий». Есть бельгийский «десятилетний план развития» — для Бельгийского Конго. Есть американские планы, прикрываемые «интересами обороны». Свои планы использования ресурсов Африки имеют даже у западногерманских монополий, хотя Западная Германия еще после первой мировой войны потеряла колонии на этом материке.

Нет только африканских планов: почти все африканские народы лишены права распоряжаться богатствами земли и собственной судьбой. И во всех планах, о которых шла речь, роль африканцев на «континенте будущего» сводится к тому, чтобы... работать, умножая прибыли иностранных монополий. За долгие годы своего господства в Африке колонизаторы довели коренных жителей материка до крайней степени обнищания, в результате чего рабочие руки там считаются самыми дешевыми в мире.

В планах «развития» нет и намека на создание в африканских странах индустриальной основы для их подлинного экономического и социального развития. А именно в создании собственной промышленности, в особенности тяжелой, больше всего нуждаются африканские страны, и эту задачу облегчает наличие самого разнообразного сырья.

«Континент будущего» мыслится колонизаторами лишь как гигантский резервуар сырья для иностранных монополий. Иначе говоря, дело идет не о развитии, а о еще более

весьма значительна. По вывозу урана, промышленных алмазов, золота, кобальта, колумбита, фосфоритов этот материк занимает ведущее положение на мировом капиталистическом рынке.

Африка представляет собой также богатый источник сельскохозяйственного сырья. Из богатейших девственных лесов и многочисленных африканских оазисов на капиталистический рынок поступают различные тро-

«ТОЧКА НА КАРТЕ»

Некогда скандинавы называли Русь страной городов — Гардарик. И действительно, наша Родина еще в далеком прошлом была страной больших и богатых городов, таких, как Киев, Псков, Великий Новгород, который в средние века был значительно больше современных ему Парижа и Лондона.

В нашей стране 1 450 больших и малых городов и более 2 тысяч поселков. Многие из них в будущем тоже станут городами, так бурно они растут. Книга Е. Мара «Точка на карте» (Детгиз, 1954 г.) рассказывает об истории возникновения и развития городов нашей страны, о строительстве новых, реконструкции и благоустройстве существующих. Одна из глав посвящена столице нашей Родины Москве.

«СЛАВА» В АНТАРКТИКЕ

«Шторм достигал одиннадцати баллов... Океан ревел и бесновался. Порыв за порывом поднимал длинные волны двадцатиметровой высоты, срывая с них седую пену. Волны вставали стеной перед судном, обрушиваясь на него».

Все китобойные суда флотилии бездействовали. Они падали с борта на борт на огромных волнах, поднимались дыбом, обнажая киль, и вновь зарывались до верхушек фок-мачты в пучину. Но молодой гарпунер «Славы-9» Григорий Панов решил не прерывать погони за китом, и в полдень, когда ветер достиг силы урагана, кит был доставлен на базу.

Так впервые за всю историю китобойного промысла советский гарпунер добыл кита во время шторма.

Много героических трудовых подвигов советских моряков описал капитан-директор флотилии А. Соляник в своей книге «Слава в Антарктике» (Профиздат, 1954 г.). Вся книга Соляника — яркое свидетельство героизма и мужества советских китобоев.

интенсивном расхищении богатств материка.

В Издательстве иностранной литературы недавно вышел сокращенный перевод книги Жан-Поля Гарруа «Африка — умирающая земля. Разрушение африканских почв под влиянием колонизации»¹. Эта книга о прошлом и настоящем. Но по ней можно наглядно представить, каково могло бы быть будущее материка, если бы колониальные державы имели власть над будущим.

Автор книги — генеральный секретарь Института по изучению Центральной Африки, он возглавляет Международное бюро по охране природы. Многие годы автор изучал африканские проблемы на месте и особенно хорошо знает Бельгийское Конго. Его никак нельзя назвать противником колониализма. Наобо-

рот, по мнению Гарруа, колониальная система может быть весьма благодетельной для африканцев, она нуждается лишь в некоторых улучшениях.

Содержание этой книги чрезвычайно противоречиво. По своей политической направленности она — апология колониальной системы, а по приведенному в ней фактическому материалу — обвинительный акт этой системе. Выводы автора, находящиеся в противоречии с фактами, не убеждают читателя. Но факты остаются фактами, и в этом ценность книги.

На конкретных примерах автор показывает пагубные последствия деятельности колонизаторов в Африке: разрушение растительного покрова, сокращение водных ресурсов, ускоренную эрозию почв. Эти процессы находят яркое выражение прежде всего в опустошении тропических лесов, саванн, степей.

В Нигерии и на Золотом Берегу первобытные леса неотвратимо отступают перед плантациями какао.

На юге Золотого Берега плантаторы ежегодно раскорчевывают до 75 тысяч гектаров леса; при таком темпе для полного уничтожения леса, занимающего три с половиной миллиона гектаров (то-есть 15 процентов территории страны), не потребуется и 50 лет. В Сьерра-Леоне и в прибрежной полосе Либерии лес долгие годы уничтожался на площади в тысячи гектаров и заменялся плантационными коммерческими культурами, преимущественно кофе. За последние полвека непоправимым разрушениям был подвергнут растительный покров на Мадагаскаре, состоявший прежде на три четверти из лесов.

Прогрессирующее уничтожение растительности, производимое в интересах плантаторов и лесопромышленников, непосредственно сказывается в постепенном увеличении засушливости климата и усыхания подпочвы, в усилении эрозии, в наступлении пустынь. Гарруа указывает, что Сахара ежегодно отвоетывает примерно один километр у прилегающих к ней областей. А на севере Кении пустыня Туркана наступает с быстротой 10 километров в год.

Одним из опаснейших последствий колонизации, особенно разрушительно действующим на африканские почвы, является насильственное внедрение в широких масштабах экспортных культур — какао, кофе, земляного ореха, бананов и т. п. Обширные районы и даже целые страны специализируются только на одной какой-нибудь из этих культур, что влечет самые пагубные последствия для местного населения.

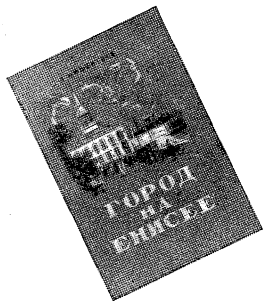
По свидетельству Гарруа, экспортные культуры, выращиваются ли они в условиях плантации, или в мелком туземном хозяйстве, «постепенно лишают почву Африки... ее плодородия, отправляемого за океан в виде продуктов, даже отходы которых никогда к ней не вернуться».

Гарруа старается убедить читателя, что колониальные державы, используя советы ученых, еще в состоянии исправить «допущенные ошибки», приостановить процесс разрушения африканской земли и, более того, добиться лояльного «сотрудничества» африканцев с колонизаторами. Но автор взял на себя неблагодарную и крайне неприглядную задачу. Жизнь давно развенчала миф о «цивилизаторской миссии» колонизаторов.

Колониальная система была и остается системой интенсивного расхищения природных богатств и жестокой эксплуатации населения экономически слабых стран.

Будущее своего континента африканские народы видят не в сохранении колониальной системы, а в борьбе за ее ликвидацию, за право самим распоряжаться своими богатствами. Об этом убедительнее всяких слов говорит мощный размах национально-освободительного движения в африканских странах.

С. ДАТЛИН

«ГОРОД НА ЕНИСЕЕ»

В 1627 году енисейский воевода Янов Хрипунов «отписал» в Москву, что его помощник Андрей Дубенский «присмотрел со служивыми людьми в новой начинской землице на реке на Енисее на яру место угоже, высоко и красиво, и лес близко всякий есть, и пашенных мест и осенних покоев много и острог на том месте поставить можно».

Вскоре около Красного яра на Енисее был построен Красноярский острог, положивший основание городу Красноярску. Московский тракт, проложенный во вто-

рой четверти XVIII века, связал новый город с центром России, Иркутском и Забайкальем; с этого времени и начинается быстрый рост города, оказавшегося на перекрестке важнейших торговых путей того времени.

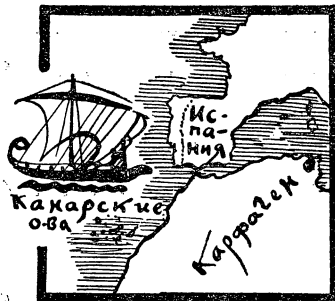
Об истории возникновения и развития одного из крупнейших сибирских городов, о его огромном промышленном и культурном росте за годы советской власти, о ближайшем будущем города рассказывается в книге Е. Нифантьева «Город на Енисее» (Красноярское книжное издательство, 1954 г.).

ОСТРОВА БОЛЬШИХ СОБАК

У северо-западных берегов Африки в Атлантическом океане лежит группа Канарских островов.

В глубокой древности острова эти посещали финикийяне, затем карфагеняне. За двадцать пять лет до нашей эры к ним плывал нумидийский царь Юба. Первое описание этих островов принадлежит римлянам, называвшим их Счастливыми и Канарскими. Последнее наименование, как указывает Плиний, произошло, повидимому, от слова «canis» (собака); у местных жителей островов — гуанчей — водились собаки огромных размеров, поражавшие своим видом путешественников.

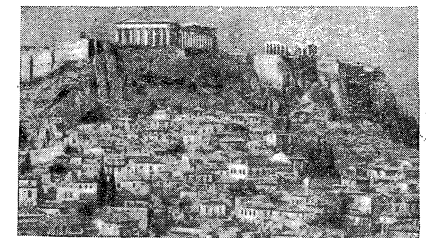
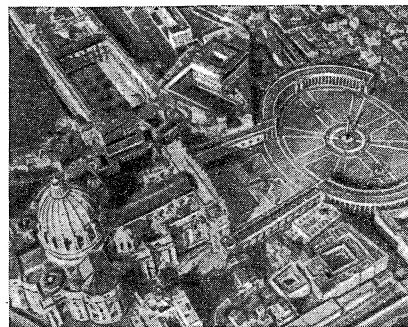
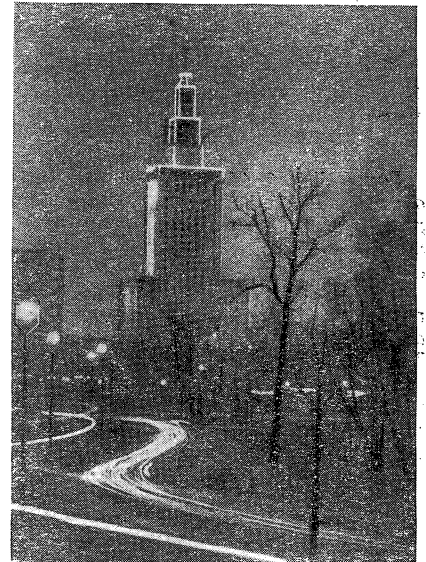
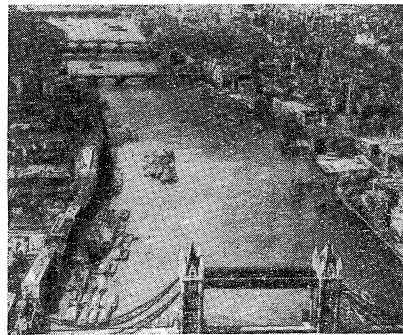
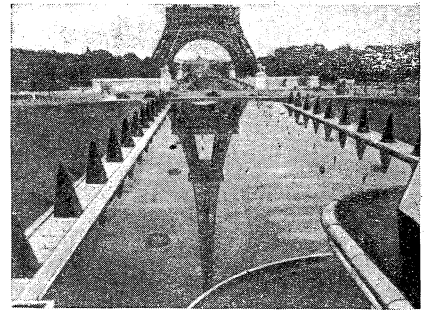
Потом о существовании островов на долгое время забыли, и лишь много столетий спустя, в XIV веке, они были вновь открыты испано-португальской экспедицией. Испанцы, которые стали заселять острова, встретили здесь упорное сопротивление гуанчей. Оно было жестоко подавлено колонизаторами. Большая часть на-

селения островов была уничтожена, а остатки гуанчей смешались с испанскими колонистами, утратив свой язык.

Исчезли и большие собаки, которые дали наименование островам, и теперь о далеком прошлом Канарских островов свидетельствует только их название.

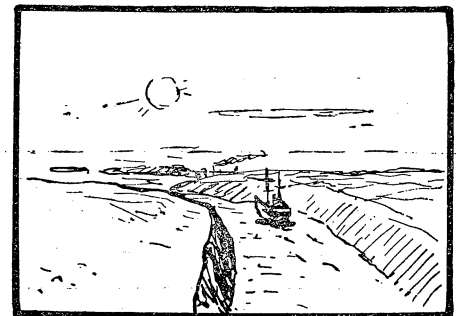
Между прочим, эти острова дали имя вывезенной с них и широко распространенной в Европе одомашненной птице-певунье — канарейке.

На этих снимках изображены известные достопримечательности шести городов — столиц европейских стран. Назовите их.

**КУДА
НАПРАВЛЯЕТСЯ
ПАРОХОД?**

На рисунке изображен пароход, который в два часа пополудни по московскому времени вошел в Панамский канал. К какому океану направляется судно и какое время показывают местные часы?

Город Халеб (Алеппо) расположен в плодородной долине на севере Сирии. В древние времена через него проходил важный торговый путь в Месопотамию.

Сейчас железная и шоссейная дороги ведут из Халеба в порты Средиземного моря, Трансиорданию, Турцию и Ирак.

По числу жителей Халеб — самый большой город в республике. В нем развита кустарная шелковая, шерстяная и кожевенная промышленность. Знаменитые местные ткани, вышивки, красильные вещества, оливковое масло и сушеные фрукты вывозятся отсюда в разные страны мира.

Существующий две с половиной тысячи лет, Халеб известен множеством построенных в нем мечетей. Вот почему в Сирии его называют «городом минаретов».

На обложке этого номера — уголок Халеба. Цветное фото И. Горчилина и С. Киселева, авторов очерка «По городам Сирии».

СОДЕРЖАНИЕ

№ 1. Январь 1955 г.

Ф. ЗИГЕЛЬ — Движения Земли. Рисунки М. Пикова	2
В. ДРУЖИНИН — Злата Прага	8
И. ВОЛЬФ — Первый день в Джакарте	13
М. ЕРМИЛОВА — На склонах Казбека	16
Г. ГОЛУБЕВ — Новая родина хлопка	18
В. А. ОБРУЧЕВ — Через горы и пустыни	24
А. АЙРУ — Египетская деревня	26
И. ГОРЧИЛИН, С. КИСЕЛЕВ — По городам Сирии	31
М. ПРИШВИН — Лесное царство. Рисунки М. Фаворской	36
Л. ПАВЛОВ — Белые озера	42
Э. КРЕНКЕЛЬ — Арктика — Антарктика. Рисунки В. Житенева	45
Г. ХАРТ — Молодость Васко да Гамы. Рисунки П. Павлинова	48
А. МАТЕЮНАС — Экран жизни. Рисунки В. Таубера	54

СРЕДИ КНИГ

Вл. ЕЛАГИН — В зеленом мире растений	60
С. ДАТЛИН — Книга об Африке	61

В МИРЕ НАУКИ

Лимонник. — Гамбузия	7
--------------------------------	---

В СТРАНАХ НАРОДНОЙ ДЕМОКРАТИИ

Китайские шахматы. — Ценные находки в каменоломне. — В краю песчаных скал	17
---	----

СТРАНЫ И НАРОДЫ

На равнинах Алентежу. — Подземные мастерские	47
--	----

НА СУШЕ И НА МОРЕ

Исчезающие птицы. — Пальма — слоновая кость. — Носуха	53
---	----

Главный редактор В. С. Сапарин

Члены редакционной коллегии: В. И. Аннуратов, Н. Н. Баранский, Е. Н. Васильева, В. Т. Зайчинов, В. Л. Нудряцев, А. В. Нинонов (заместитель главного редактора), академик В. А. Обручев, Л. Д. Платов, А. И. Соловьев, В. С. Чернецов

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»

Адрес редакции: Москва, А-55, Сушевская, 21. Тел. Д 1-15-00, доб. 25

Рукописи не возвращаются

Технический редактор Н. Михайловская

А07376 Подп. к печати 28/ХІІ 1954 г. Бумага 60×92¹/₈=4,25 бум. л.=8,5 печ. л. 10,2 уч.-изд. л. Тираж 130 000 экз. Цена 6 руб. Заказ 2677.

Типография «Красное знамя» изд-ва «Молодая гвардия», Москва, А-55, Сушевская, 21.

В ПОИСКАХ „ИСТОЧНИКА ВЕЧНОЙ МОЛОДОСТИ“

Испанский король Фердинанд Католик принял бывшего губернатора острова Пуэрто-Рико Хуана Понсе де Леона стоя. Тот преклонил колено, поцеловал протянутую ему руку и с трудом поднялся: он был истощен и казался гораздо старше своих пятидесяти лет.

— О чем вы просите? — спросил Фердинанд.

— Я прошу, ваше высочество, о выдаче мне патента на открытие острова вечной молодости Бимини и на управление им.

Вскоре проситель получил такой патент за подписью короля.

...В городе Санто-Доминго распространилось известие, что дон Хуан Понсе де Леон и нанятый им опытный, известный всем морякам кормчий Антон Аламинос, плававший когда-то с самим Кристофалем Колумбом (Христофором Колумбом), набирают команды для трех судов экспедиции на поиски острова вечной молодости Бимини (а об этом острове многие и раньше слышали от багамских индейцев — рабов), что дон Хуан принимает на службу и стариков и увечных, — лишь бы они могли работать. Да и для чего, в самом деле, нужны молодость и безупречное здоровье людям, которые после сравнительно короткого морского перехода смогут омолодиться и вернуть утраченные силы?

Вероятно, команды на этих кораблях были самыми старыми из всех, какие знает морская история.

3 марта 1513 года флотилия взяла курс на северо-запад от острова Пуэрто-Рико. Миновав юго-восточную группу Багамских островов, открытую Колумбом за двадцать лет до этого, Аламинос повел корабли в неизвестных еще водах. Открыта была северо-западная группа Багамских островов. Моряки купались во всех реках и озерах новооткрытых островов, но чудесного источника, возвращающего молодость, все не было.

Пройдя далее к северо-западу, испанцы увидели большую землю. Берега ее были одеты пышной субтропической раститель-

ностью, а открыта она была в первый день «цветущей» пасхи (по-испански — Паскуа Флорида). И Понсе де Леон дал новооткрытой земле имя Флорида (Цветущая).

Но на карте, составленной Аламиносом, было подписано и другое имя: Бимини. Однако напрасно испанцы и здесь перепробовали воду множества рек и озер.

Огорченные неудачей, мореплаватели повернули обратно. 28 апреля 1513 года флотилия достигла южной оконечности Флориды и стала там на якорь. Неожиданно один корабль сорвало с якоря и понесло на северо-восток, в открытый океан.

Гигантская «морская река» темносинего цвета, резко отличающаяся от зеленовато-голубой воды океана, текла с запада и у юго-восточной оконечности Флориды круто поворачивала на север. Она-то и увлекла корабль, который лишь с большим трудом смог соединиться с другими судами.

Антон Аламинос был первым, кто правильно угадал, что это мощное теплое течение пересекает Атлантический океан и доходит до берегов Западной Европы, и предложил даже воспользоваться им при возвращении в Испанию.

Это была та великая «морская река», которая, как теперь доказано, несет в десятки раз больше воды, чем все реки земли, вместе взятые. Позднее, когда нанесено было на карту все побережье Мексиканского залива, испанцы назвали ее «Течением из залива». У северных европейских народов она известна под названием Гольфстрим, что означает то же самое.

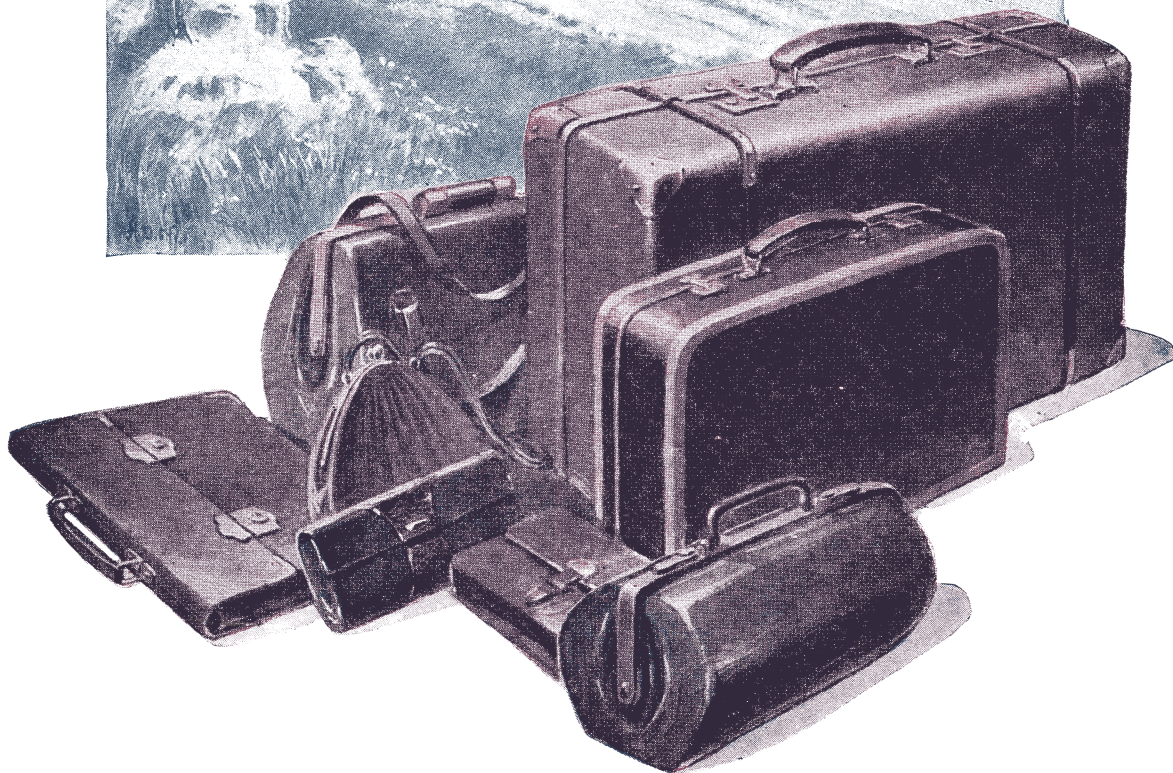
Так был открыт Гольфстрим — «источник вечной молодости» климата стран Западной и Северо-Западной Европы — мощная система теплых морских течений в Атлантическом океане, охватывающая огромное пространство от Мексиканского залива до берегов Шпицбергена и Кольского полуострова.

И. МАГИДОВИЧ

Цена 6 руб.

**МИНИСТЕРСТВО ПРОМЫШЛЕННЫХ ТОВАРОВ
ШИРОКОГО ПОТРЕБЛЕНИЯ СССР**

КОЖЕВЕННО-ГАЛАТЕРЕЙНЫЕ ПРЕДПРИЯТИЯ

ВЫПУСКАЮТ ИЗДЕЛИЯ

В РАЗНООБРАЗНОМ АССОРТИМЕНТЕ